

ГРОМЧЕ
МУЗЫКИ ТОЛЬКО
ИШИНА

Две полоски для
БОСССА
ЭЛИ ШАРМ

После встречи с бизнесменом Максом Грозовым моя жизнь разделилась на «до» и «после». Так вышло, что он стал моим ПЕРВЫМ... Только вот одно «НО» — у меня есть жених и совсем скоро у нас свадьба.

Тайна, которую хранит Макс, может разрушить абсолютно ВСЁ. Сильный. Опасный Чувственный... Он готов показать, что на свете есть кое-что поважнее учебы и карьеры.

Я мечтаю забыть о своей ошибке, только ДВЕ ПОЛОСКИ НА ТЕСТЕ меняют в планы...

Две полоски от босса

Элли Шарм

Пролог

— Собирай вещи, — цедит сквозь зубы, посылая холодок вдоль позвоночника. Макс никогда не простит, что я скрыла от него наследника...

— Что ты задумал? — испуганно лепечу, прижимая ладонь к ещё не округлившемуся животу. — Я никуда с тобой не пойду!

— Мне плевать на твои капризы, — режет меня словами Громов. — А вот тот, кто находится здесь, — кладёт поверх моей руки широкую ладонь, — принадлежит мне.

Глава 1

Ангелина

— Ангелина! — я вздрогнула от резкого окрика и резко обернулась на звук голоса.

Тренер смотрела на меня строго, слегка сведя светлые изящные брови на переносице. Стройная в свои почти сорок три года, высокая и ладная. Ее светлые длинные волосы были уложены в аккуратный низкий испанский пучок.

В ушах поблескивали небольшие серьги с бриллиантами, переливаясь всеми цветами радуги в свете ламп на потолке. Мне нравилось, как она одевалась — просто, но со вкусом. Тонкие, хлопковые, коричневые брюки и белый льняной топ на узких бретельках — все это смотрелось на ней шикарным нарядом, подчеркивая изысканный вкус. Безукоризненный стиль.

— Да, Татьяна Константиновна?

Так и не различив эмоции во взгляде женщины, я опустила руки и нервно провела ладонями по бедрам. Ладоней коснулась приятная ткань белых лосин.

Взгляд женщины смягчится при виде моего открытого беспокойства.

— Ангелина, подойди, — уже более мягким тоном попросила тетя Таня и кивнула в сторону раздевалки.

Я покорно последовала за ней, поморщившись от кольнувшей острой боли в больших пальцах. Взглянув на свои выдавшие виды пуанты, тяжело вздохнула. Как же надоело день за днем лечить проклятые кровавые волдыри!

Взгляд помимо воли обратился на новенькие пуанты Катьки Наумовой.

Та, задрав свой длинный нос, как будто специально хвастаясь обновкой, без устали крутила пируэты, хотя это далеко не самая ее сильная сторона.

Вздохнув, я подумала о том, что зависть — плохое чувство.

Поджав губы, чтобы хоть как-то усмирить своих разбушевавшихся демонов, поспешила в раздевалку.

— Девочка моя, у тебя что-то случилось? — с ходу, без всяких хождений вокруг да около, начала Татьяна.

Тренер сбросила с себя всегда восхищавшее меня хладнокровие, с которым она обычно держалась на людях. Оно буквально облегло ее всегда, словно застегнутая на все пуговицы блуза.

Я пожалала плечами, ощущая, как крошится долго возводимая стена. После того, как тренер так по-доброму обратилась ко мне, не совладав с собой, горько всхлипнула, тут же

прикрывая глаза, не давая вырваться потоку соленых слез наружу.

— Та-ак! Понятно! — протянула женщина, глядя, как, не смотря на мои титанические усилия, первая купная слеза побежала по щеке, щекоча нежную чувствительную кожу.

Я быстро смахнула ее и покраснела, мысленно обозвав себя дурой. Ну, почему я все время позорюсь?

— Что-то с мамой? — пронизательно спросила Татьяна, с первой попытки попадая в точку.

Я порывисто кивнула, понимая, что, если произнесу хотя бы одно слово, то позорно разрыдаюсь, как маленькая девочка, которую учат впервые садиться на шпагат.

— На вот, выпей! — засуетилась Татьяна Константиновна.

Она быстрым шагом подошла к скамейке и подняла с пола бутылку с минеральной водой. Настойчиво протянув поллитровку, терпеливо дождалась, пока я неловкими пальцами откручу красную пластмассовую крышку, которая совершенно не слушалась дрожащих рук.

— Ну-ну, будет тебе. Не надо так убиваться! Вытри слёзы, все наладится, — она беспокойно покрутила железные ключи в пальцах, явно нервничая.

Я глубоко вздохнула и яростными морганиями попыталась прогнать прочь слёзы. Крышка поддалась, и я прильнула к горлышку губами, делая первый глоток.

— Сердце? — задала Татьяна лишь один вопрос.

Я растеряно кивнула, словно послушная марионетка, подтверждая пронизательную догадку тренера.

Помолчав с минуту, Татьяна решительно произнесла:

— Ты иди, Лина, занимайся. Всего-то осталось около часа и — по домам, — и махнула в сторону двери.

— Спасибо, тетя Тань, — выдавив улыбку, я покорно направилась в указанном направлении.

Прикрывая ее за собой, растерянно бросила взгляд на тренера. Пальцы Татьяны проворно бегали по клавиатуре телефона. Стараясь выкинуть из головы все плохие мысли о предстоящей маминной операции, я подошла к своему любимому месту и встала в первую позицию.

Сколько себя помню, моя жизнь всегда крутилась вокруг хореографического станка в зале танцев. Пируэт, кабриоль, любимый мною револьгад — все это прочно поселилось в моих буднях с пяти лет, когда мама впервые привела меня в балетную академию Татьяны Жаровой.

Одна из самых лучших школ города Анапа, в которую просто так туда не попадешь. Это я узнала значительно позже, случайно подслушав разговор мамы с ее лучшей подругой тетей Леной.

Они говорили о том, что если бы мама не помогла какой-то больной раком женщине обезболивающими, не было бы у меня сейчас этих ужасных кровавых мозолей на пальцах. Но, вместе с тем, надежды на светлое безбедное будущее — тоже.

Незнакомка болела долго.

Прогноз самый печальный — третья стадия рака. Чтобы хоть как-то облегчить ей жизнь, врач выписал сильнодействующее обезболивающее. К сожалению, эта дозировка уже почти на облегчала страдания пожилой женщины.

Мама по доброте душевной помогла Марии Васильевне, а та поговорила со своей дочерью, чтобы она меня взяла в балетную школу. Ее дочь — когда-то в прошлом настоящая

прима — на данный момент владелица балетной академии «Нежность» в городе Анапа, мой тренер и почти вторая мама.

Капелька пота, как в замедленной съемке, покатила по лбу и упала на пол.

Я выпрямилась из наклона и, плавно подняв правую ногу, опустила ее на балетный станок. Вскоре все мысли были заняты лишь движениями рук, ног и, конечно же, чудесной музыкой.

Только она меня и спасала! Я будто попадала в другой, сказочный мир, где нет болезней, страха и прочего, что присуще настоящей жизни.

Очнулась я лишь тогда, когда заметила, что почти все девочки уже разошлись по домам.

Остались лишь я и Катя Наумова. Она все никак не могла развязать свои новые пуанты, тихо, но грязно ругаясь. Брюнетка сидела на паркете и тянула атласную ленту на своей обновке. Бросив взгляд на настенные часы, я утерла пот со лба. Ничего себе! Задержалась на целых полчаса. Я, медленно направляясь к раздевалке, резко отскочила в сторону, когда дверь в зал неожиданно открылась и с размаху ударила о стену.

Казалось, будь удар чуть сильнее и — посыплется штукатурка.

В помещение ввалились здоровенные лбы.

Я растерянно наблюдала за происходящим, лишившись способности двигаться и говорить...

Глава 2

Их было трое. Одеты небрежно — в джинсы, кроссовки и обычные футболки-борцовки. Эти странные люди были настолько не уместны в светлом зеркальном зале, что на какое-то мгновение мне показалось, что я брежу.

Я привыкла видеть здесь совершенно иной тип мужчин: изящных, субтильных, тонкокостных артистов балета.

Эти же были совершенно другие.

— Располагаетесь, мужики! — громкий баритон с хриплыми нотками заставил встрепенуться.

Голос принадлежал высокому брюнету, в руке которого была тяжелая гиря.

Он держал ее словно невесомую надувную игрушку. Цепкие синие глаза тут же впились в мою дрожащую фигурку.

Опасный, дикий... Что-то в нем было такое, что одновременно побуждало сделать шаг назад, но, при этом, было невозможно отвести взгляд. Густые иссиня-черные волосы, смуглое лицо, волевой подбородок.

Я, не осознавая того, с интересом прошла взглядом по мощным плечам, плавно спускаясь к груди. Мощная широкая грудная клетка сужалась к поясу, образуя латинскую букву V.

На нем была черная кожаная куртка. Задержав взгляд на крепких мускулистых бёдрах, я густо покраснела. Опомившись, быстро вскинула глаза, чтобы вновь посмотреть в лицо мужчины. Мужественные, правильные черты — красив, несомненно.

Лишь только длинные черные ресницы будто смягчали грубоватые классические линии. Мощный подбородок был чуть синеватым от щетины. Из этого парня пер тестостерон, в отличии от балетных. Я невольно поморщилась от странных мыслей, витающих в моей голове.

Слегка прикрыв глаза ресницами, принялась изучать красиво очерченные губы. Однако, стоило поднять взгляд выше, как тут же попала в плен синих глаз.

Все вдруг остановилось — звуки голосов, музыка, шаги, дыхание, сердцебиение.

Очень необычный цвет. Нет, не голубой, а именно глубокий синий, как море во время шторма. Когда грохочет гром, и вода начинает темнеть и волноваться, становясь более тёмной... и опасной. Дьявольски красивые синие глаза.

Он смотрел в ответ изучающе, пристрельно...

— Ангелина! — голос Татьяны вырвал меня из потока мыслей.

Щеки заалели, выдавая смущение. Стою, как дурочка, посреди зала и пялюсь на не знакомого мужчину, пусть и на такого симпатичного.

Один из парней, рыжий, с веснушками и тонким шрамом на щеке, слегка подтолкнул крупного брюнета.

Рыжий с намеком пошевелил бровями, а потом перевёл насмешливый взгляд на меня.

Синеглазый, расплывшись в ленивой улыбке, подмигнул мне.

Вспыхнув еще ярче, если это возможно, сделала вид, что не заметила наглого поведения, и поспешила к Татьяне.

Женщина напряжённо наблюдала за тем, как мужчины заносят в зал спортивный инвентарь.

— Теть Тань, что происходит? — негромко спросила я, приближаясь к тренеру.

Не отрывая взгляда от снующих туда-сюда мужчин, она ответила:

— По вечерам здесь будут заниматься спортсмены.

Я удивленно перевела взгляд на другой конец зала, невольно останавливаясь на том самом молодом человеке с синими глазами.

Он небрежно скинул с плеч кожаную куртку, оставаясь в одной чёрной майке-борцовке.

— Спортсмены? — удивленно сорвалось с губ. Уж меньше всего они походили на таковых!

Тетя Таня нервно провела рукой по волосам.

— Линочка, иди домой. Я думала... думала, что все уже ушли, — она выглядела расстроенной и раздосадованной. — Сколько раз я говорила, чтобы ты берегла себя и не занималась допоздна, — эти слова прозвучали чуть ли ни как обвинение.

Тренер легонько подтолкнула меня к двери в раздевалку, будто пытаюсь спрятать от настырных синих глаз, что настойчиво следили за каждым моим движением.

Будто хищник нашел свою цель и теперь изучает, как лучше всего к ней подобраться. В полутёмной раздевалке, быстро натянула чистый белый топ и голубые джинсы с завышенной талией, я застегнула босоножки. Осталось причесаться и я готова. Сдув прядь волос, спадающую на лоб, принялась искать расческу в рюкзаке.

Ах, вот и она!

Я быстро стянула чёрную резинку с волос и в блаженстве прикрыла глаза, руками массируя кожу головы. Локоны каскадом заструились по моей спине.

Волосы всегда были предметом моей гордости — объёмные, длинные, белокурые. Они редко кого оставляли равнодушными, вызывая либо чувство восхищения, либо чёрную зависть.

Они шелковистой массой упали почти до самых бёдер. Я уже поднесла к ним расчёску, как сзади меня послышался какой-то странный сдавленный звук. Я резко обернулась и испуганно вскрикнула.

В проеме приоткрытой двери стоял один из «спортсменов» и жадным взглядом будто ощупывал всю меня с ног до головы.

Тот самый, с синими глазами. Что это он себе позволяет?!

Я с трудом пыталась как-то отреагировать, заставить свое сердце вновь работать, уgomонить пульс, что бился слишком тяжело и быстро. Ведь зайдя мужчина на минуту раньше, то застал бы меня в одном хлопковом белье.

Даже лифчик не ношу. Нет надобности... Грудь чуть больше первого размера. Для чего мне этот предмет гардероба? Я так решила ещё в пятнадцать лет, поэтому больше не возвращалась к этому вопросу. Даже сейчас, спустя три года.

Но прямо сейчас, под его наглым взглядом, я впервые пожалела, что игнорирую данный предмет женского гардероба. Он стоял, опираясь одной рукой о косяк, другой сжимал круглую ручку двери, словно держа меня в плену.

В его невыносимых глазах горело опасное предложение «сыграть» в нечто запретное.

От него буквально веяло мужской самоуверенностью. Я много видела красивых парней в балетном, но такой потрясающей харизмы — никогда. Должно быть, он привык что у женского пола от одного взгляда его синих глаз подгибаются колени.

— Кхм! Извини, красивая! Дверью ошибся.

По лукавым искрам в глазах и кривой, но такой обаятельной белозубой улыбке, я поняла, что мужчина обманывает. Только вот не привыкла я к такому наглому обращению! Папа всегда уважительно относился к маме. Даже помню, как удивилась, когда увидела папины письма из армии, которые он писал маме.

Обращался исключительно на «Вы» и никак иначе. Да и мой Димка, хоть мы встречаемся всего год, относится ко мне с уважением. Лишний раз дотронуться боится... А этот хам стоит и в ус не дует, будто ничего сверхъестественного не случилось! Подумаешь, зашёл в женскую раздевалку... Так я и поверила, что он перепутал двери!

Я сморщила нос и посмотрела на него так, будто он — противный таракан у меня под ногами.

Ну, должен же кто-то стереть эту наглую улыбочку с его лица?!

Глава 2.1

Многие думают, раз перед ними хрупкая блондинка с огромными, наивными, карими глазами, то и угрозы никакой. Да, взгляд у меня точь-в-точь, как у знаменитой Одри Хепберн, бархатный и добрый, с поволокой.

Да, у меня идеальный для балета рост — сто шестьдесят пять — метр с кепкой в прыжке, но не стоит судить по внешней безобидности! В душе я всегда мечтала быть бойкой и давать обидчикам отпор. Может, уже пора что-то в себе менять и начать прямо сейчас?! Заметив, как его взгляд скользит по топу, обтянувшему грудь, собравшись с духом, я выпалила на одном дыхании:

— Выйдите и закройте за собой дверь! — после чего даже слегка зажмурилась, ожидая реакции мужчины.

Выждав какое-то время, осторожно приоткрыла один глаз.

Темные зрачки мужчины дрогнули, но выражение лица не изменилось. Видимо, не привык к тому, что ему указывают, что делать и, тем более, отказывают в чем-то.

Чуть дрожа, я упрямо вздернула подбородок. Вот точно так же, как делала всякий раз, когда не получалась сложная связка в танце.

Я — Ангелина Макарова, и я никогда не пасую перед трудностями!

Послышались шаги, затем раздался голос:

— Гром, ты че завис?! Пошли, в кабаке телки ждут и Геныч! — рыжий парень перевёл

взгляд с друга на меня и негромко присвистнул. — Понял, исчезаю...

— Так, разойдитесь! Что здесь происходит?! Это помещение исключительно для моих девочек.

Я облегченно выдохнула, услышав голос своего тренера. По ее интонации было понятно, что у Татьяны Константиновны весьма боевой настрой.

Наконец, Гром (или как там его?) неохотно пододвинулся, пропуская тетю Таню в раздевалку, и сделал шаг назад.

— Тань, че за кипишь? Ну, дверью ошибся — тоже мне, проблема, — голос был приятный, с хриплыми нотками.

Через приоткрытую дверь я видела профиль Татьяны. Она хмурилась. Выражение лица у неё было непреклонное, будто она — большой босс и застучала своего подчинённого за чем-то предосудительным.

— Когда мы заключали сделку, кажется, обсудили то, что моих девочек никто не будет беспокоить.

После краткой заминки послышался ответ:

— Да спутал двери немного. С кем не бывает?! Не заводись, Тань.

После этих слов тренер прикрыла дверь. Послышались шаги и тихие удаляющиеся голоса. Я подождала минут десять и, схватив сумочку, выглянула из раздевалки.

Молясь про себя, чтобы этого нахала не было поблизости, бросилась прочь. На мое счастье, в зале никого не оказалось, я с облегчением спустилась по лестнице и вышла на крыльцо. Оказавшись на улице, почти сразу же закашлялась от едкого дыма, что плотным серым облаком навис надо мной.

Фу, надо же так...

Я никогда не переносила дым. Гадость какая! Поморщившись от отвращения, тут же вздрогнула от раздавшегося совсем рядом со мной голоса:

— Опа! А кто это здесь у нас такой красивый?

Я развернулась, встречаясь взглядом с обладателем низкого не приятного голоса.

Это был мужчина лет двадцати семи, может быть, чуть больше.

Его голова была полностью выбрита. Глаза не большие, карие, узкие, раскосые... похож на узбека. Кожаная куртка, застиранные джинсы и чёрные, очень тяжёлые на вид ботинки. Но больше всего меня поразила обвивающая его шею цепь — толстая, явно золотая.

Толщиной почти с мой мизинец.

Вот это да! Сколько же можно было купить продуктов за те деньги, что он выложил за эту «прелесть»? Наверняка, хватило бы на год.

Из моих мыслей меня вырвало грубое прикосновение к плечу. Я с недоумением посмотрела на крупную лапищу, что сжала мое хрупкое, даже можно сказать, костлявое плечико.

— Что, принцесска, понравилась моя цацка? Хочешь такую себе? — мужчина довольно осклабился, думая, что я запала на его ювелирное украшение.

Я даже покраснела от негодования. Приготовилась уже поставить на место этого неандертальца, как меня резко рванули в сторону, освобождая от его захвата. Я буквально впечаталась в чью-то горячую, тяжело вздымающуюся грудь.

Испуганно задрав подборок, уставилась на синеглазого парня. Наши встречи, похоже, становятся традицией...

— Слышь, Кирпич, — процедил незнакомец лысому сквозь стиснутые зубы. — Ещё раз

тронешь девчонку, пальцы сломаю к чертям.

Глава 2.2.

ТИРАН

Я как зачарованная смотрела, как красиво очерченные губы раскрылись и с них слетели совсем не такие красивые слова.

— Да, че ты, Гром? — сразу растерял весь пыл новоявленный «ухажёр». — Макс, я тебе говорю: девка сама не прочь. Ей моя цацка понравилась, — громко загоготал отвратительный тип с сальными взглядом.

Он оглянулся по сторонам в надежде на поддержку, но наткнулся лишь на хмурые напряженные лица молодых людей, стоящих за спиной Грома. Понимая, что никто не спешит поддержать его сомнительные шутки, бритоголовый по-звериному осклабился, показывая крепкие крупные зубы с легким желтоватым налетом.

Я еле сдержала желание передернуть плечами.

— Я предупредил, — отрывисто бросил мой защитник. — Ты знаешь, я слова на ветер не бросаю. Твоя дешевая побрякушка очень похожа на поводок, Костя. Не заставляй меня проверять насколько это удачная ассоциация.

Крепкая мужская рука, сжимающая мое плечо, слегка расслабилась и сползла на талию.

Лысый притих и опасливо сделал шаг назад.

— Гром, да я ниче... — он метнул в меня взгляд. Задержавшись на груди, гнусный тип зло сощурил глаза и еле слышно пробормотал. — Да кому нужна такая тощая? Даже нет сис...

Мои щеки опалила жгучая волна румянца.

Макс резко дернулся вперед, увлекая этим движением меня за собой. Обидная фраза, так неосторожно брошенная этим неандертальцем, повисла в воздухе не законченной.

Я непроизвольно вскинула ладони, распластав их на горячей груди, что словно печка обдала жаром сквозь ткань майки.

— Заглохни! — рявкнул Макс на моего обидчика.

Под ладонью гулко, словно отбойный молоток, билось мужское сердце. Мои рецепторы захватили в плен запах каштана с примесью ароматических нот трав и сладких фруктов. Умопомрачительный запах!

Я бессознательно вдохнула его ещё глубже... Прежде такие ароматы мне не доводилось встречать.

Димка пользовался обычной туалетной водой из гипермаркета. Иной раз, не выдержав я говорила, смеясь, что ничего не чувствую, кроме запаха спирта.

В ответ на что Димка лишь обиженно сопел.

Но этот аромат совсем другой — тяжелый, дорогой. В нем все гармонично, начиная от верхних нот каштана и заканчивая глубоким ароматом кардамона. Запах для настоящего мужчины, а не мальчика.

Я вздрогнула от своих мыслей.

Макс тут же обеспокоено посмотрел на меня.

— Испугалась? — спросил он, внимательно наблюдая за сменой эмоций на моем лице.

Сейчас взгляд молодого человека совсем не походил на тот, что был в раздевалке. В эти минуты в нем сквозило беспокойство и неподдельное участие.

— Спасибо, — пробормотала я, находясь в плену его синих глаз. Казалось, они утягивают меня в самые глубины океана.

— Тебе когда-нибудь говорили, что у тебя глаза, как у оленёнка? — дразнящая улыбка коснулась уголка его рта.

Я лишь растерянно замотала головой, сама не понимая, зачем обманываю.

— Ангелина?

Я порывисто обернулась на окрик. Неподалёку от дороги, возле припаркованной красной «Audi A3», стояла Татьяна. Она сжимала в руке связку ключей, и весь ее вид кричал о том, что она чем-то очень недовольна и обеспокоена.

Мужчина неохотно выпустил меня из крепких объятий.

Не оглядываясь, я поспешила навстречу тренеру.

Татьяна, не отводя взгляда от моего защитника, распахнула дверь машины, приглашая сесть на переднее сидение.

— Я отвезу тебя домой, — сухо ответила она на мой вопросительный взгляд, после чего громко захлопнула дверь красного автомобиля.

Глава 2.2

Как только Татьяна припарковалась неподалёку от моего подъезда, я поблагодарила женщину и хотела уже выйти, но тренер меня остановила.

— Лина?

Я обернулась, вопросительно глядя в ее идеально подведённые коричневой подводкой выразительные синие глаза.

Татьяна тяжело вздохнула и нервно сжала руль изящными пальцами, униженными дорогими кольцами с камнями. Кажется, изумруды...

— Линочка, ты знаешь, что ты для меня намного больше чем просто ученица. Да что уж там скрывать? Ты мне, как родная. Скажу прямо. Те ребята, что арендуют зал... Держись от них подальше. Хорошо? — она проникновенно посмотрела на меня, будто силась прочесть мысли.

— Как у вас дела с Димой?

Я тут же вспыхнула, ощущая неловкость. Что она теперь обо мне подумает? Есть парень, а я зажимаюсь с первым встречным. Но ведь я не виновата, что на меня напал тот огромный дегенерат! И вообще, Гром сам схватил меня. Где же здесь моя вина?

Неужто тетя Таня не знает, насколько редко обычно я иду на контакт с незнакомыми?! А вдруг она посчитала, что в моих глазах не любопытство, а какой-то интерес к этому Грому? Это что же получается?! Раз она так подумала, то и все остальные тоже? Я мысленно дала себе оплеуху. Какая стыдоба! Поёрзав на сидении под внимательным взором тренера, я все же решила ответить:

— Да, конечно, тетя Таня!

После моих слов она почти облегченно выдохнула. Ранее жесткая и напряженная линия плеч тренера смягчилась, принимая более расслабленные очертания. Подкрашенные персиковой помадой губы дрогнули, на них заиграла довольная улыбка.

— Вот и славно. Беги, Ангелиночка! Завтра рано вставать. Тренировку никто не отменял.

Я суетливо подхватила светлый рюкзак и, быстр повернув дверную ручку автомобиля, выскочила наружу.

За считанные минуты преодолев расстояние до дома, оказалась в своём стареньком исписанном вдоль и поперек краской подъезде. Вандалы постарались! Ну, как вандалы? Витька — сосед с третьего этажа.

Он учится в художественной академии. Выражаясь его словами, преподаватель давит Витькин потенциал, поэтому свои искусства сосед решил увековечить на стенах нашего дома. Впрочем, никто не был против. Даже участковый, иной раз, задумчиво сложив руки за спиной, останавливался на этаже, чтобы оценить искусства Витьки.

Еще три шага по крутым чистым ступеням и передо мной родной третий этаж.

Спустив тяжелый рюкзак с плеча, я нажала на дверной звонок, прислушиваясь к доносящимся из квартиры звукам.

Дверь открыл папа, сразу отступая назад, чтобы я прошла в узенький коридор.

— О, доча! Наконец-то, а то я уже весь извёлся. Хотел Татьяне звонить и ругаться, что так долго ребёнка моего эксплуатирует.

Отец держал в одной руке деревянную лопатку, блестящую от подсолнечного масла. На нем красовался синий передник с изображением красной спелой виктории*. Я дарила его на восьмое марта... маме.

Машинально принюхавшись, я тут же уловила чудесный аромат картофеля.

— Ну, па-ап! — захныкала, как маленькая девочка. — Ты же знаешь, мне нельзя картошку. Ещё и жаренную... Ещё и с лучком, — жалобно заканючила я, направляясь на кухню, на ходу скидывая рюкзак на пол.

— Да, черт его знает, чем тебя мама кормила. Я ж это... Ничего толком не знаю.

Отец замер, наблюдая то, как я уже залезла в сковородку пальцами и схватила самый, по моему мнению, аппетитный кусочек картошки и замерла, не донеся его до рта. Вкусно! Солёный, с корочкой... Ммм, объедение! И главное же, что ничуть не хуже, чем у мамы.

Я скривилась, чувствуя, как на глаза вновь набегают слёзы. Вот и аппетит пропал. Горло словно сдавил невидимый стальной обруч.

— Ну, что ты, доча? — заметив мое состояние, отец поспешил обнять.

Сильные, привыкшие к тяжелому труду руки в ласковом жесте прошли по моим распущенным волосам.

Через минуту я, все ещё всхлипывая запрокинула голову, чтобы заглянуть в обеспокоенное, уставшее, папино лицо.

— Пап, а если ей станет хуже?

Отец нахмурился. Его кадык нервно дёрнулся, поднимаясь, а затем опускаясь вниз по горлу.

— Так она ж это... с врачами в больнице. Ну, что ты, Ангелиночка! — он провёл ладонями по моей спине, желая успокоить.

Только сейчас я заметила, насколько уставшим выглядит отец.

Губы сурово поджаты, меж бровей залегла глубокая складка, а под всегда добрыми карими глазами залегли так похожие на гусиные лапки морщины, на которые раньше я никогда не обращала внимания. Неужели у него и раньше было так много седины? А еще эта щетина...

— Пап, ты садись, — настала моя очередь беспокоиться.

Отец послушно присел на скрипнувший выдавшие виды табурет, затем порывисто сорвал с себя передник и бросил его на соседний деревянный стул.

Пока я накладывала ему в тарелку жареный картофель, он задумчиво ковырял ногтем клеенчатую скатерть, за что, несомненно, получил бы нагоняй от матери, будь она рядом.

— Ребёнок, я тут подумал, — папа, наконец, оторвал взгляд от скатерти и сцепил пальцы в замок.

По его поведению я поняла, что сейчас он скажет что-то очень важное.

— Операция очень дорогая, но ты и так в курсе. Я решил, что заложу машину, — выдал отец на одном дыхании.

По побелевшим костяшкам на его пальцах я поняла, чего папе стоило произнести это вслух. Даже если он уже давно обдумывал такой вариант, наверняка, ему очень сложно далось это решение.

Ведь грузовая машина, без преувеличения, — кормилица нашей семьи.

Я звучно поставила тарелку на пустой стол.

— Пап, эта машина так много значит для тебя, — начала я осторожно, обращаясь отцу. — Как же ты работать будешь?

Отец уже лет двадцать занимался грузоперевозками. Машина не раз вытаскивала нас в самые сложные времена.

Папа задумчиво смотрел на стену несколько минут, затем, словно решившись, глубоко вздохнул.

— А черт его знает, Ангелинка. Выкрутимся! Квартира есть, выживем. А там того и глядишь, машину обратно выкуплю, — хлопнув в ладоши, сказал отец.

Я видела, как его глаза зажглись огнём. Да, папу теперь не переубедить. Впрочем, нужно ли это? Ведь маме требуется срочная операция, а денег больше достать негде.

Я присела рядом с отцом, наблюдая, как он начал с аппетитом уплетать собственноручно приготовленное не хитрое блюдо. У меня же из-за всех переживаний пропал аппетит.

Через пару минут, уставшая, полная беспокойства о будущем и здоровье мамы, я отправилась в душ. Возвращаясь в свою комнату после, заглянула в спальню родителей.

Тоска заполнила сердце, когда я увидела, как отец в одиночестве смотрит телевизор невидящим взглядом. Как же не хватает мамы! В груди невыносимо щемило...

Слегка прикрыв дверь в свою комнату, я устроилась на кровати, укрывшись легким розовым одеялом. Вот ничего не могу поделать с собой, даже летом укрываюсь.

Мама всегда смеется и спрашивает, в кого я такая мерзлячка. Даже для меня самой было неожиданностью то, как громко прозвучал всхлип в тишине комнаты. Один, затем второй, третий... Кусая себя за пальцы, я рыдала, уткнувшись лицом в подушку. Не знаю, сколько я убивалась, но явно достаточно долго, поскольку наволочка была мокрой почти насквозь. Нос перестал дышать и припух.

«Прекрасно! Завтра буду выглядеть, как чучело», — вяло подумала, глядя в потолок.

Мои мучения прервал звонок на сотовый. Телефон громко завибрировал на прикроватной тумбочке.

Смахнув слёзы, я протянула руку, решив ответить настырному абоненту, хоть и не хотелось делать это. Мелодию я сразу узнала — это Дима.

— Алло? Да, Дим? Нет, я не плакала, — постаралась ответить твёрдым голосом своему парню.

Несколько минут я ещё слушала, как Дима отчитывал меня за то, что мы стали мало видеться. А ведь это сущая правда. Скоро выступление и я танцую главную партию. Сейчас репетиции на первом месте и никак иначе.

Но, все же, я пообещала, что обязательно исправлю это и довольный парень предложил встретиться после занятий в академии. Недолго думая, я согласилась. Ну а что? Пусть несет мой тяжелый рюкзак.

Попрощавшись и положив трубку, я еще долго думала о том, правда ли Дима любит меня? Ведь он мог понять, как мне сейчас тяжело и как-то пожалеть, успокоить, а вместо этого я слышала лишь упреки.

«Он просто сильно скучает!» — тут же одернула себя.

С Димой мы познакомились ещё в школе, где-то в пятом классе. Он мне сразу понравился. Умный не по годам мальчик из интеллигентной семьи.

Его мама работала учителем в той же школе, а отец — самый настоящий военный инженер. Нас с детства нарекли женой и невестой — так и продолжается по сей день.

Все знают, что рано или поздно Ангелина Алексеевна Макарова выйдет замуж за Дмитрия Сергеевича Соколова.

Тяжело вздохнув, я чуть сильнее стиснула пальцами одеяло. Димка очень дорог мне, но последнее время все чаще меня посещали мысли, заставляющие задуматься над тем, правильно ли я поступаю.

Ведь нет между нами того огня, что показывают в кино, той страсти, что сметает все на своём пути и от которой загораются ярче звезды на небе.

Глядя в потолок, я неожиданно вспомнила наглые синие глаза с длинными черными ресницами. Зажмурившись, отогнала прочь видение.

Такое странное сочетание... Обычно у брюнетов глаза карие или хотя бы зеленые. Хотя вот мой Димка блондин, а глаза как раз-таки цвета шоколада. Да и я сама... В общем, кто ее поймёт — эту генетику?

Я ещё долго не могла уснуть, вспоминая дерзкий взгляд, который скользил по мне в раздевалке. Эти воспоминания будоражили, вызывая странные непонятные ощущения.

***Виктория** — (от др. — рус. клуб «клубок, шарообразное тело») — название крупноплодных видов растений рода Земляники (*Fragaria*) семейства Розовые[1], а также их плодов.

Глава 3

Ангелина

Черт, как же я опаздываю! Татьяна будет недовольна. Главное правило тренера — это строгая пунктуальность и дисциплина. Запыхавшись, я словно ураган залетела в зал. Девочки уже стояли у станка, прорабатывая позиции.

Увидев в другом конце зала тягающих штангу вчерашних «спортсменов», растерянно замерла. Мои глаза выделили лишь одного среди всех.

Медленно и технично поднимая гантель, Макс посмотрел на меня из-под широких соболиных бровей, задержавшись пронзительными глазами на покрасневших от быстрого бега щеках.

Серые штаны обрисовывали сильные ноги, а черная футболка...

Слуха коснулся недовольный голос Татьяны, заставляя меня поспешно отвести глаза от бугрящихся мускулами смуглых плеч:

— Ангелина, переодевайся, не заставляй себя ждать. Ты здесь не одна!

Последние слова прозвучали, как намек, поэтому, не мешкая, я прошмыгнула в раздевалку.

В темпе натянув лосины принялась за боди с пачкой. Мне понадобилось меньше минуты, чтобы надеть пуанты и завязать шелковые ленты. Зеркало в раздевалке было большое, с подсветкой, от чего круги под глазами казались еще темнее, чем есть.

Проклятый недосып и переживания!

Я взволнованно провела пальцами по аккуратно собранным в пучок светлым волосам и напоследок закрепила сеточку прозрачными невидимками.

Как только я вернулась в зал, сразу ощутила на себе взгляд с противоположной стороны зала.

Поборов желание оглянуться, поспешно заняла место у станка, рядом с остальными девочками. Где-то через час я почувствовала легкое головокружение. Сбившись со счета в партии, неловко оступилась, ощущая пронзительную боль в большом пальце.

Сразу послышался недовольный комментарий тренера:

— Ангелина, соберись! Если хотела устроить себе выходной, надо было сегодня не приходить.

Поджав губы от обиды, я упорно повторяла позиции одну за другой, стараясь не обращать внимания на головокружение и подступающую к горлу тошноту. Повернувшись влево, я наткнулась на злобный триумфальный взгляд Катьки Наумовой.

Она не могла скрыть того, как рада, что меня отчитала Татьяна.

Ну и гадина! Стерва!

Совершенно потеряв счёт времени, я отрабатывала пируэт. В один из поворотов перед глазами замелькали огоньки, в ушах начал нарастать странный гул, а затем меня словно утянуло в зыбкую темноту.

В мир звуков меня вернуло прикосновение влажной прохладной ткани к лицу.

Она прошла по моему лбу так, как будто боясь прикоснуться сильнее, чем это требовалось. Материал заскользил вниз по трепещущим векам и коснулась пересохших губ.

— Где, черт возьми, врач? Я же сказал немедленно вызывать.

С трудом приоткрыв глаза, я увидела перед собой мощную шею и волевой подбородок.

— Я не понял, что значит — не вызвали?! — злился Максим, сидевший прямо возле меня на корточках.

Я слегка пошевелилась и поняла, что лежу на мате. Под головой у меня находилась чёрная кожаная куртка, свернутая рулоном.

Почувствовав мое движение, мужчина сразу же обратил все своё внимание на меня.

— Лежи, — слегка грубовато обратился он ко мне, хмуря широкие чёрные брови.

Макс поднял руку, в которой был зажат мужской зелёный платок и ещё раз провёл им по моим пересохшим губам. В ответ на прикосновение прохладной влажной материи, губы непроизвольно приоткрылись, пытаюсь впитать в себя больше влаги.

В них тут же впился коршуном острый взгляд, как огнём опаляя нежную кожу. Инстинктивно облизнула кончиком языка нижнюю губу, я ощутила, как краска вновь возвращается на лицо. Взгляд мужчины стал острее, даже можно сказать — агрессивнее.

Его внешний вид совсем не вязался с тем, как Макс нежно продолжал прикасаться платком к моим губам.

— Тебе лучше?

Несколько раз смущенно моргнув, ответила:

— Да, — и сама удивилась тому, как тихо и безжизненно прозвучал мой голос.

— Максим, ей лучше?! — раздался совсем рядом взволнованный голос Татьяны.

Я сразу же повернулась в сторону тренера и слегка приподнялась на локтях.

— Все в порядке! Мне уже намного лучше.

— Я вызвала «скорую», но диспетчер предупредила, что машина приедет не быстро. Много вызовов... Ангелиночка, я тебя сейчас отвезу домой! Это, наверное, все от

переживаний, ещё я... Ох, прости меня! Не знаю, что на меня нашло.

Максим хмыкнул и неожиданно твёрдо заявил:

— Я отвезу Ангелину. Ни к чему прерывать занятия.

Произнесенное этим мужчиной, мое имя звучало так... так странно, что я непроизвольно вздрогнула.

Глава 3.1

Татьяна принялась нервно заламывать пальцы, чем вызвала еще один недовольный взгляд Максима. Щеки женщины взволновано горели, а в глазах блесело ничем не прикрытое беспокойство за меня.

В это мгновение, как на зло, в моем животе громко заурчало, оповещая всех присутствующих о том, что я пропустила завтрак. А то кислое зеленое яблоко, которое кинула в рюкзак, выбегая из дома, так и не дождалось своего часа. Смущенно покраснев, я посмотрела на мужчину, но тот выглядел совершенно невозмутимо.

Взгляд синих глаз, напряжённый и сосредоточенный, был прикован к моему бледному лицу, покрытому испариной.

Татьяна же напротив, всплеснув руками, воскликнула с нотами негодования в голосе:

— Лина, ты что, совсем ничего не ела?!

Я виновато поморщилась.

— Да, я просто не успела, — пробормотала тихо в свое оправдание, отводя глаза.

Стыдно как!

Ненавижу быть в центре внимания. Теперь точно сплетней не оберусь. Только сейчас я заметила, как нервно дёргаются желваки на скулах Макса.

Интересно, что его злит? Что сорвала обмороком его тренировку? Или...?

Сохраняя серьезное выражение лица, Максим наклонился ко мне и, потянув аккуратно за руку, поставил на ноги.

Неуловимым ловким движением подхватил одной рукой под коленями, а другой обвил под лопатками, отрывая от пола.

Я его чувствовала горячие пальцы сквозь тонкую ткань боди.

От этого интимного, на мой взгляд прикосновения, меня обдало жаркой волной, которая почему-то сосредоточилась в районе бедер. Щеки заалели, выдавая неловкость. Я притихла, видя, как вытянулись лица у девчонок. Наумову так вообще перекосило от ненависти.

Или зависти?

Она даже вся пятнами пошла, слоило Максиму пройти мимо, направляясь к выходу. Он держал меня на руках, словно пушинку.

— Максим! Постой, — услышала я за спиной растерянный голос Татьяны.

Брюнет, ни разу не оглянувшись, переуступил порог танцзала, и мы оказались на лестничной площадке. Продолжая аккуратно держать меня на руках, Макс спустился по лестнице.

Как только мы оказались на улице, я занервничала.

— Отпустите меня, пожалуйста, — пропищала куда-то ему в грудь.

Дразнящий аромат каштана и кардамона буквально пленил меня. Что же это такое?! Сделав глубокий вдох, ощутила его еще отчетливее, до последней частички.

Его парфюм вскружил мне голову, чего не случалось прежде. К ароматам всегда была довольно внимательна, но этот... это творил со мной что-то невообразимое!

Непроизвольно заерзав, привлекла наконец-таки внимание Максима.

— Не крутись, а то уроню.

Эта страшная угроза возымела действие. Я крепче обхватила руками его за шею, непроизвольно запуская пальцы в гладкие, шелковистые, темные волосы на затылке Грома. По коже пробежал табун мурашек, заставляя инстинктивно прижаться щекой к широкой груди.

Ощущая, какие быстрые удары совершает его сердце, я вскинула взгляд, словно загнипнотизированная, задержавшись на красивых мужских губах.

— Что, нравлюсь? — хмыкнул нагло Максим, неожиданно самоуверенно улыбнувшись. Синие глаза впервые за все время нашего знакомства вспыхнули по-доброму, не смотря на явную насмешку в голосе.

Недолго думая, я ляпнула первое, что пришло в голову:

— Не очень! — и с замиранием в сердца посмотрела в синие глаза, которые словно вводили в транс.

Хриплый смех прошелся мягкой волной вдоль позвоночника.

Руки покрылись мурашками, заставляя смущенно прикрыть глаза ресницами.

Продолжая держать меня на руках, Макс умудрился открыть дверь большого черного внедорожника, припаркованного совсем рядом с балетной академией.

Ловким движением он усадил меня на сидение рядом с водительским.

— Пристегнись, — последовал приказ хозяина машины, в котором можно было уловить стальные ноты.

Такой строгий. Серьезный.

Не смея послушаться, я дрожащими руками попыталась выполнить распоряжение, но он ничего не выходило. Виска коснулось теплое дыхание и поверх моих ладоней легла крепкая мужская рука. Одно размеренное движение — и Макс с первого раза справился с ремнём. Откинувшись на удобное сидение, я с благоговением принялась рассматривать дизайн авто.

Никогда не видела такой машины, только в кино... Я с восторгом посмотрела на встроенную магнитола с кучей различных кнопочек и огоньков, которые ярко вспыхнули, стоило Максиму завести мотор.

Машина почти беззвучно тронулась. Салон автомобиля наполнила странная музыка. В ней преобладали басы, от чего сквозь сидение меня как будто пронзали вибрирующие волны.

Здорово!

Пусть я и привыкла к классике, но к этой музыке невозможно было остаться равнодушной. С удивлением обнаружив, что Максим свернул в противоположную сторону от моего дома, забеспокоилась.

— Подождите! Я живу в другой стороне.

— Я знаю, — невозмутимо пожал он плечами. — Мы едем обедать, а потом я отвезу тебя домой, Ангелина.

Глава 3.2

— Нет, я никуда не пойду. Я же на пуантах! — воскликнула, пугаясь одной только перспективы того, чтобы зайти в таком виде в здание нашумевшего в городе кафе.

— Подумаешь, — окидывая меня изучающим взглядом, сказал Макс и, словно проверяя на прочность, добавил: — Не думал, что ты такая трусиха.

Трусиха?!

Я невольно дергаюсь, как от пощечины, сверкая глазами, испепеляя нахала взглядом. Да

как он смеет?!

Мы, Макаровы, ничего не боимся!

Еще и ямочки демонстрирует на щеках... Почему-то факт того, что у Грома есть ямочки еще больше меня разозлил. Можно сказать, подлил масла в огонь.

— Просто не положено по этикету, — бурчу, дергая ручку. Та не подается. По взгляду Грома понимаю, что это не случайность.

Макс смотрит на мои губы, растягивая свои в дерзкой ухмылке, заставляя бросить попытки выйти из машины.

— Так ты из этих...?

— Каких, — оцетинилась, словно дикобраз, чувствуя подвох, — «этих»?

Вынув ключи из зажигания, мужчина лениво протянул:

— Домашних правильных девочек, которые живут по указке общества и не имеют своего мнения.

Со стороны моей дверцы послышался щелчок.

Вынув ремень из крепления, я снова рванула на себя ручку автомобиля.

Ах, ты ж...

Послышался звук захлопнувшейся дверцы. Макс неспешно обошёл автомобиль. Бросив на меня оценивающий взгляд, непозволительно долго задержался на ногах. Повернувшись в сторону здания, он неожиданно перехватил взгляд охранника кафе, направленный на меня. Макс сразу же стал жёстче во всем: жестах, поведении... Бросив что-то сквозь зубы, он вернулся к машине.

Через минуту на мне уже была тяжелая мужская джинсовка, которая доходила почти до середины бедра.

Я невольно нахмурилась. Брови сошлись в одну линию.

И что бесится? Сам же позвал...

Проходя мимо охранника, Макс намеренно задел его плечом, прежде чем пропустить меня внутрь. Субтильный парень покачулся, стараясь отойти подальше от вспылчивого гостя кафе.

Кафе «Белый кролик» имело великолепный панорамный вид на город. Я слышала об этом заведении, но даже не надеялась сюда попасть.

«Белый кролик» не сходил с первых полос гастрономической прессы, потому что... Лучший, уникальный, первый во всем и поражающий воображение... Вспыхнув, отвела глаза от Макса.

Даже на секунду я боялась признаться себе в том, что мысли-то были как будто о кафе, но...

— Добрый день, Максим Мансурович.

Прежде, чем я успела удивиться отчеству Максима, я ощутила, как из глубины души поднимается волна негодования.

Администратор, жеманная дамочка с надутыми губами, буквально облизывала взглядом моего спутника, в то время, как ко мне отнеслась словно к пустому месту.

Глава 3.3

- Насть, организуй нам столик у окна.

— Вам как обычно, Максим Мансурович? — прощebetала рыжая кукла Чаки с надутыми губами, заискивающе заглядывая моему спутнику в лицо.

Крыса!

— Меню, — процедил Макс, давая понять, что не оставил без внимания ее пренебрежение к моей персоне, — и побыстрее.

Осознав свой промах, администратор заведения, наконец-то обратила на меня внимание. Анастасия Викторовна, как гласил бейдж, выпрямилась так, как будто палку проглотила.

В зелёных глазах девицы, окруженных венником наращённых опухал, без труда читалось желание угостить меня ничем иным как, приличной порцией мышьяка. Еле справившись с эмоциями, Анастасия плавно указала рукой в дальний конец зала. Губы, подкрашенные малиновой помадой, на секунду недовольно скривились.

— Прошу.

Стоило опуститься на мягкий диванчик, как расторопный официант тут же положил передо мной кожаную папку, на которой красивыми золотистыми буквами было выгравировано «Меню».

Как только молодой человек отошел, Максим настойчиво пододвинул ко мне прайс-блюд кафе.

— Давай договоримся так, Ангелина. Выбираешь сама нормальную человеческую еду или мне сделать выбор за тебя? — Максим приподнял бровь, с нескрываемым интересом наблюдая за тем, как мои щеки покрывает нежно-коралловый румянец, который сползал все ниже и ниже.

— Завтрак — это энергия на весь день. А то, что я видел... Ты впахиваешь у станка больше, чем я — здоровый мужик с гантелями, — впервые в голосе молодого мужчины, я услышала что-то похожее на уважение.

— Хорошо, — пролепетала в ответ, растерявшись от его завуалированной похвалы.

Даже пропало все желание перечитать. На изучение меню ушла пара минут. Глаза разбегались от многообразия завтраков. Здесь были и каши с кусочками фруктов, и хрустящие тосты, и сырники с сахарной пудрой.

— Ммм, вкусно, — пробормотала, отправляя кусочек блинчика в рот. — Нам точь-в-точь такой в садике готовила тетя Люба.

Только сейчас, пробуя блины, я поняла, насколько была голодна. Даже руки слегка дрожали. Наверняка, сахар совсем низкий.

Расправляясь с порцией бекона на своей тарелке, Максим по-доброму усмехнулся от моего невинного в своей простоте заявления.

Взгляд Грома резко изменился, когда я прильнула губами к стакану с морковным соком. Темно-синие глаза безотрывно следили за тем, как я облизнула остатки сливок с верхней губы. В отражении глаз мужчины легко угадывались далеко не невинные мысли. Порочный — вот какое определение приходило на ум, когда он смотрел вот так — пронизывающе.

Занервничав, я отвела глаза, борясь с желанием вскочить и броситься прочь из кафе. Чтобы хоть как-то отвлечься, я принялась разглядывать зал. К моему облегчению на меня и в самом деле никто косо не смотрел. Посетителей в кафе было не много. Должно быть, для завсегдатаев «Белого кролика» время было слишком ранним.

— О, какие люди! — к нашему столику неспешно направлялся мужчина средних лет, с припорошенными сединой волосами. Тёмные глаза были устремлены на Макса.

Вид классического дорогого костюма подсказал мне, что мужчина не простой посетитель кафе. Как только он приблизился, Гром поднялся со своего места и крепко пожал ему руку.

— Захар Александрович.

— Максим, вот уважил старика! Рад, что не забываешь о моей скромной забегаловке.

Ого, так это сам владелец «Белого кролика»? Сейчас, когда он приблизился, я поняла, что он намного старше, чем я предположила вначале. Мужчина, посмотрел в мою сторону, расплываясь в добродушной улыбке.

— А что за прелестная спутница с тобой? — вогнав меня в краску этим вопросом, мужчина на этом не успокоился. — Если бы я знал, что такой ангел посетит сегодня нас, я бы...

— Захар, по поводу машин... — перебил Макс своего знакомого. В голосе Грома послышалось раздражение, граничащее с грубостью. — Могу парочку выделить, если, конечно, твоя просьба еще актуальна.

Глава 4

Владелец кафе оживился, мгновенно забывая про меня. Признаться, я была рада, что на горизонте замаячила более интересная для него тема. Темные глаза алчно заблестели.

— На тех же условиях? — мужчина подался всем корпусом вперед. — Честно говоря, я уже и не надеялся.

— Ставки те же, — успокоил его Гром.

Пока мужчины решали свои дела, я со смущением почувствовала, что мне срочно необходимо в уборную. И зачем только я выпила два стакана морковного сока со сливками?! Мочевой-то у меня с наперсток!

— Извините, — не выдержала я, перебивая мужчин, — мне бы...

— Прямо, потом направо, — совершенно спокойно произнес Максим, после первого же взгляда в мою сторону понимая возникшую проблему.

— Как поживает Мансур? — последнее, что я услышала за спиной, когда направлялась к уборной.

Пройдя с гордо поднятой головой мимо ресепшн, за которым стояла Анастасия и еще две девушки, поразительно похожие на нее, подумала, что эти трое — копии, слепленные по одному лекалу.

Только вот загвоздка заключалась в том, что понять, где оригинал, не представлялось возможным. Одной формы губы, одинаково подкрашенные глаза, наращенные ногти и волосы... Единственное, что делало их отличимыми друг от друга — это цвет волос.

Я чувствовала затылком их ядовитые взгляды. Если бы их желание осуществилось, я бы уже лежала бездыханная на мраморном полу.

Отыскав глазами табличку с надписью WC, я захлопнула за собой дверь, воздвигая стену между собой и этими тремя сестрами-мегерами.

Даже уборная была здесь произведением искусства! Одно только зеркало чего стоило — от потолка до пола. Почувствовав, наконец, облегчение, привела одежду в порядок.

Моих губ непроизвольно коснулась улыбка, а затем с них сорвался легкий смешок.

Макс сумасшедший!

Из-за него я в кафе на пуантах и в пачке.

Но стоило мне выйти из туалетной комнаты, хорошее настроение как ветром сдуло.

— Видели, как он на нее смотрит?

Я замерла, четко понимая, о ком идет речь. Непроизвольно превратившись в слух, наострила уши.

— Да брось, Ксюш! Ты реально думаешь, что Гром запал на эту тощую малолетку? — не

замечая меня, едко проговорила брюнетка, мешая ложечкой горячий ароматный напиток в коричневой глиняной чашке. — Сейчас отвезет ее в гостиницу, «накормит» своим фирменным «омлетом», а потом вышвырнет и даже имя забудет.

Я вздрогнула от этого мерзкого сравнения, понимая, на что именно намекает эта гадина.

Щеки вспыхнули от негодования и злости.

Послышался ехидный смешок рыжей.

— Если он так с тобой поступил, это не значит, что и с ЭТОЙ случится то же самое. Гром ее взглядом пожирает, как самый дорогой французский десерт в нашем ассортименте, — послышалось обидное сопение брюнетки.

— А давайте Светке позвоним? — предложила блондинка с длинными, как у варана, ногтями. — Пусть знает, чем занят Гром, пока она ляжки в солярии отлеживает.

— Ой, Ксю, а это идея! — похвалила Анастасия, накручивая на палец рыжий локон.

Рот мгновенно заполнила горечь.

Глава 4.1

Я одернула себя.

Не мое это дело, что у Максима девушка есть или еще того хуже — жена!

Но неприятное чувство холодной бурной рекой разливалось по телу, покрывая сердце тонкой корочкой льда.

Оно нестерпимо заныло, выдавая так похожее на разочарование чувство.

Почему так?

Может, все дело в том, как он смотрит на меня? Мне показалось, что как-то по-особенному... Должно быть, я ошиблась, увидев в них выражение не просто интереса, а более сильных эмоций. Глупая! Пошла на поводу страстей.

Чуть Димку не забыла...

Собрав волю в кулак, уже сделал шаг вперед, чтобы выйти из-за угла, как услышала голос хозяина «Белого кролика».

— Опять лясы точим?

Аккуратно выглянув в зал, увидела Захара Александровича. Мужчина выглядел крайне раздраженным — взволнованное лицо стало почти багровым, будто его мучало удушье.

Машинально поправив тонкий галстук, Захар указал пальцем в сторону Анастасии, свел широкие брови и, чеканя каждое слово, приказал:

— А ты, сейчас же, пишешь заявление на увольнение!

— Захар Андреевич?! — широко распахнув глаза цвета мха, потрясенно воскликнула Анастасия. — Почему?!

Эмоции на лице мужчины выдавали, что он буквально на грани.

На грани того, чтобы сорваться.

— Цыц, Настька! — тряся узловатым пальцем с перстнем перед носом девушки, процедил хозяин кафе. — Ты чего удумала, дура малахольная?! Нос задирать перед девчонкой Громова?!

Из глаз администратора, подведенных коричневой подводкой в стиле «смоки айс» брызнули крупные слезы.

Вероятно, молодая женщина уже в уме прощалась со всеми привилегиями, которые ей давала должность администратора в «Белом кролике».

— Я...

— Молчи лучше! Громов намекнул, чтобы я тебя снял с должности. Говорит, что лично его оскорбила. Дура, — в сердцах прошипел Захар Александрович сквозь зубы.

Сейчас он совсем не казался тем интеллигентом, коим выглядел ранее.

— Захар Андреевич, — заскулила рыжая, заламывая ухоженные пальцы, покрытые искусственным загаром.

— Ай! — Захар отмахнулся от Анастасии, словно от назойливой мухи, переводя взгляд карих глаз на брюнетку. — Снежана, отнесешь за их столик десерт, скажешь за счет заведения. Спросишь нужно ли что-то еще, поняла?

Та поспешно закивала, должно быть, боясь той же незавидной участи, что выпала ее «клону».

— А теперь, за работу! И не дай Бог, Максим Мансурович останется недоволен. Головы полетят с плеч. Весь персонал заменю!

Глава 4.2

Дождавшись, когда путь будет свободен, я быстрым шагом направилась в зал.

Услышанное лежало на сердце тяжелым камнем, если не сказать больше — булыжником, что сделало меня растерянной и безучастной.

Все, чего мне хотелось сейчас — броситься прочь из этого дорогого, помпезного заведения, и чтобы моя нога больше никогда не переступала порог этого здания.

И его тоже видеть не хочу!

Глаза эти синие, губы чувственные, с которых наверняка большей частью слетают лживые слова, это красивое лицо-маской, за которой скрывается самое настоящее похотливое чудовище.

В моей памяти еще было живо то, сколько слез пролила лучшая подруга Наташка, когда удумала с женатиком закрутить.

Уж так повелось, что для меня такие «игры» с занятыми мужчинами — это табу.

Нет уж, моя совесть мне дорога! Так что, пусть этот Макс Громов катится куда подальше.

Что-то не верится, что такие мужчины просто так водят по дорогим кафе каждую упавшую в обморок девушку.

Я с досадой поджала губы. И кошелька с собой нет... Так бы все — до копеечки — сама бы заплатила! Но, вспомнив сколько нулей было в меню напротив каждого блюда, ощутила, что пыл поубавился. Нет, я сейчас не могу раскидываться деньгами, каждая копейка на счету.

В конце концов, его проблемы.

Сам сюда меня потащил. Так и подойдя с недовольным выражением лица к столику, увидела, что Максим как раз рассчитывается.

Мгновенно ощутив неловкость, отвела глаза в сторону, только бы не смотреть, как он небрежно кладет карту Центурион* в кармашек кожаной папки, где белел чековый лист.

Никогда не видела такую кредитку вживую, только по телику.

— Ангелина, — бархатный баритон коснулся моего слуха, заставляя глупое сердце птицей рвануть куда-то к горлу, затрепетать.

Вскинув взгляд, я почти утонула в синих глазах Грома.

— Может что-то взять на вынос? Хочешь омлет? — Максим приподнял бровь. — Сырники? Десерт? Омлет...

Я раздраженно повела плечом, недружелюбно буркнув в ответ:

— Нет, — осознав, что ответ прозвучал чересчур грубо, нехотя добавила: — Спасибо за беспокойство.

Кинув на меня непроницаемый взгляд, Максим отсчитал наличкой приличные чаевые официанту, который почти сиял от счастья.

«Показушник!» — фыркнула про себя, понимая, что ядовитые стрелы трех девиц достигли своей цели.

Теперь в каждом поступке Макса-Грома я видела подвох.

Пустили сильнодействующий яд, который без промедления устремился по кровяному руслу, прямиком в самое сердце. Ничего, сегодня же пойду с Димкой в кино.

А Громов... он пусть со своей Светой любезничает. Не нужны мне заморские яства! Нет ничего лучше сырного попкорна и ледяной бутылочки пепси-зеро.

«Врушка», — вякнул внутренний голос, словно издеваясь надо мной.

Как только мы оказались возле машины, Максим открыл дверь, приглашая сесть. Тоже мне, джентльмен!

Обойдя машину, он хлопнул несколько раз ладонью по карману серых штанов, вынимая наружу небольшую связку ключей. Это движение приковало мой внимательный взгляд к мужским бедрам.

Мускулистые, поджарые...

Тряхнула головой, отгоняя дурные мысли прочь. Никогда раньше не замечала за собой маниакальных взглядов на мужскую пятую точку, а там было на что посмотреть.

Удобно устроившись на водительском сидении, Максим развернулся всем корпусом ко мне. Взъерошив черные волосы пальцами, от чего пряди встали торчком, он задумчиво провел по подбородку и затем хрипло произнес:

— А теперь, ты расскажешь мне все. Что случилось, Ангел?

*Карта Центуриомн (или Чёрная карта) — самая уникальная и дорогая кредитная карта, выпускаемая компанией American Express. Карта Центурион предоставляет своему владельцу широкий спектр эксклюзивных привилегий.

Глава 5

- Ангелина, — поправила мужчину, с неохотой встречаясь с синими глазами Грома, опущенными черными, как ночь, густыми ресницами. — Ничего.

Макс криво усмехнулся, но улыбка не задела его глаза.

— Ясно.

Одно такое простое слово, а мне показалось, что он в душу заглянул, перевернул там все и выводы сделал. Неблагодарная капризная девчонка — вот кто сидит перед ним. Наверняка именно так решил Максим Громов. Щеки залил горячий румянец, заставляя жилку на шее забиться отчаяннее.

Не выдержав прямого пронизательного взгляда, я опустила глаза, удивляясь своим эмоциям.

Откуда они?

Ведь Громов ничего плохого мне не сделал, даже не намекнул. Откуда эта злость и не к месту фанатичная принципиальность?

Стыдно!

Обвинила во всех возможных грехах, а у человека даже обручального кольца нет. Да и постыдного ничего не предлагал.

Дура!

Прежде, чем я решила извиниться, салон люксового автомобиля заполнила вибрация. Неохотно убрав руку с руля, Громов снял с мигающей подстанции черный матовый телефон. Краем глаза мне удалось увидеть на горящем голубом экране одно слово — «Кирпич».

Перед глазами всплыло неприятное лицо «неандертальца» с масляным взглядом темных, как маслины, черных глаз.

Неужели между этими столь разными мужчинами может быть что-то общее?

Сбросив вызов, Громов молниеносно набрал сообщение, затем отправил телефон обратно на свое место.

По напряженному лицу Макса, я поняла, что у молодого человека, должно быть, есть свои нерешенные дела, а тут я еще...

— Извините, я просто устала и... — начала я, чувствуя необходимость извиниться, ощущая себя глупым избалованным ребенком.

— Понял! — отрывисто оборвал Макс мое смущённое бормотание. — Диктуй адрес, отъезду домой. Тебе отдохнуть надо.

Совесь резко подняла голову, принимаясь с отчаянной злобой грызть душу. Не время прохлаждаться.

Главная роль должна стать моей. Ни за что не уступлю Наумовой!

Приняв решение, твердым голосом попросила Максима:

— Отвезите меня лучше в академию.

— Шутишь, что ли? — усмехнулся Громов, недоверчиво сверкая глазами.

Широкая белозубая улыбка дала знать, что к молодому человеку вернулось добродушное настроение.

Макс повернул ключ зажигания.

Мотор зарычал, как голодный хищник, и автомобиль тронулся с парковки.

— А ты упрямая, — задумчиво произнёс Гром, поворачивая на очередном повороте руль. — Не то, чтобы мне не понравилось тебя на руках носить, только дай знать... но мне сейчас по делам надо отлучиться. Может, все-таки домой?

Я непроизвольно усмехнулась.

Деловой какой! На руках носить...

— А меня и не надо на руках носить, — мило улыбнулась, замечая, как загорелся в ответ взгляд Грома. — У меня для этого парень есть, — закончила без задней мысли и тут же чуть не задохнулась от хлесткого взгляда.

Будто тысяча ледяных осколков резануло до самых костей, а кожу словно крапивой обдало.

Крепкие мужские пальцы так сильно сжали руль, что послышался скрип кожаной обивки. Чувственные хорошо очерченные губы поджалась, на скулах заходили желваки.

— Парень? — в голосе Грома послышалось удивление, если не сказать больше — шок. — Тебе лет-то сколько?

Под тонкой тканью футболки напряглись рельефные мышцы, пока их обладатель в нетерпении ожидал ответа.

— Летом восемнадцать исполнилось, — осторожно ответила я, ощущая себя беззащитным олененком перед затаившимся хищником.

А как еще назвать этот взгляд с прищуром?

Он так прошелся по мне, словно изучал заново, будто впервые видел.

Почему-то на ум пришло сравнение с черной пантерой.

Гром усмехнулся, проводя по подбородку свободной рукой.

Глаза синие, как штормовой океан, а еще злые, словно сам сатана передо мной.

— Что за дятел на малолетку полез?

Я даже опешила в первую секунду от столь грубого заявления.

Меня словно кипятком обдало. Обидно за Димку почти до слез стало.

— Никакой он не дятел! — возмутилась в сердцах, замечая, как упрямая линия рта Максима стала ещё жёстче. — Мы вообще-то с Димой ровесники.

Впереди показалось здание балетной академии.

Словно не замечая моего негодования, Максим язвительно усмехнулся.

— И как давно вы в любовь играете? — глаза Грома раздражением сверкнули. Максим, оторвав взгляд от дороги, прошёлся глазами по моему горящему от негодования лицу. — На месте отца ремнем бы отходил.

Я дождалась, когда мужчина припаркуется и, не дослушав, выскочила из машины. Не в силах унять бушующую в груди бурю, размашистым шагом направилась к двери академии. Хам! Тиран!

5.1

Двумя днями ранее

Макс

— Ты глазами не сверкай, — цедит Татьяна, сложив руки на груди. — Мысли свои куда подальше спрячь. Девчонка еще совсем она, Максим.

Заметив, как на моих скулах заиграли желваки, продолжила:

— Даже не думай. Найди себе по статусу и «интересам», а в сторону Ангелины не гляди. Нечего тебе тут высматривать.

Слышу хозяйку зала и вроде бы все понимаю, а у самого кровь кипит.

Надо же, как запал на девчонку — с первого взгляда.

Словно раскаленная горячая лава, вырвавшаяся из вулкана, по венам бежит, а не кровь.

Ангелина... Ангел, значит.

Насколько же ей это имя подходит! Ладненькая вся. Стройная как, тростинка. Ноги красивые, лицо, фигура — будто статуэтка фарфоровая — такие у матери стоят в серванте.

В детстве смотрел всегда, но трогать не смел, поскольку знал, что по рукам получу. Мать всякий раз грозила наказать, если трону ее любимую коллекцию.

Помню, один раз не удержался и взял посмотреть. Гладкий хрупкий сувенир выскользнул из пальцев, упал на пол и разбился вдребезги, разлетевшись на тысячу мелких осколков.

Криков было...

Так и сейчас: боятся, что испорчу, уничтожу своими грубыми руками изящную невинную красоту. А ведь у меня и мысли нет, чтобы вред причинить девчонке.

Залип по самое не хочу на ее огромные карие глаза с поволокой, такие бархатистые, как у оленёнка.

Невольно хмыкаю вслух, удивляясь себе. Башню сорвало от малолетки.

Стою и слюни пускаю.

Но стоило один раз увидеть, как она в зале работает, понял, что тут дело далеко не только в кукольном личике. От девчонки такой вайб идёт! Сила духа невероятная!

Невольно уважать начинаешь. Попробуй, проторчи так весь день у станка! Крыша поедет.

Невольно жадным взглядом ласкаю раскрасившееся личико, представляя, как распростертая подо мной на кровати извивается.

Почти ощутил наяву, как стройные длинные ноги, крепко обхватывают мои бедра... Убрал гантель в сторону и, чертыхаясь про себя, поправил серые штаны, что заметно оттопырились впереди.

Когда только меня пигалицы двадцатилетние (или сколько ей там?) интересовали?

Выглядит и того моложе!

Шаг влево, шаг вправо и... восемь лет строгача.

Бред!

Я всегда отдавал предпочтение зрелым девушкам лет двадцати пяти, не меньше. Чувственные, сами знают, чего хотят, сопли жевать не будут, мозг выносить тоже. Сделали свои дела и мирно по сторонам разбежались до следующего раза, которого может и быть.

Только вот пока я глазел на девочку, Татьяна запалила это дело. Тот час она принялась отбивать ее у меня, словно коршун своего любимого птенца.

— Понял, — бросаю хмурый взгляд из-под бровей, а самого кислота разъедает.

Пар надо спустить — от того видать и дёрганный...

Сегодня же Светке наберу. Только вот успокоения не чувствую, потому что понимаю, что от суррогата не получу желаемого. Смотрю на Ангелину, как самый преданный фанат.

Бросаю косой взгляд на лежащую в стороне гантель.

Забыл на фиг для чего здесь! Почти сразу с нашим приходом занятия закончились — таков был договор с Татьяной.

Выждав пару минут после ухода блондинки, что буквально врезалась в мои мысли, словно телок поперся следом за Ангелиной в раздевалку.

Для чего? Да шут его знает!

Действовал чисто на инстинктах, пусть и низменных. Только вот от ворот поворот получил — резко и бескомпромиссно. Дверь закрой! Этот взгляд больших невинных глаз, упрямо с вызовом поднятый подбородок...

Что-то надорвалось внутри, жаром обдало от желания. Дерзкая какая! Стою, как дурак, на месте и двинуться не могу. Только вижу перед собой облако длинных, светлых, шелковистых волос, что ниспадают ниже бедер.

Богатство!

По-другому и не скажешь. Если бы Татьяна не помешала, сорвался бы к чертям. Запустил бы пальцы в объёмные пышные пряди у самых корней, впился бы в сочные, розовые, манящие губки, а потом...

Потом чуть Костяна не урыл!

Руки так и чесались под землю закапать, да поглубже, чтобы одна лысая отполированная бошка торчала.

Урод!

Видел, как малышку задел. Придурок недалекий! Хотелось сказать, что ее грудь — всяко лучше резиновых буйков, но вовремя язык прикусил. По части complements мастер из меня, как из бегемота балерина. Никогда их не делал и лучше не начинать.

Потом дома еще долго вспоминал взгляд манящих карих, словно мед, карамельных глаз. Вкусная девочка! И пахнет от нее вкусно. Что-то цветочное... только черт его разберет, что именно — не секу в этом. Нет, не для меня она. Слишком юная, слишком хорошая.

Я усмехнулся, привычным жестом проводя по волосам, задевая при этом пальцами

глубокий шрам возле виска.

На кой я ей со своей кучей тараканов? Восемь лет разницы тоже клячкой* не сотрешь.

Рука машинально тянется к телефону, нахожу среди контактов «Светлана Шамота»**. Безотказная, удобная... Вот кто поможет сегодня избавиться от образа хрупкой блондинки.

Ластик-клячка (кляча, уст. сниммка) — канцелярская принадлежность для коррекции и осветления угольных и пастельных рисунков, для удаления загрязнений с плёнки и кальки.

***Шамота — фамилия имеет украинское происхождение. Она образована от прозвища, в основе которого лежит нарицательное «шамот» — «выжженная при высокой температуре огнеупорная глина; кирпич из этого материала». Соответственно, Шамотой прозвали человека, который делал кирпичи.*

*Ластик-клячка (кляча, уст. сниммка) — канцелярская принадлежность для коррекции и осветления угольных и пастельных рисунков, для удаления загрязнений с плёнки и кальки.

**Шамота — фамилия имеет украинское происхождение. Она образована от прозвища, в основе которого лежит нарицательное «шамот» — «выжженная при высокой температуре огнеупорная глина; кирпич из этого материала». Соответственно, Шамотой прозвали человека, который делал кирпичи.

Глава 5.2

Час спустя.

Макс

- Маааакс, — тянет с придыханием Светка, вода острыми длинными ногтями по моему обнажённому плечу.

— Что? — глухо бурчу, глядя на подкаченные силиконом губы, что без помады имеют какой-то совсем не привлекательный блеклый оттенок.

Раздражение обрушивается волной.

Да так, что приходится крепче сжать челюсти. Я получил свое, и нет желания тратить время на бесполезную болтовню. Опять губы «надула». Переборщила девка.

В том месяце было ещё терпимо, а сейчас словно аппарат для приё...

Перед глазами словно наяву появляются нежно-розовые явно ни разу не тронутые косметологом невинные губки Ангелины.

Совсем другие... Сладкие, как малина, пухлые, манящие.

Цепкие пальцы сбивают с мысли, заставляя вновь вскинуть глаза на распростёртую на диване сестру Кирпича.

— Ну... Я на все готова для тебя: облюбить, приласкать, как ты любишь, а вот ты... — делает вид, что смущается.

Я не верю ни на секунду. Светка и смущение — две несовместимые вещи.

— А ты вот ни разу, — надувает и без того без меры объёмные губы.

Явно нарочно теребит резинку нижнего белья. Я знаю, что намекает на «те самые» ласки, которые ни одной женщине не дарил.

Когда до меня доходит смысл сказано, вскакиваю с узкого кожаного дивана, возмущённо полоснув взглядом по рыжей девке.

— Чее-е? Сдурела что ли?! — кривлюсь в отвращении от одной только мысли.

Натянув светло-серую футболку, надеваю брюки и застегиваю ширинку, успев перед этим стянуть резиновое изделие «номер 2», которое тут же летит с поразительной точностью в урну возле дивана.

— Нормальные мужики такой фигней не занимаются.

Заметив обиженный взгляд Светки, сжимаю зубы. Достала! Все равно кайфа никакого, до оскомины надоела. Начинаю прикидывать в уме, сколько налички с собой, а затем, не стесняясь, лезу в карман.

— На, вот! — вынимаю смятые купюры.

— Что это? — загораются алчным блеском глаза рыжей, которая приняла соблазнительную позу, но это лишь по ее мнению.

Ядовито усмехаюсь от такой явной и фальшивой игры.

— Свет, ну, не фантики же. Давай, бери и шуруй. Дел много. Дорогу домой знаешь.

— Как грубо, — ворчит Светка, облизывая губы, но тянет загрebuщие лапки к деньгам. Новенькие зелёные бумажки — ее слабость.

— А мне понравилось, — заявляет Светка спустя пару минут. Она застегивает наконец-то на ногах босоножки и выпрямляется.

— Что именно? — поворачиваюсь к ней лицом, продолжая пить холодный апельсиновый сок прямо из бутылки.

— То, как ты меня Ангелом назвал.

Морщусь от вращения. К себе, к Светке, ко всему тому, что произошло на этом диване совсем недавно.

— Дерьмо!

Глава 5.3

Ангелина

— Дим, я хочу «Колу «зеро». Возьми, пожалуйста, маленькую, стекло.

Я замечаю, как парень с досадой морщит нос, на котором рыжеет россыпь веснушек. Раньше они мне казались даже милыми, в отличии от Наташки, которая называла их тараканьими какашками, а сейчас... Все-таки не добавляют они Димке брутальности, а наоборот, делают лицо блондина смазливym.

Перед глазами всплывает образ Громова. Темная жесткая щетина, твердые на вид чувственные губы и...

Но внешность — это же не главное? И вообще, что за дурацкие мысли?!

— Вот ты всегда так.

Что-то в тоне парня заставляет меня, наконец, обратить внимание на жениха. Он что, прочитал мои мысли?!

— Что-о? — растерянно тяну в ответ, виновато заглядывая в светло-карие глаза.

Дима недовольно поджимает губы и рваным кивком показывает в сторону киоска внутри кинотеатра.

— Здесь все в три раза дороже, говорю. Не могла, что ли, на улице попросить? Зашли бы в «Пятерочку».

Сжимаю в руках большую пачку крабовых чипсов, которые купили по пути в кинотеатр. Где-то в самой глубине души начинает печь.

Все сжимается от обиды и унижения, ведь нас слышит стоящая рядом парочка. Высокая брюнетка оглядывается и с пренебрежением, в котором сквозит ничем не прикрытое высокомерие, бросает взгляд зеленых тщательно подведённых глаз на нас с Димой.

Я сглатываю ком обиды, прикусывая губу, и моментально чувствую себя неуютно под оценивающим взглядом.

Простые джинсы и белый топ кажутся совершенно простыми тряпками по сравнению с коктейльным платьем брюнетки.

Мысли тут же уносят меня в другую плоскость. Мы так редко ходим в кино. Неужели такая мелочь, как бутылочка «Кола-колы» может встать между нами?

Я знаю, с каким трудом даются деньги Димке. Он подрабатывает после пар грузчиком в мебельном магазине, НО... В этой ситуации все выглядит так мелко! Непроизвольно вспоминаю, как Громов широким жестом заказывал все, на что я имела неосторожность бросить взгляд в «Белом кролике». Мотнув головой, отогнала воспоминания.

— Я сама оплачу, — и тянусь к небольшой сумочке на плече, в которой лежит кошелек.

К моему удивлению, понимаю, что Дима даже не останавливается. Похоже, он совершенно не против, что на свидании я сама за себя плачу. Волна злости охватывает все в районе грудной клетки, словно пожар. Негодование, будто танцующее пламя, лижет сердце. Вот, значит, как! Расплатившись за газировку, бреду в сторону кинозала, даже не оборачиваясь на незадачливого жениха. Найдя свое место, резко и совсем не изящно бухаюсь на красное бархатное кресло.

— Класс! — опустившись рядом, Димка принимается тут же хрустеть чипсами, глядя на широкоформатный экран, где уже вовсю идет реклама очередного ужастика, в главной роли которого проклятая кукла.

Кровь, крики... Я остаюсь почти безучастной. Что-то гложет... Кажется между мной и Димкой внезапно выросла стена. Вроде бы — такая мелочь, а вон как зацепило!

Почти успокоившись, пытаюсь погрузиться в фильм, вникнуть в сюжет нашумевшего космического боевика «Веном». Давно хотела его посмотреть, поэтому у Димы просто не было шансов: либо он, либо Наташка.

Все еще злясь на парня, подумала о том, что второй вариант похоже был бы предпочтительнее.

— Офигеть, ты видела, как он их? — возбужденно горя глазами, восклицает Дима и тянется к моей бутылке с «Колой».

Глава 6

Ангелина

Я была поражена наглостью Димы, но промолчала. В отличие от него, не хотелось выглядеть мелочной. Внутри все клокотало, угрожая вырваться наружу. Чтобы не сорваться и не выплеснуть раздражение на Соколова, перевела взгляд на экран.

Совсем не хочется портить выходной, но кого я обманываю?

Свожу брови на переносице и убираю пальцы с подлокотника кресла, когда Дима принимается поглаживать мою руку. Вечер испорчен окончательно!

— Пойду, возьму еще чипсов, — шепчет Димка, наклоняясь ко мне так близко, что обжигает горячим дыханием кожу щеки. — Тебе что-нибудь взять?

— Нет.

Жених не замечает моего отнюдь не радужного настроения или не хочет замечать.

Только когда я оборачиваюсь и вижу его удаляющуюся спину, обтянутую красной футболкой, хватаюсь поспешно за сотовый телефон.

Строчу Наташке эмоциональное сообщение с кучей смайлов, жалуясь на свинское поведение парня. Чего и следовало ожидать — подруга тут же кроет Соколова трехэтажным матом и настойчиво советует проучить парня внезапным уходом из кинотеатра.

Ну, и правда!

Я что, себя на помойке нашла?!

Решительно поднявшись, спешу к выходу из зала.

— Шастают туда-сюда, — бросает на меня едкий взгляд билетерша, совершенно не стесняясь. — Всю дорожку затоптали.

Машинально бросаю взгляд под ноги и замечаю, что дорожка и правда выглядит блеклой и истоптанной.

Мне не до этого.

Я хочу скорее выйти на улицу, глотнуть свежего воздуха.

Проходя через просторный холл, вижу, как Димка, громко смеётся, разговаривая с кем-то по телефону. Он выглядит совершенно довольным жизнью и, похоже, совершенно не вспоминает обо мне.

Не знаю, что со мной, но сейчас Дима мне кажется таким чужим!

Далеким... Будто это и вовсе не мой Димка! На кончике языка чувствуется привкус острой горечи, почти невыносимой, как после китайской лапши из забегаловок.

Выбегаю на улицу.

Лица касается легкий, но достаточно прохладный вечерний ветерок. Бросаю взгляд на часы. Почти десять вечера. Уже стемнело, улицу освещает лишь несколько желтых фонарей и разноцветные вывески небольших кафешек, что расположены вдоль дороги.

Сердце щемит от грусти.

Нет ничего хуже того, чем быть с тем, кто тебя разочаровывает. А ведь говорил, что ради меня на все способен, последнюю рубашку отдаст.

А что на деле выходит?

«Колу» зажал!

Со стороны все выглядит глупо и даже смешно, но из-за этого поступка мой мир буквально трещит по швам. Ладно, нельзя сказать, что меня это так уж убивает, скорее, отрезвляет. Кто же хочет снимать розовые очки и смотреть на отношения через обычные скучные стекла?

Вот и я не исключение.

Непроизвольно припоминаю, как на прошлом свидании Димка, после продолжительного поцелуя, заявил, что его друг уехал к родителям в город и победно вытащил ключи из кармана.

Намек был более, чем прозрачным, но... я сделала вид, что не поняла, к чему ведет жених.

Никогда не забуду того разочарования, что мелькнуло в карих глазах Соколова. Может быть, именно тогда наступила точка невозврата? Димку тоже можно понять, ведь между нами так ни разу и не случилось близости.

Почему-то я оттягивала этот момент, как могла, всякий раз находя причины отказаться. Не то, чтобы я так цеплялась за свою девственность, но понимала, что абсолютно не готова. Я всегда верила в то, что это должно произойти как-то по-особенному что ли...

Глава 6.1

В небе громко пророкотал гром, заставляя запрокинуть голову.

Вдали даже мелькнула молния. Только дождя мне не хватало! В рюкзаке заиграла мелодия. Неужели Димка очухался? Морщю нос, все еще ощущая обиду.

Ничего, перебьется!

Пару знакомых домов и я вижу здание академии. Отмечаю, что в окне все еще горит свет. Сердце совершает кульбит, когда вижу припаркованный возле академии знакомый автомобиль.

Машина Громова. Ладони тут же вспотели, но прежде, чем я успела их вытереть о джинсы, на макушку упала крупная капля дождя, затем вторая, третья...

Где-то за спиной послышалось громкое ругательство.

Я вздрогнула от страха и резко обернулась. В руке у мужчины, что появился из темноты, был зажат сотовый, который голубоватым светом освещал асфальт. В очертаниях я узнала мощную фигуру Громова, что быстро приближался ко мне.

Те пару дней, что он не появлялся в зале, почти заставили меня забыть какой он высокий! Еле до плеча достаю... Я даже на секунду пожалела, что не надела босоножки, а схватила первые попавшиеся балетки на плоской подошве.

На Максиме была белая футболка и темно-серые джинсы. Вроде бы все по-простому, но лейбл, что я заметила на ремне, дал понять — это лишь первое обманчивое впечатление.

— Что случилось? Ты почему не дома? — хрипло спрашивает Громов, обегая быстрым взглядом мой «наряд».

Он ненадолго задержался на майке, а затем на открытой ямочке пупка, где поблескивает небольшая сережка.

С каким-то внутренним трепетом понимаю, что в голосе Грома слышится беспокойство. После безразличия Димки это пролилось на мою душу лечебным бальзамом

— Так, давай, детка, в тачку. Быстро! — приказал Максим, а затем, заметив мою нерешительность, добавил: — Сейчас вся промокнешь.

Несмотря на командный тон, я безропотно следую указаниям, хоть и упрямо молчу.

И только в теплом кожаном салоне, что пропах дорогим табаком и смесью трав, понимаю, как сильно замерзла. Когда Максим оказался в салоне, мне подумалось, что автомобиль в разы уменьшился.

Даже как будто стало не хватать воздуха. Я потрясенно охнула, когда широкие ладони неожиданно прошлись сверху вниз от моих плеч до самых запястий, разгоняя кровь по венам.

— Вся продрогла. Что же ты, дурочка, в недетское время по улицам шастаешь?

— В кино ходила, — опускаю глаза, чтобы он не заметил следов обиды, что совсем недавно кромсала мое сердце.

И откуда он знает, что замерзла? Прежде, чем успеваю удивиться, вижу, что горячий взгляд мужчины без капли смущения направлен в район моей грудной клетки. Понимание того, как он догадался, заставляет густо покраснеть и скрестить руки на груди, пряча девичьи прелести от пристального, словно рентген, взгляда.

Должно быть, мое смущение Грому по душе, потому что чувственные губы изгибает дразнящая улыбка.

— Такая сегодня тихая и молчаливая. Мне, определённо, это нравится.

Глава 6.2

Его слова произвели эффект зажжённой спички, намеренно поднесённой к керосину.

Я мгновенно вспыхнула и упрямо вздернула подбородок.

— Может, мне просто нечего вам сказать, — безразличным тоном бросаю брютету, в душе проклиная себя за то, что продолжаю сидеть в его тачке.

Что мне мешает выйти? Дождь? Ха!

Максим, нисколько не обижаясь, подмигивает мне, сверкая безупречной белозубой улыбкой.

Мужчина тянется вперед и включает магнитола. На панели приборов из красного дерева

зажигается дорожка из ярких золотистых огоньков. Красиво, статусно, а ведь, в отличие от меня, для него — это обыденность.

— Ты брось вот это вот свое «выканье»! Чувствую себя стариком, — что-то в его голосе привлекает мое внимание.

С интересом гляжу, как Максим выбирает музыкальную дорожку.

Уверенно водя пальцами по сенсорному экрану, он перелистывает треки. Заворожено смотрю на крупную смуглую руку, увитую венами, которые соединяются между собой словно русла рек.

Возле большого пальца виднеется не большая тату в виде древних символов. Изображение потеряло четкие границы, но это не удивительно, если учесть, что Максим водит автомобиль. Плюс ко всему, руки каждый день подвержены механическому воздействию — пальцы трутся друг о друга, об одежду, другие части тела, взаимодействуют с предметами. Оторвав, наконец, взгляд от символов, попадаю в плен сапфировых глаз, опущенными черными, как чернила ресницами.

Ну, почему он такой красивый?

Темная и жесткая на вид щетина на подбородке Макса заставляет вспомнить безуспешные попытки Димы отпустить то ли бородку, то ли усики.

В итоге после долгих усилий мой парень получил лишь легкий совершенно не мужественный пушок.

— А сколько вам лет? — спрашиваю, упрямо продолжая обращаться на «вы».

В голосе проскальзывают нотки плохо скрываемого интереса, что не удаётся скрыть от Громова.

Синие глаза смотрят пристально, явно желая проследить за моей реакцией.

— Двадцать шесть, — лениво отвечает Макс.

Моргнув, отвожу взгляд в сторону.

Ничего себе! Между нами разница в целых восемь лет!

— Много? — усмехается Макс, заметив слегка оторопелое выражение моего лица. — В мужчине ценится опыт, а он приходит с годами.

В каждом его предложении я почему-то слышала вызов и какой-то намек на шовинизм. Злясь на себя за то, что не могу удержаться, поинтересовалась:

— А в женщине?

— Что? — переспрашивает Макс. Его глаза слегка затуманены, когда от отрывает взгляд от моей талии. — Опыт? — и сводит широкие темные брови на переносице.

Его резкое «нет» почти оглушает меня.

— В женщине ценятся совсем другие качества, — в голосе мужчины слышу легкую снисходительность.

Вот дикарь!

Поджимаю недовольно губы.

Макс, словно не замечая моего недовольства или делая вид, что не замечает, как бы невзначай бросает странную фразу:

— Прикольная штучка. Жаль, что придется снять.

Округляю глаза в неподдельном удивлении.

О чем он?

Проследив за его взглядом, догадываюсь, что речь идет о серьге с белым маленьким фианитом, что украшает мой пупок.

— Зачем это? — фыркая, наклонив голову на бок.

— Когда будешь беременна, можно пораниться.

Губы сами складываются в букву «О», но тут же улыбаюсь, мотнув в отрицательном жесте головой.

— Беременность? Дети? Не-ет, это точно не предел моих мечтаний.

Максим смотрит на меня так, как будто я неожиданно заговорила на другом языке.

Глава 7

Усмехнувшись, он проводит пятерней по темным волосам.

— Просто рядом с тобой не было нормального мужика, от того приоритеты неверно расставлены.

Находясь почти в шоке, смеюсь, но неожиданно понимаю, что он серьезно! Смех обрывается так же резко, как и начался.

— А кто решает, что правильно, а что нет? — от возмущения даже перехватило дыхание. Я подалась вперед, чтобы донести свою правду до этого пещерного мужлана. — У всех разное представление о жизни. Кто-то счастлив закопаться в пеленки, стоять беременной и босой у плиты — их право! — перевела дыхание, чтобы продолжить более страстно: — А кто-то мечтает стать прямой, первой во всем и не перед чем не останавливаться!

— Для чего все это? — вопрос Максима сбивает с толку.

Громов испытывающе сканирует синими глазами мое горящее от возбуждения или даже в большей степени возмущения лицо. — Чтобы подороже себя продать?

— Что-о?! — кричу почти возмущенно. — Как во...

— Конечная цель каждой женщины — это удачное замужество, — перебивает меня Максим.

— Нет! — морщу нос и метаю взглядом сражающие на повал молнии в Громова, который реагирует на них, как на легкую щекотку.

Он просто улыбается. Гад!

— Карьера, признание, независимость, в конце концов! — не готовая сдаться просто так, продолжаю я.

Не обязательно ему знать, что это единственный выход в моей ситуации.

Только так я смогу выгнать свою семью из нищеты. Отблагодарить родителей за то, что они сделали для меня все возможное и невозможное, что было в их силах.

— Независимость, — как-то саркастически повторяет Максим, словно я произнесла глупость. — Все проблемы от того, что женщины...

— Ты еще скажи «не знают свое место»! — перебиваю, злясь так, что не замечаю, как перехожу на «ты».

Боже, как он меня злит!

Казалось, еще чуть-чуть и из ушей повалит дым. В отличие от меня, Громов выглядит донельзя довольным. Похоже, не осталось незамеченным то, что я ослабила рамки субординации. Но сейчас это не главное, я жажду доказать, что он не прав!

— Конечно, — спокойно откликается Максим. — Место... за мужем. Ведь самое ценное, что есть у мужчины — это его женщина, мать его детей. Ради этого мы и живем. Семья — главное, что может быть у человека.

Его бархатный баритон ласкает мой слух, словно гипнотизируя. Я даже на мгновение растерялась.

— Зачем взваливать на себя непосильные проблемы? — продолжает Макс, обаятельно улыбаясь и заметив, как я притихла. — Зачем забивать красивую головку всякой ерундой? Разве не лучше наслаждаться благами, которыми обязан обеспечить мужчина? — он осторожно протягивает руку вперед.

Сильные пальцы ловко цепляют одну из шелковистых блестящих прядей волос, что отделилась от общей массы волос.

Пропуская ее между пальцев, Громов понижает тон и проникновенно смотрит мне в глаза.

— Что плохого в том, чтобы родить от своего мужчины? Стать женой и жить в достатке, никому и ничего не доказывая.

Я же намеренно пропускаю первый вопрос и упрямо цежу:

— А что в ответ? Подчинение, послушание и уважение к господину? — язвительно приподнимаю бровь, ощущая, как бешено грохочет сердце.

Его близость сбивает с толку. Аромат каштанов и трав заполняет легкие так, что даже начинает кружиться голова.

Обалденный запах!

Громов кивает, почти незаметно сдвигая пальцы с волос к мочке уха, и медленно обрисовывает по кругу небольшую сережку. Меня словно бьет током. По спине бегут мурашки. Я непроизвольно ерзаю на месте.

— Правильно, детка. Своего мужчину надо уважать, — наклоняется ближе и, не смотря на мои попытки уклониться, опускает широкую ладонь на коленку, достаточно ощутимо сжимая ее. — Это закон.

Горячие мужские губы опаляют поцелуем, не давая времени сообразить, как правильно реагировать на происходящее.

Он словно захватывает в плен — властно, жарко.

Я поднимаю руки, чтобы оттолкнуть его, но... спустя мгновение таю, плавлюсь в сильных грубоватых объятиях под жадными грубоватыми поцелуями-укусами.

Постепенно поцелуй становится более чувственным и тягучим, словно сладкая медовая патока. Я стону, непроизвольно выгибаясь в талии, чтобы ощутить горячие тугие мышцы плотнее, ближе... Но когда ладонь касается нежной кожи живота и принимается красться все выше, словно вор, вся сжимаюсь.

Меня будто обдает ледяным потоком воды, когда вспоминаю, где я и с кем.

Боже, что я творю?!

Толкаю ладонями в широкие плечи, но Максим как неприступная гора — не двигается с места.

Этот тиран продолжает терзать мои губы, словно безумно вкусный десерт, который намерен съесть до последней крошки.

И лишь когда я собираю все силы и испуганно бью кулачками по мощным плечам, мужчина нехотя отстраняется. Казалось, он только очнулся от какого-то транса. Взгляд синих, как океан, глаз жадно устремляется на мои припухшие после страстных поцелуев губы.

Глава 8

Макс

— Приятного аппетита.

Голос отца застаёт меня врасплох. Плечи непроизвольно каменеют, от чего мышцы

бугрятся, перекатываясь под тканью футболки. Сидя в гостиной за большим овальным столом, я продолжаю усердно работать ложкой.

Сколько за свою жизнь обошёл ресторанов и кафе, чьи владельцы кичатся высокой кухней и профессиональными поварами, но никогда не пробовал такой вкусной шурпы, как эта.

Только мать умеет так готовить!

Мясо буквально отходит от костей, разделяясь на волокна, а ароматный запах овощей щекочет рецепторы, усиливая аппетит.

— Спасибо, — бурчу, бросая на отца взгляд из-под бровей.

Он одет с иголочки, как и всегда. Классический костюм, белоснежная рубашка, подмышкой зажата свежая газета...

— Ты бы чаще приходил. Мать скучает.

Что-то в его голосе заставляет меня остановиться. Ложка на мгновение зависает в воздухе, прежде чем я вновь зачерпываю наваристый бульон.

Мы оба знаем, что он тоже скучает, но отец слишком упрям, чтобы в этом признаться.

Только вот проблема в том, что я упрямее в два раза.

— Работы много, — недовольно морщусь в ответ, отламывая большой кусок от ароматного «хьокхам»*.

Свежий и мягкий, он тает во рту. Непроизвольно прикрываю глаза от гастрономического удовольствия.

— Что нового, сын? Как бизнес? — отец ищет точки соприкосновения, но натывается на каменную стену отчуждения.

Усмехаюсь. Специально ведь не называет по имени.

— Нормально, — срывается с губ односложный ответ, когда я тянусь к стакану с водой.

Отец растерянно сжимает в руках газету.

— А ты не многословен.

Сдаюсь, замечая под глазами родителя тёмные круги.

Сжимая зубы, ощущаю, как в груди ядовитой змеей начинает шевелиться неприятный холодок. Много работает? Или опять сердце беспокоит?

Мы не общались два года, после моего возвращения со службы из Сирии. Только сердечный приступ отца повлиял на то, что я затолкал все наши обиды и разногласия в самый темный угол души, но лишь на время...

— Перевозки идут полным ходом, без дела не сижу, — отвечаю уже более миролюбиво, промокая губы льняной салфеткой. — На «Грушовой»** новая система, пропуски ввели.

— Да, знаю. По моему распоряжению. Следовало сделать это еще три года назад, когда... — кивает головой отец, но замолкает, замечая мой полыхнувший бешенством взгляд.

Всю жизнь будет меня попрекать?! Да, я облажался! Был совсем зелёный, горячий, хотелось быстро поднять больших бабок, за что и поплатился.

Тем не менее, то, как отец поступил со мной тогда... Я никогда не забуду этого!

Нет, не из-за ненависти, а просто потому, что это невозможно — это навсегда останется со мной. Что-то похожее на кислоту хлынуло по венам, почти разъедая на физическом уровне. Ничего не изменить.

Ярость, гнев... Нет, уже не на отца, а на судьбу и то, что не в моих силах хоть что-то исправить.

— Я полностью рассчитался за свой проступок, — цежу, намерено прикасаясь к извилистому шраму у виска. — Или ты считаешь, что этого мало? Я всю жизнь должен...

— Сынок, — голос появившейся на пороге гостиной мамы мгновенно остужает пыл.

Высокая, статная, всегда держащаяся, как королева, сейчас она выглядит раненой птицей. Почти черные глаза полны тревоги.

Взгляд мечется между мной и отцом, словно не зная, на ком остановиться. Она делает свой выбор.

Шаг в мою сторону говорит о самом главном для меня и — так было всегда.

Между мной и «ИМ» она всякий раз выбирала меня.

— Ты останешься с ночевой? — спрашивает слегка растерянно, явно расстроенная нашей перепалкой.

Мама всегда остро чувствует назревающий между нами конфликт, словно ласточка — надвигающийся дождь с грозой.

Мой взгляд смягчается.

Не хочу тревожить мать. Она ни в чем не виновата, она достойна мира в своем доме.

Я обязан проявить уважение. Беру ее протянутые ко мне руки, целую их и прикасаюсь лбом к тыльной стороне кистей.

— Спасибо, за обед, мам. Все на высоте, как всегда.

Она тут же зарделась от похвалы и провела пальцами по моему плечу, слегка похлопывая при этом.

— Я так рада, что ты пришел, сынок.

— Где Дамир? — спрашиваю мать, пряча руки в карманы джинс. Несмотря ни на что, я соскучился по старшему брату.

— На сборах, — отвечает мать, пряча глаза.

— Ясно.

Каждый раз, как только в этом доме заходит речь о службе по контракту, между всеми членами семьи появляется напряженная неловкость.

К черту! Делаю вид, что мне все равно.

Порывисто вынимаю руки из карманов, от чего на пол падает белая визитка с цветочным орнаментом.

Проворно наклонившись, мать опережает меня. Задумчиво вертит в унизанных дорогими кольцами пальцах небольшой прямоугольник, а когда читает название, высоко поднимает аккуратные ухоженные брови.

— Цветочный бутик «Магнолия»?

Провожу привычным жестом по волосам, взъерошив их. Цветы, должно быть, уже доставили Ангелине.

Перед глазами всплывает образ хрупкой блондинки, чья яркая завораживающая красота не давала мне покоя. Я почти вижу, как розовый, сочный, так похожий на бутон розы рот приоткрывается, когда она получает от курьера букет из ста с лишним отборных белых роз.

Вероятно, в это момент выражение моего лица было более, чем красноречивым.

Мать, охнув, прижала руку к губам, в затем спустила ее к груди — там, где билось сердце.

— Кто она? — черные глубокие глаза сияют неподдельной радостью и любопытством. — Я ее знаю?

— Нет, — впервые широко улыбаюсь, осторожно вынимая из ее подрагивающих

пальцев визитку, после чего пряча ее обратно в карман. Еще не раз пригодится. — Ее зовут Ангелина.

Слышу какой-то сдавленный звук и машинально перевожу взгляд на отца. Его брови сведены на переносице, точь-в-точь как у меня, когда я сидел за столом.

— Что за имя? — в голосе слышится знакомая сталь. — Русская?

конец предыдущей

— Русская? — переспрашиваю, ловя себя на мысли, что вообще впервые задумываюсь об этом. Пальцы машинально сжимаются, словно наяву ощущая гладкий шелк белокурых волос. — Да, какая разница? — отвечаю твердо, сразу же направляясь к выходу.

Остаться здесь больше нет желания!

— Максуг, традиции еще никто не... — называет меня отец данным при рождении именем.

Я почти не реагирую — не привык к этому.

— Не надо, Мансур! — вмешивается мать.

Сжимаю крепче зубы, чтобы усмирить собственный нрав.

— Мне пора. Спасибо еще раз, мама, за гостеприимство, — больше даже не взглянув на отца, разворачиваюсь и иду к выходу. Не существует его мнения и слов, пока я сам не решу это

По крайней мере, пока не повернусь к нему лицом.

Уже сидя в машине, проверяю через сайт статус доставки. Передано адресату. Уголок рта дергается, когда завожу мотор. Может быть, букет хоть на каплю растопит мою снежную королеву.

***Хьокхам — горячая лепешка, соус сметана, творог и зелёный лук.**

**** Грушовая — нефтебаза. Черномортранснефть (Анапа).**

Глава 9

Ангелина

...по лицу струится пот, мышцы ноют, а большие пальцы на ногах горят от содранной на мозолях кожи.

Краем глаза замечаю, как находящаяся неподалёку от выхода Татьяна поворачивается в сторону выхода. Классическая музыка перекрывает все звуки, но я догадываюсь, что в дверь стучали. Опускаюсь в поперечный шпагат, но вижу взмах руки тренера — зовет к себе.

«Что-то случилось?» — задаю этот вопрос мысленно, с помощью взгляда и приподнятой брови.

Татьяна выглядит недовольной. Подкрашенные губы напряженно сжаты.

Ловко встав на ноги, спешу к тренеру.

— Тетя Тань, что случ...

— Тут к тебе, — грубо перебивает женщина, резким движением шире приоткрывая дверь.

Растеряно смотрю на молодого человека в сиреневой униформе.

— Здравствуйте! — тут же здоровается веснушчатый рыжеволосый паренёк. — Вы Ангелина?

Оглядываюсь на Татьяну, которая делает вид, что увлечена тем, что смотрит, как девочки разминаются. Вновь перевожу взгляд на молодого человека.

— Здравствуйте. Да, это я, — подтверждаю, с интересом глядя на бланк, который протягивает парень.

— Распишитесь, пожалуйста, что приняли заказ.

— Заказ? — удивляюсь, ничего не видя у него в руках.

— Да, минуточку, — паренек спешит за угол и когда вновь появляется, я громко охаю.

Курьер несет в руках огромный шикарный букет роз, перевязанный нежно-розовой шелковой лентой. Белоснежные бутоны — такие красивые, будто их отбирали вручную в огромной оранжерее не один час. Боже, сколько же их здесь?!

Словно читая мои мысли, курьер приглушенно отвечает:

— Ваш букет, Ангелина. Ровно сто семь роз, — его голос звучит приглушенно.

Не представляя, как уместить это великолепие в руках, быстро черкаю свою роспись на бланке, а затем буквально попадаю в рай. Пальцы колят небольшие шипы, а голова кружится от сладкого аромата цветов. Это просто восхитительно!

На смену эйфории приходит удивление.

— А от кого они? — успеваю крикнуть вслед удаляющемуся курьеру

Молодой человек оборачивается и широко улыбается.

Дима ограбил банк, что ли?! В голову закрадывается сумасшедшая мысль, но я ее тут же откидываю прочь.

— У вас там открытка в букете.

И правда — среди роз небольшой розовый конвертик. Невольно начинаю совершенно по-дурацки улыбаться.

Это все так мило — до невозможности!

Однако, стоит повернуться, как улыбка буквально тает под орлиным взором Татьяны. Идея открыть послание прямо здесь пропадает за считанные секунды.

— В гримерку, — почти цедит Татьяна.

Ничто сейчас не испортит мне настроения!

Под перешёптывание и завистливые взгляды девчонок тащу свою прелесть в указанном направлении. В отражении зеркала вижу свой горящий восторгом и нетерпением взгляд. Даже щеки заалели!

Оказавшись вдали от любопытных глаз, аккуратно вынимаю из конверта записку. Записка написана размашистым почерком, что заметно уклоняется влево. Я невольно прикусываю губу, читая послание.

«Ангелина, дарю этот букет, потому что любые аплодисменты твоей красоте, очарованию и таланту будут недостаточно громкими. Пусть этот день станет прекраснее этих цветов».

Сердце буквально отплясывает сальсу, когда я машинально опускаю взгляд ниже — туда, где должно быть имя таинственного дарителя. К своему разочарованию, вижу лишь надпись — «От самого преданного фаната».

Глава 10

Ангелина

Что этот знак внимания от Максима у меня почти не осталось сомнений. Только Громов мог сделать такой широкий жест.

Вновь пробегаюсь глазами по строкам, написанным на белом листочке бумаги. Никто никогда не дарил мне таких букетов, никто никогда не говорил таких слов...

Притрагиваюсь кончиками пальцев к нежным лепесткам роз, лаская их поверхность. Я растеряна и совершенно не знаю, что делать со всем происходящим в моей жизни.

Разлад с Димой совершенно выбил меня из колеи. Ведь он даже не попросил прощения

за прошлый эпизод. Не хочу сравнивать двух таких разных мужчин, но это происходит само по себе.

Громов и Соколов — словно небо и земля.

С Димой все привычно — ровно, будто спокойное русло реки, по течению которой плывешь и не ждешь никаких поворотов и подводных камней. Даже его прижимистость кажется уже чем-то обыденным.

Дело в том, что раньше, пока не появился Максим и не показал, что все может быть по-другому, я закрывала на это глаза. Если уже на то пошло, то можно как следует покопаться в подкорках сознания. Я была уверена, что многое всплывет в памяти.

Нашу жизнь с Димой расписали заранее, с самых пеленок, словно мы всегда жили и живем по предписанному, давно обговоренному нашими родителями плану.

Откуда-то из глубины души, заполняя каждую клеточку, начинает подниматься чувство протеста, превращаясь в гигантскую волну.

Рядом с Громовым во мне просыпается что-то запретное, чувственное...

Я пока еще не совсем понимаю, что это, но чувствую себя желанной. Мне хочется раствориться и поверить в то, что обещают синие глаза.

Нежность, заботу, внимание, страсть.

Невольно вспоминаю наш поцелуй, горячие шершавые ладони, скользящие по обнаженной покрытой мурашками коже живота...

— Боже, я схожу с ума, — шепчу, убирая от цветов пальцы и прижимая их к губам.

Прикосновения твердых требовательных губ ощущаются почти как на яву. Как он целуется! Влажный, жаркий поцелуй произвел на меня такое впечатление, что всю следующую ночь мне снились сны, о которых просто неприлично говорить вслух.

Ладони тянутся к щекам, чтобы хоть как-то унять волнение.

Дико, пошло... Даже неудобно перед самой собой, но я хочу его, хочу понять какво это — быть с таким мужчиной, как Максим.

Подчиниться его силе, хоть чуть-чуть побыть слабой. Вскидываю глаза, понимая, что дыхание стало быстрым и поверхностным.

Я должна остановить это сумасшествие, ведь я почти ничего не знаю о Громе!

Попробовать не думать о нем?

Эта мысль вызывает грустную усмешку. Это просто невозможно! Мужчина так прочно въелся в мои мысли и заполнил мою жизнь, что мне не под силу сделать с этим хоть что-то.

В скором времени мне придется сделать выбор: либо дать четкий отказ Максиму, либо порвать с Димой.

Я боюсь. Да, я трусиха!

Я боюсь Максима. Боюсь, что для Громова, я — лишь прихоть, труднодоступная игрушка. Во мне еще живы воспоминания разговора трех профурсеток из «Белого кролика».

Даже дурочка может сделать вывод, что этот красивый статный брюнет не моногамен, а отношения иного рода не для меня. Даже сейчас, ухаживая за мной, он наверняка не отказывает себе в удовольствии в постельных играх с какой-нибудь знойной красоткой.

Я выпрямилась, глядя в свое отражение. Нет! Слишком опасно идти на поводу своих желаний. Я просто не имею права. Тем более, зная взгляды Максима на жизнь. Мы слишком разные, словно из разных миров.

Вижу в отражении зеркала, как по бледной щеке медленно катится крупная слеза. Резким движением смахиваю ее. Вспоминаю слова Татьяны о том, что самая большая сила

женщины — это независимость.

«Только благодаря ей ты выживешь в этом жестоком мире.

Никто не сможет сломать тебя, Ангелина», — так однажды сказала мне тренер.

Тогда я застала ее задумчивой, неотрывно смотрящей в окно. В руках тренер держала небольшую чашечку кофе. В этих словах я сразу же прочла глубокий смысл. Это были не просто слова, сказанные без задней мысли — это личный, тяжело пережитый опыт.

От воспоминаний меня отвлекла трель телефона, вынудив повернуться в сторону рюкзака. Эту мелодию я не узнаю из тысячи!

— Мамочка? — я так крепко прижимаю смартфон к уху, что на щеке явно останутся следы от него. — Мам?

На том конце провода я почти «слышу» улыбку матери.

— Ангелиночка, солнышко мое, — голос мамы такой тихий и спокойный, что душу мгновенно затопляет волна тепла и поддержки. — Как ты, дочка?

— Маа-м, — тяну сквозь тут же набежавшие на глаза слезы. — Тебе разрешили телефон?

Всю эту неделю нас с отцом не пускали к маме в больницу. Звонки тоже были под строгим запретом. Отдых — лучшее лекарство — так объяснял подобные меры лечащий врач.

— Да, милая, наконец-то я слышу твой голосок, — из динамика доносится шуршание простыни. — Как у тебя дела? Татьяна не сильно лютует?

Борюсь с желанием «настучать» на чересчур строгое поведение тренера, потому что не хочу волновать мамочку.

— Все отлично, не переживай. Лучше расскажи, как ты?!

— Ем, сплю, — смеется мама. — Скоро с ума сойду от скуки.

Улыбаюсь, понимая маму. Она у меня всегда был живчиком — активная, полная жизненных сил.

— Как у вас с Димочкой? — этот вопрос застиг меня врасплох. Лицо тут же застывает, как маска, заставляя улыбку растаять, как первый снег.

— Так переживаю за ваши отношения, — продолжает мама, не замечая возникшего напряжения. — Господи, дай дожить до вашей свадьбы, да на внуков глянуть хоть одним глазком. Хотя тебе не до этого, ты у нас будущая прима.

Я слышу, как голос мамы начинает дрожать, перешагиваю через себя и шепчу онемевшими губами:

— Что ты такое говоришь, мамочка? Не надо так. Все у нас с Димкой хорошо.

Глава 11

Ангелина

— Всем спасибо, девочки. Все свободны, кроме Лины.

Смахнув пот со лба, Татьяна дождалась, пока девочки скроются с глаз, и повернулась ко мне. Выглядела тренер, мягко говоря, уставшей.

— Лина.

Я послушно направилась навстречу балетмейстеру.

— Сегодня отличные результаты, — глаза Татьяны одобрительно прошлись по моей фигуре. — Очень прошу, держи эту же форму и тогда главная партия в городском театре будет твоя.

Не в силах сдержаться, приглушённо визжу. Я уже и не рассчитывала, что Татьяна

скажет мне эти заветные слова! Месяцы упорных тренировок прошли не зря. Даже хваленые связи отца Наумовой не помогли зазнайке получить роль. Что мне нравилось в Татьяне — так это ее справедливость и неподкупность

Я готова была кинуться ей на шею, но понимала, что могу поставить этим ее в неловкое положение. Потом все будут шушукаться, что роль досталась мне незаслуженно. Не надо забывать, что даже у стен есть уши.

— Лин, давай, эту новость пока оставим между нами, — предостерегает Татьяна. Ее васильковые глаза становятся беспокойными. — Сама понимаешь, Наумова... Попозже объявлю.

— Да, — тут же соглашаюсь с тренером.

Это будет наилучшим решением. Я подношу пальцы ко рту и делаю вид, что запираю его на замок. Меня так распирает радость, что хочется скорее поделиться ею с отцом.

— Вот и славно, — кивает головой Татьяна. Она явно довольна. — Только не забудь купить новые пуанты.

На мгновение мой восторг гаснет, словно пламя свечи на ветру. Наш бюджет и так трещит по швам. Это не входило это в планы.

— Да-да, конечно, — спохватившись, делаю хорошую мину при плохой игре.

Татьяна ничего не замечает.

Такое ощущение, что мысленно она уже очень далеко. Тренер бросает взгляд на небольшие наручные часики и удивленно сокрушается.

— Надо же, как время быстро идет! Беги в примерку, почти все уже ушли, — Татьяна вынимает из небольшой сумочки сотовый и наизусть набирает номер.

— Миша, я освободилась. Через полчаса выйду.

Понимая, что разговор окончен, более не смею отвлекать тетю Таню. С каждым шагом внутри все больше разрастается восторг. Я буду танцевать главную партию!

Вижу, как девчонки уже толкуются у выхода, громко смеясь и бурно обсуждая, как проведут выходные.

— Лин, пока! — машет мне рукой Настя Шипицина.

К ней присоединяется еще пара девочек. Я не могу назвать их подругами, но хорошими приятельницами — точно, ведь ни для кого не секрет, что в балете нет друзей. Попрощавшись с коллегами, спешу в примерку.

Из раздевалки мне навстречу выскочила раскрасневшаяся Наумова.

Выражение ярости на лице девушки на секунду заставило задуматься, а не слышала ли она наш с Татьяной разговор?

Нет, это просто невозможно.

В тот момент, когда тренер сообщила о своем решении, зал был абсолютно пуст. Проходя мимо, Катька намеренно задела меня плечом так, что я пошатнулась. Хорошо, что успела опереться рукой о стену, иначе падения бы не миновать.

— Ты что, ненормальная?! — зашипела ей вслед, как рассерженная кошка.

Наумова так спешила покинуть академию, что даже не взглянула на меня.

— Придурочная, — проворчала я вслед менее удачливой сопернице.

Переступив порог примерной, шокировано замерла, когда увидела развернувшуюся перед глазами картину.

Весь пол был усыпан лепестками белых роз. Цветы были не просто испорчены. Кто-то с варварским ожесточением уничтожил все, до последней розы! Некогда зелёные напитанные

стебли сейчас были сломанные пополам и валялись в хаотичном беспорядке.

Ощущая, как меня начинает трясти от обиды и злости, я прикусила губу. Какая же она гадина! Завистливая дрянь!

Как только руки поднялись на цветы, в чем они виноваты?! Чтобы хоть как-то успокоится, я принялась развязывать ленты на пуантах. Хотелось кинуться за этой лахудрой и повыдирать ей всю ту паклю, что она зовет волосами, но успокоиться сейчас просто необходимо!

То, что я в скором времени буду играть главную партию, станет для нее самым заслуженным наказанием ЗА ВСЕ.

За бесконечные издевки, подколы и за это тоже. Глаза увлажнились, стоило мне посмотреть на нежные лепестки под ногами.

— Боже! — это восклицание заставило меня вскинуть покрасневшие глаза. — Что здесь произошло?! — всплеснув руками, Татьяна указала на творившийся вокруг беспорядок.

Схватив свой рюкзак, я опустила на колени и принялась сгребать ладонями остатки роз.

— Ничего.

В балете есть негласное правило: никогда не жаловаться. Никогда и ни на что. Боль, конкуренты, вот такие мерзкие подлые пакостники, как Катька... Нытье и жалобы лишь покажут мою слабость. Свои проблемы я должна решать сама.

— Все в порядке, тетя Тань. Сейчас все уберу, — и поднимаю глаза, чтобы убедиться в том, что тренер слышит мой сиплый, слово после простуды шепот.

Татьяна тяжело вздыхает, должно быть, догадываясь, кто виновница произошедшего.

— Сказала все-таки?

Я непонимающе вскидываю глаза, но тут же негромко охаю, когда в палец впивается шип.

— Что? Нет! — возмущаюсь, когда доходит смысл вопроса.

Взгляд Татьяны смягчается, синие глаза смотрят с искренним сочувствием.

— Ладно, ладно, — успокаивает меня женщина, после чего вновь ставит в тупик вопросом: — Букет от Садулаева?

Садулаев? Кто это вообще?

Уже хочу сказать, что букет от Макса, но Татьяна, перефразирует вопрос.

— От Максима?

Врать не хочется, поэтому утвердительно киваю. Все-таки это моя личная жизнь и отчитываться ни перед кем я не обязана.

Садулаев Максим Мансурович — вот значит как.

- Ангелина, может быть тебя подвезти? — спрашивает Татьяна, когда мы выходим на крыльцо.

Я лишь крепче сжимаю в руках сломанные стебли, прежде чем отрицательно мотнуть головой.

— Нет, спасибо. Я хочу пройтись и подышать свежим воздухом, — это наглое вранье, но я не хочу, чтобы у моей слабости были свидетели.

— Хорошо, как скажешь, — Татьяна прячет ключи от академии в сумочке и оживает, когда на территорию въезжает темно-синяя иномарка. — Ладно, Линочка, побегу. Это за мной.

Автомобиль кажется мне смутно знакомым, но сейчас не до того, чтобы изображать

мисс Марпл. Все, что мне надо — это привести мысли в порядок, успокоить проклятые эмоциональные качели. Вялым шагом иду в сторону стоящего неподалеку мусорного контейнера.

По ногам бегут мурашки. Вечерний ветерок неприятно холодит обнажённую кожу. Догадалась же вырядиться в платье! А ведь утром мне казалось, что белое платье из тонкого хлопка — отличный выбор.

В темноте, по левую сторону от меня, загорелся оранжевый огонек. Ноздри тут же принялся щекотать дорогой аромат из смеси табака, нот кумина и, конечно же, каштана.

Огонек, повисев пару секунд в воздухе, метко планирует в мусорный бак, после чего раздаётся хриплый смешок.

— Освободился пораньше с работы, чтобы помочь донести букет, — голос Садулаева, ровный, без капли обиды, — но вижу, ты справилась без меня, Ангелина.

Максим делает пару шагов вперед, ступая в тусклый свет фонаря. Мужчина бросает изучающий взгляд на переломанные стебли, зажатые в моих пальцах так крепко, что побелели костяшки.

— Мне, похоже, повезло, что припозднил. Надеюсь, ты его сломала не об курьера? — тянет с усмешкой.

Глава 12

Ангелина

Для меня это становится последней каплей.

Громко всхлипываю и, прежде чем уронить стебли на землю, конвульсивно сжимаю их в пальцах. В нежную кожу впиваются острые шипы, причиняя неожиданно резкую колющую боль.

Совершенно не понимаю, почему плачу — то ли от обиды, то ли от боли. Меня окутывает тёплом со всех сторон — это Громов обнимает меня своими ручищами. Слышу, как грохочет сердце под моей щекой.

Сильные пальцы проходятся вдоль моих распущенных волос, что серебристыми блестящими нитями спускаются до бедер.

— Ну, что ты, маленькая? Что? — шепчет Максим. В голосе мужчины проскальзывают ноты нежности. — Тебе так не понравились цветы или то, что их подарил именно я?

Поднимаю голову, глядя размытым от слез взглядом в мужественное лицо Максима.

— Наумова. Это она... она его так, — выговариваю через силу.

Правда дается тяжело, ведь я привыкла держать все в себе. Пожаловаться — значит признать, что борец из тебя так себе. Но почему-то с Максимом я почти не задуваюсь об этом.

— Мне они так понравились, а она из зависти... — мне совсем не хочется, чтобы он думал плохо обо мне.

Широкая ладонь замирает, но тут же продолжает своё путешествие от макушки до лопаток, моментами пропуская пряди между пальцами. Такое ощущение, что мужчина наслаждается своими неспешными действиями.

— Я даже собрала лепестки, жалко выкидывать, — бормочу ему в грудь, заливая белую футболку слезами. — Буду с ними ванну принимать.

Слышу, как мужчина громко сглатывает, я отрываюсь от его груди и непроизвольно смотрю на мокрое пятно, появившееся от горьких слез.

Как ни странно, они принесли мне облегчение, а не стыд или какую-либо неловкость.

Неожиданно в голову приходит мысль о том, что Максиму очень повезло, что я не накрусила ресницы, иначе испортила бы футболку с фирменным зелёным крокодилом*.

— Наумова? — задумчиво переспрашивает Макс, слегка отстраняясь, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Ага, — смущаюсь, когда вижу, как взгляд мужчины скользит по моему лицу. Наверняка у меня нос распух, и кожа пятнами пошла — тот ещё вид.

— У вас с ней какие-то терки? — в голосе Максима слышу неподдельное участие.

Он аккуратно смахивает в сторону прилипшую к моей влажной щеке светлую прядь волос, ожидая ответа.

Я непроизвольно перенимаю его манеру разговора, отвечая:

— Ну, да, типа того. Мы с ней главные конкурентки.

Несмотря на то, что я всем сердцем ненавижу Катю, я готова честно признать, что она сильная соперница. Из всей труппы мы обе выделяемся упорством и трудолюбием. Только, к досаде Кати, я всегда на шаг впереди. И я знаю почему.

Меня на это толкают жизненные обстоятельства. В отличие от Наумовой, у меня не такая обеспеченная семья. Ей же нет необходимости кому-то что-то доказывать в этой жизни. Ей и так все преподносят на блюдечке с золотой каёмочкой, а я не имею права на ошибку.

— Букет — это ерунда, — успокаивает Максим, — а вот то, что эта коза «шатает» тебе нервы, мне совсем не нравится.

Пожимаю плечами. Мне не в новинку такое поведение Кати.

— Это она еще не знает, что я меня Татьяна утвердила на главную роль в городском театре, — сообщаю новость с явными нотками гордости в голосе.

Глаза начинают блестеть, но уже не от слез, а совершенно противоположных чувств.

Максим молча берет меня за руку и ведет к своему спортивному автомобилю.

Почему-то после моих последних слов, я ощущаю со стороны Садулаева (или Громова?) нарастающее напряжение. Салон встречает привычным ароматом, и я с комфортом располагаюсь на своем сидении. Максим закрывает дверь со своей стороны и тут же тянется через меня, чтобы закрепить ремень безопасности.

Моей груди случайно касается мускулистая рука, но, похоже, мысли Максима сейчас заняты чем-то другим. Впрочем, мне это не мешает залиться краской до самых коней волос.

— Городской театр? — наконец не выдерживает он. На широких скулах начинают ходить ходуном желваки. — Ты хочешь сказать, что вот в той юбке, — мужчина обрисовывает что-то руками в воздухе, — будешь ноги задира́ть перед всеми?

Ну, вот как?! Как он умеет одной фразой разрушить все разом все?!

— Не в юбке, а пачке, — поправляю невежду заносчивым тоном. — И что значит — ноги задира́ть?! Я буду Одетта, — зло сверкаю глазами, уже почти ненавидя Макса ничуть не меньше, чем Катю Наумову.

Это же надо такое ляпнуть! Чурбан!

— Ничего не понимаю в этом, — злится Максим, тут же показывая во всей красе свой огненный темперамент.

Как только дело коснулось чего-то того, что по его шовинистскому представлению не должно присутствовать в поведении женщины, этот наглец тут хмурит брови. К моей досаде, это делает его еще красивее.

— Только то, что всякие козлы в первых рядах будут пялиться на то, что у тебя

находится под юбкой.

— Колготки? — ерничаю, почему-то начиная получать удовольствие от того, что Макс... ревнует. — Максим, это работа. Тяжелый труд...

Впервые обращаюсь к мужчине по имени, чувствуя, как приятно становится на кончике языка.

«Максим», — повторяю мысленно, словно пробуя имя на вкус.

— Искусство! А ты что думал, я только в зале тренируюсь?

Что-то процедив себе под нос, брүнет взвинчено потер ладонью покрасневшую шею.

— Черт! Млин**, я вообще ни о чем таком не думал, — заявляет он возмущенно, будто я виновата во всех грехах. — Кто вообще ходит на этот балет?

— Ну, знаешь! — возмущаюсь я, взвившись на месте, от чего короткий подол платья взлетел, чуть не обнажая верх бедра. — Это вообще-то благородная профессия. Это тебе не на шесте крутить полуголой попой.

Максим скептически приподнимает бровь, но я уже готова бросить вызов.

— Я приглашаю тебя на представление. Приходи! Посмотришь, как легко «задирать ноги», — смотрю в синие глаза, которые отвечают упрямым взглядом из-под бровей.

После этих сорвавшихся с языка слов мгновенно тушуюсь. О, нет! Дима... Он ходит на все мои выступления!

*** Lacoste (по-русски произносится: Лакомст) — французская компания по производству одежды, обуви, парфюмерии, очков, часов и различных кожаных изделий. логотипом является изображение зелёного крокодила.**

****Млин — возглас выражения отрицательных эмоций, досады; ругательство; оценка ситуации, как неприятной. Определенной смысловой нагрузки не несет, служит связкой слов.**

Глава 13

Ангелина

— Здесь остановись, пожалуйста, — настойчиво прошу Максима притормозить около продуктового магазина, что неподалёку от моего дома. Ни к чему ему знать, где именно я живу.

Он послушно останавливается напротив «Магнита». У черного выхода из магазина стоит грузовая машина, загораживая нас от любопытных взглядов старушек на скамейке.

Вижу, как мужчина бросает задумчивый взгляд на пятиэтажку с другой стороны дороги, где живет Наташка.

— Твой дом? — вопрос висает в абсолютной тишине салона автомобиля, заставляя меня напрячься всем телом.

Синие глаза сканируют окна в доме. Через плотные шторы едва проглядывает свет. Он словно пытается отгадать какое именно из них мое.

Делаю покерфейс*** и приглушенно соглашаюсь:

— Да, — после чего мило улыбаюсь мужчине, прикрывая ложь за длинными темными ресницами. — Спасибо, что подвёз, — перекидываю распущенные волосы на плечо, привлекая этим жестом внимание Максима.

Внезапно становится неловко за свой обман и я растерянно пялюсь на обшивку кожаного салона. Максим молчит. Тишина так тяготит, что я, не справившись с нервами, тянусь к ручке автомобиля. Прежде, чем открываю дверь, меня останавливает настойчивый хриплый голос:

— Ангелина?

Я буквально ощущаю затылком обжигающий взгляд Макса, скользящий по моим обнаженным лопаткам, затем ниже по талии... Он прикасается не взглядом, а водит руками по чувствительной коже, будоража сознание и чувственность, что так долго спали до этого момента. Что не говори, а меня безумно к нему тянет. Я чувствую от него какую-то первобытную силу. Резко обернувшись, застаю Максима врасплох. Он не успевает, а может быть, не хочет отвести взгляд от моих бёдер, которые облепила тонкая ткань платья.

Нахал поднимает глаза.

С улыбкой, что может растопить сердце даже самой заядлой феминистки, Максим показывает пальцем на свою скулу, покрытую легкой темной щетиной, где бессовестно красуется так поправившаяся мне ранее глубокая ямочка.

— А поблагодарить? — синие глаза лукаво блестят, заставляя сердце биться быстрее.

— Я сказала «спасибо», — стреляю взглядом не на его скулу, а на красиво очерченные губы.

Ничего не могу с собой поделаться. Слишком Садулаев обаятельный! Ну, не убудет же от меня, в конце концов? Поцелуй в щеку в наше время совершенно ничего не значит. У меня создается ощущение, что пространство салона сужается до невозможных размеров, и нас словно магнитом тянет друг к другу.

Должно быть, заметив мою нерешительность, Максим подается вперед.

Это движение совпадает с моим. Смущённо сложив губы бантиком, невинно «клюю» его в колючую щеку, но... Максим резко поворачивает голову и мои губы, приоткрывшись от удивления, оказываются в плену глубокого медленного поцелуя, который полностью отключает мой мозг. Спустя пару минут, когда легкие невыносимо горят огнем от нехватки кислорода, я утопаю в синих глазах, почти забывая о том, где нахожусь, а главное — с кем.

Вновь опускаю веки, не желая расставаться с этой сладкой негой.

Нет, я, конечно же, понимаю, что рядом со мной Максим, но факт того, что у меня есть парень, а точнее, жених, совсем вылетел из головы. А ведь нас может увидеть кто угодно. Знакомые отца, соседи, друзья Димы... Я поспешно распахнула глаза и отпрянула назад. Мне показалось, что после поцелуя я даже разучилась дышать.

— Думаю о тебе постоянно, — снова притягивая меня к себе, шепчет Максим, принимаясь ласкать мои губы нежными прикосновениями напористых властных губ. — Черт, даже снишься!

По тяжелому дыханию мужчины я догадываюсь, какого именно рода ЭТИ сны.

— Сладкая моя девочка, стройная... — сильные пальцы трепетно проходят вдоль моей шеи. Широкая ладонь загребает через тонкую ткань платья нежную плоть полушария груди, стискивает так, что с моих губ срывается томный стон. Ухо обжигает горячее быстрое дыхание. — Поехали ко мне, детка. Сделаю все, как ты хочешь, только не отказывай.

Глава 14

Слова Максима отрезвляют.

Лицо горит так, как будто припечатали со всего размаха тяжёлую оплеуху.

Да за кого он меня принимает?!

Впрочем, если учитывать, где именно находится рука Макса... Чего я жду?! Я же сама дала повод думать, что перед ним легкодоступная девка!

Боже, какой стыд! Резко отталкиваю мужчину и дёргаю ручку автомобиля. Как на зло, она не подается.

Максим хмыкает и, перегнувшись через мои колени, одним движением открывает дверь.

— Нет, так нет. Ты не думай, Ангелина, я не монстр, — мужчина проводит рукой по подбородку. — Надо быть сумасшедшим, чтобы хотя бы не попробовать, — он обаятельно улыбается, глядя мне в глаза.

Я остаюсь серьезной и неприступной, словно каменная крепость.

Впервые замечая в Садулаеве что-то похожее на неловкость. Он отводит глаза в сторону и прежде, чем взяться за руль, резким движением проводит по темной шевелюре. Неужто жалеет о своем неприличном предложении?

Тем не менее, мне становится легче, когда появляется возможность списать предложение «весело» провести время на повышенную эмоциональность Макса. Эту черту в его характере я заметила еще в нашу первую встречу. Вся красная и взволнованная, отвожу взгляд в сторону.

Сейчас я не могу даже поднять на Садулаева глаза.

Меня спасет телефонный звонок. Дрожащими руками вынимаю мобильный из рюкзака, после чего бросаю косой взгляд на Максима.

Мужчина спокоен, как удав, но по тому, как побагровела мощная шея, а сильные руки крепко сжимают руль, понимаю, что это только кажущееся хладнокровие.

- Да, пап? — стискиваю чуть сильнее ремешок рюкзака. — Не волнуйся, я уже почти дома, — и сбрасываю звонок, не дослушав до конца ответ отца. Опустив ноги на тротуар, оборачиваюсь. — Максим?

Он щурит свои невозможные синие глаза, глядя на мои припухшие после поцелуев губы.

— Почему Гром? Разве твоя фамилия не Садулаев?

Он улыбается, показывая ряд ровных белоснежных зубов и пару острых клыков.

Мое тело очень странно реагирует. Низ живота словно заполняет тягучий жар.

Макс морщится, но, тем не менее, отвечает:

— С отцом конфликт, — заметив, что такой ответ не удовлетворил мое любопытство, он неожиданно серьезно добавил: — Позже расскажу.

Я киваю, внутренне трепеща от того, что Максим готов поделиться со мной чем-то личным, сокровенным.

Макс поворачивается так, что обрисовываются внушительные дельты на его плечах.

Он тянется на заднее сидение и через мгновение в моих руках оказывается фирменный бумажный пакет. Растерянно читаю надпись — «Шоколадница».

Вот это да!

Известный бутик сладостей в Сочи. Как... как он их достал?! Садулаев подмигивает, наслаждаясь моим беспомощным выражением лица.

— Спасибо, Максим, — лепечу едва слышно, сжимая непослушными пальцами подарок.

Чтобы не ляпнуть очередную глупость спешу выйти из иномарки. Прежде, чем закрыть дверь, слышу хриплое «спокойной ночи, малышка». Пока иду в сторону Наташкиного подъезда, легкий ветерок шевелит пряди моих волос, холодит разгоряченную кожу лица.

Улыбка не больше не сходит губ. Мне кажется, что душа буквально поет. Да что же со мной?! На мгновение прикрываю глаза, вспоминая горячие мужские губы на шее. Максим... Войдя в подъезд, прикусываю губу. Взгляд падает на зажатый в руке телефон.

На всякий случай лучше подождать минут десять, чтобы убедиться в том, что Садулаев Максим Мансурович уже на полпути от моего дома. Спустя какое-то время я выскальзываю

из подъезда лучшей подруги с облегчением (или разочарованием) отмечая, что черной спортивной машины уже нет. Перебежав дорогу, спешу к своему родному подъезду, исписанному разноцветным граффити.

На пороге меня встречает довольный отец. Добрые карие глаза горят восторгом.

Он отступает на шаг, чтобы пропустить меня в узкий коридорчик.

— Ребенок! Я все-таки сделал это.

Витая в своих мыслях, растерянно смотрю на загорелые руки отца, сжатые в кулаки.

Взгляд горит решимостью, почти фанатичностью.

— Что, папуль? — бормочу, скидывая босоножки. — О чем ты?

— Машину заложил, — тут же отвечает отец, подталкивая меня в сторону кухни. —

Первый месяц, дочка, совсем без процентов!

Почему-то вместо радости испытываю резкий прилив грусти. Такой пронзительной грусти, что хочется плакать.

— Какой банк? — кисло улыбаюсь, чтобы хоть как-то скрыть горечь и не расстраивать воодушевленного отца.

— Да, черт его знает, Ангелок. Микрозайм. Представляешь, дали по водительским документам, и девушка оформляла такая приветливая и приятная. Даже страховку оформила за полцены!

— Па-ап! — я еле сдерживаю стон. — Ну, сколько раз по телику говорили, чтобы никто не связывался с этими микрозаймами. Что ты как маленький, ей-богу? — бурчу, волнуясь, чтобы ничего лишнего не «присобачили» к договору.

Поставив на стол пакет с дорожными конфетами ручной работы, машинально сажусь на кухонную табуретку и делаю из полупустой чашки глоток холодного чая.

— А страховка разве не добровольно? — задумчиво подперев кулаком подбородок, уточняю, припоминая, что это не обязательная услуга.

В глазах отца мелькает растерянность.

— Дак, мало ли что... Вроде как выгодно, дочура.

Машу рукой, понимая, что отец попал в сети опытных кредиторов. В такие «шаражкины» конторы специально сажают эффектных девушек, чтобы те «припадали на уши» простофилям вроде моего отца. Значит, придется выплатить страховку.

— Дочь?

Голос отца доносится до меня словно издалека. Возле его губ залегает скорбная морщинка. Сердце щемит от жалости. Как же он любит маму! Как же ему сейчас должно быть плохо. Соскакиваю с табурета и кидаюсь отцу на шею.

Крепко-крепко сжимаю его в объятиях, ощущая, как узловатые пальцы медленно гладят меня вдоль лопаток. Должно быть, дает о себе знать хронический артрит.

— Папочка, милый! — прячу встревоженное лицо у него на груди. — Ты все верно сделал! Даже не сомневайся, — утираю слезы ладонью, прежде чем поднять голову и улыбнуться дрожащими губами. — Давай пить чай, а? У меня конфеты из Сочи.

Отец тает под моим взглядом.

Он улыбается так, что видно щербинку между передними зубами.

— А где взяла такое заморское чудо? — кивает родитель на пакет, который смотрится чем-то инородным на нашей бедно обставленной кухне.

На миг кокетливо прикрываю глаза ресницами, прежде чем ответить:

— Поклонник подарил.

Отец чешет пятерней голову, прежде чем озадачено спросить:

— А Димка?

— А Димке не обязательно знать...

Глава 15

Ангелина

После получасовых активных прыжков и вращений, хватаюсь за спину и прислоняюсь к стене. Стиснув зубы, смотря на Илью Верхотурова, который кажется все таким же свежим и бодрым.

Казалось, парень только что пришел на утреннюю тренировку. Илья — мой партнер. Именно он будет танцевать партию принца в «Лебедином озере». Стройный, с сильными длинными мускулистыми ногами и выносливыми руками.

— Ангелина! — окрик Татьяны, заставляет поспешно выпрямиться.

Нет времени прохладиться! Илья с легкостью поднимает меня, поддерживает, а затем медленно наклоняет вперед. Верхотуров делает плавное «адажио»* и когда во время танца наклоняется ко мне, ехидно бормочет возле уха:

— Пока я болел, кто-то, похоже, совсем расслабился.

Прикусила губу, чтобы не улыбнуться. Сучок! Я в отличной форме! С Верхотуровым мы знакомы много лет. Он требовательный партнер, но, между тем, очень хороший человек.

В наше время — это большая редкость. Жаль, что из-за людских предрассудков парень незаслуженно страдает.

Считаю, что мне сильно повезло, ведь отношения в паре могут складываться очень по-разному. Наши можно считать отличными. Несмотря на это, Илья всегда держит меня в тонусе, намекая на то, что его положение выше лишь только потому, что партнерш намного больше, чем партнеров.

Вот Катька Наумова точно не отказалась бы стоять в паре с Верхотуровым, но только через мой труп!

Последняя связка. Я плотно прижимаю пятку правой ноги к носку левой, а пятку левой ноги — к носку правой.

Танец окончен.

Улыбаюсь и начинаю хлопать в ладоши со всеми присутствующими коллегами. Я сама довольна тем, что вышло у нас с Верхотуровым.

Это реально был высший класс!

Илья, высокомерно обведя взглядом коллег, делает то, что Катьке могло присниться лишь в страшном сне. Молодой человек, словно благородный аристократ, наклоняется вперед и целует тыльную сторону моей ладони.

Парень отвечает шутливый поклон, а когда я поворачиваюсь спиной, шлепает по пятой точке. Да, вот такие шутки у балетных!

А как же без них? После напряженного дня требуются небольшие разрядки.

Девочки продолжают хлопать, и у меня складывается ощущение, что я уже нахожусь в городском театре.

Сквозь классическую музыку и всеобщий ажиотаж, вызванный появлением и выступлением Верхотурова, неожиданно громко звучит пропитанная яростью фраза:

— Не понял?!

Продолжая улыбаться, оборачиваюсь к входной двери, но когда вижу перекошенное от злости лицо Максима, теряюсь и даже делаю шаг назад. Синие глаза мужчины полыхают

такой ненавистью, что больно дышать.

Взгляд, что может соперничать с грозowymi молниями, направлен на Илью Верхотурова. Губы с презрением кривятся. Не сомневаюсь ни на секунду — Садулаев застал тот момент, когда Илья отвечивал мне шутливые поцелуи, а может даже и шлепок.

Роковой шлепок...

Максим делает резкое движение вперед, но его успеваает удержать на месте молодой человек с рыжеватым отливом волос — тот самый, что был в первый день с Максимом, когда они появились в балетной академии.

— Пусти! Черт! — рычит Макс на друга, который нисколько не уступает ему в силе. Такой же высокий, словно скала!

Тот, не смотря на эмоциональный всплеск Садулаева, обхватывает мужчину за шею и, совершенно не церемонясь, с силой сдавливаает. По отлаженным движениям понимаю, что ему не впервые приходится сталкиваться со вспышками ярости друга.

— Остынь, Макс!

— Остыну, когда этой фее в колготках ноги переломаю, — скалится Максим, явно имея в виду Илью.

Садулав все сильнее сжимаает челюсть — так, что на широких скулах ходят желваки. Да он в бешенстве!

За спиной, словно листья на ветру, шуршат эмоциональные разговоры и шепотки. Только этого не хватало!

— Ангелина, в примерку! — слышу взволнованный голос Татьяны прямо возле себя.

Я бы рада послушаться, но ноги словно приросли к полу.

— Что происходит? — слышу ничуть не испуганный, а скорее, заинтригованный голос Ильи.

Парень во все глаза смотрит на Максима.

В эти моменты Гром выглядит, словно сошедший с Олимпа бог Арес. Еще секунда и — его ярость обрушится на несчастного смертного, что посмел прогневать его, сам того не ведая.

Вижу, как в темных глазах Ильи разжигается неподдельный интерес к этому образчику мужественности. Взыграла кровь креола — к бабке не ходи. Этот интерес многие посчитали бы неприемлемым.

Макс замечает восхищённый скользкий по нему взгляд Верхотурова, что понятно по его вздувшимся венам и забитым мускулам. Лицо мужчины поначалу вытягивается, а затем Садулаева буквально перекашивает от отвращения. Он замирает и уже с тихой яростью скидывает руки друга прочь.

— Да пусти ты...

Только после этого я спешу в примерку. Тело подрагивает от пережитого стресса. Даже не думала, что Максим настолько грозный в своей ревности. Мне сложно понять свои эмоции.

Они словно высокие волны накатывают на меня одна за другой. Этаким сумасшедший коктейль страха, благоговения перед огромной силой... и какая-то глупая радость от того, что могу вызвать такие сумасшедшие эмоции у этого сильного мужчины.

Максим подумал, что у меня интрижка с Ильей. На деле же все оказалось наоборот. Кажется, Илья положил глаза на Макса. С губ слетает нервный смешок. Да, я давно знаю с предпочтениях своего партнера по балету.

За моей спиной хлопает дверь. Я вижу угрюмое, даже более того — оскорбленное лицо Максима, который, несомненно, сложил один плюс один после адресованных в свою сторону взглядов Ильи. Это становится последней каплей.

Я зажимаю рот ладонью, но смех вырывается помимо воли.

[*. «Адажио»- медленно, спокойно, не спеша]: в балете одна из форм танца (в основном дуэта), где используются поддержки балерины партнером при исполнении медленных и быстрых движений, поз, вращений, подъемов.

Глава 16

Ангелина

В глазах Максима плещется негодование. Мышцы все еще бугрятся, челюсть напряжена, но стоит Садулаеву бросить взгляд на мои ноги, обтянутые тонким бежевым трико, взгляд мужчины смягчается.

В синие глаза вспыхивают совсем другие эмоции. Он уже не так зол, как раньше. Заводится и остывает с пол-оборота... На ум приходит странная мысль.

— А ты кто по знаку зодиака? — задаю вопрос, неловко переступая с ноги на ногу.

Максим на секунду хмурится, а затем снисходительно усмехается.

— Ты что, веришь в эту чушь?

Похоже, мой странный вопрос все-таки разрядил обстановку, так как мощные дельтовидные мускулы расслабляются. Опираюсь о гримерный стол, заполненный баночками с лаком, расческами и прочими необходимыми атрибутами.

На моем лице расцветает нежная улыбка, когда я смотрю на слегка всклокоченные черные, словно крыло ворона, волосы Максима.

— И все-таки? — наклоняю голову, лукаво глядя на мужчину. В моем голосе слышны нотки кокетства, которые не ускользают от внимания Садулаева.

Он трет подбородок и смотрит из-под бровей, но нехотя добавляет:

— Ерунда все это. Лев.

Я так и думала!

Мысль о том, что мои предположения оказались верны, заставляет улыбаться еще шире.

— А ты? — неожиданно интересуется брюнет.

— Овен, — отвечаю с дерзкой улыбочкой.

Похоже мужчине это ни о чем не говорит.

Он словно коршун наблюдает, как я медленно вынимаю из волос одну шпильку за другой, пока шелковистые пряди не рассыпаются длинным шелковистым покрывалом по моей спине и плечам. Максим за считанные секунды оказывается возле меня.

Шершавые подушечки пальцев нежно проходятся вдоль моей щеки, шее... ниже, к острым выступающим ключицам.

От этой волнующей почти невесомой ласки я приоткрываю губы, но когда указательный палец скользит к вырезу репетиционного купальника, еле разлепляю их и шепчу:

— Не надо, Максим...

— Надо, детка, — откликается Садулаев так же тихо, но властно.

Он без труда приподнимает меня за талию и сажает на стол. Колено вклинивается меж моих сведённых ног, и я ощущаю мужчину настолько близко, насколько это возможно.

Горячие ладони движутся вверх по бедрам, проникая под тонкую ткань юбки, а затем с силой сминают кожу под трико. Вздрагиваю, когда пальцы касаются острых косточек бедер, и смущено замираю.

Вдруг он посчитает меня слишком тощей?

Но тяжелое мужское дыхание дает понять, что Садулаев находит меня более чем просто привлекательной. Прикусываю нижнюю губу, когда Максим сильнее сжимает мои бедра, притягивая ближе к себе.

Со смущением ощущаю через плотный материал джинс красноречивое внушительное доказательство его возбуждения. Руки помимо воли тянутся к мужчине, и я не смело обхватываю широкий торс.

Мне так волнительно, что перехватывает дыхание. Пальцы, изучая, путешествуют по литым кубикам на прессе. Меня буквально накрыло с головой волной восторга.

Терпеливо позволяя мне изучать себя, Максим с шумным выдохом обхватывает одной рукой мой подбородок и неумолимо наклоняется все ближе.

— Ой, я не помешала?

Голос Наумовой врывается в мое затуманенное сознание, разрывая тонкую интимную нить, протянувшуюся между мной и Максимом.

Торс Садулаева напрягается.

Я ощущаю под пальцами перекатывающуюся живую горячую сталь.

Дрянь! Она просто издевается.

Вспыхиваю со скоростью света, выглядывая из-за плеча Макса. Но по тому, как презрительно сверлит взглядом мое покрасневшееся лицо Катька, понимаю, КАК выгляжу сейчас, сидя на гримерном столе в объятиях Садулаева. Соскочив на ноги, приглаживаю разметавшиеся в порыве страсти светлые пряди волос.

Макс кидает недовольный косой взгляд в сторону Наумовой.

Она делает вид, что увлечена лентами на своих новеньких пуантах.

Взгляд сапфировых глаз резко возвращается к моим ногам, и я вижу, как Максим задумчиво смотрит на мои пуанты— потертые и потерявшие вид.

Но прежде, чем я успеваю сгореть со стыда и неловкости, он хрипло бросает:

— Передавайся. Я буду тебя ждать в тачке.

Дверь за Садулаевым закрывается с легким скрипом, а змея, что так долго терпела, тут же принимается злобно шипеть:

— А ты не такая дура, как я думала.

Игнорирую первый выпад в мою сторону и почти без сил падаю на стул, принимаясь развязывать пуанты.

Лучше эту малахольную не замечать. Отвечать ей — себе дороже выйдет. На смену легким трико приходят джинсовые короткие шорты и простая белая майка на тонких ляпочках.

Катька исходит ядом, видя, что я не реагирую на ее колкие фразы. Она буквально не может найти себе места, орудуя широкой щеткой для волос.

— Умница какая. Все сама, все сама... — передразнивает Катька, отравляя себя завистью. — И под босса сама догадалась лечь.

Этими словами Наумова будто дает мне под дых.

Да что несет эта курица?! Что за мерзкие небылицы выдумывает про меня эта дрянь?

Вскакиваю так резко, что стул опасно наклоняется, угрожая упасть на пол.

— Что ты несешь, дура?! — цежу сквозь зубы, упирая руки в бока.

Катька, несомненно, получает удовольствие от своей блестящей провокации и моей реакции на нее.

— Будто ты не знала, что Садулаев владелец, — она поднимает подбородок, словно показывая, что она — оскорбленная гордая дева, а я ничто — грязь под ее ногами, дешевка, — владелец ВСЕГО! — добавляет веско.

Усмехаюсь в лицо завравшейся завистнице.

— Владелица академии Татьяна и ты это прекрасно знаешь.

— Всего лишь академии, — продолжает Катька, а потом ошарашивает меня следующими словами: — А земля принадлежит Садулаеву.

Наверняка, на моем лице читается шок, потому что Катька неожиданно замолкает и растерянно отходит в сторону, уступая мне дорогу, когда я вихрем мчусь к выходу.

На душе гадко и противно. Неужели все так подумают?! Подумают, что Макарова получила главную роль благодаря... Боже!

Пробегаю мимо девочек, что все еще восхищаются пируэтами Ильи. Киваю Татьяне и несусь дальше, ощущая спиной ее обеспокоенный взгляд.

Не глядя бегу вниз по ступенькам, пока со всей силы не налетаю на неожиданно возникшего передо мной человека. Растерянно подняв глаза, непроизвольно охаю.

Дима!

— Привет, солнце, — улыбается парень, беря меня руками чуть повыше локтей. — Соскучился дико, решил встретить.

У меня перехватывает дыхание, когда я понимаю, что где-то неподалеку в своем шикарном спортивном автомобиле меня ждет Садулаев...

Глава 17

Макс.

На вид тридцать пятый — тридцать шестой, — вспоминаю небольшую изящную ступню своей конфетки. Быстро набираю текст на клавиатуре. Прежде чем отправить сообщение добавляю: Давай только нормальные, на цену не смотри.

Убираю смартфон в сторону, задумчиво барабаня пальцами по черному кожаному рулю. Кончик губ невольно дрогнул, когда я подумал о том, как засияют бархатно-карие глаза моей красавицы при виде новеньких пуант.

Она заслуживает лучшего, а мне это ничего не стоит.

Взглянув на часы, поспешно перевожу взгляд на крыльцо академии. Девушки все нет, лишь какой-то тощий щегол спешит к входу в здание. Он быстро поднимается по лестнице и в это же время появляется Ангелина.

Личико блондинки выглядит взволнованным. Мне кажется, что она вот-вот заплачет.

Я тут же напрягаюсь. Наверняка, эта стерва — Наумова — обидела мою девочку! Не привык вмешиваться в бабские разборки, но, похоже, желание защитить Ангелину рушит все мои встроенные установки и шаблоны.

Мне понадобилось менее секунды, чтобы покинуть салон автомобиля. Я сверю убийственным взглядом тощего блондина, когда он останавливает Ангелину. Парень, должно быть, попутал берега, поскольку тянет свои клешни и берет за локти мою девочку. Но прежде, чем я делаю поспешные выводы, щегол поворачивается, и я вижу его лицо. Отмечаю поразительную внешнюю схожесть с Ангелиной.

Оба светловолосые, тонкокостные...

Неожиданно догадываюсь: у Ангелины есть старший брат.

С широкой улыбкой направляюсь к своей малышке, чтобы познакомиться с ее родственником, а, может, даже заручиться его поддержкой.

В этот момент происходит что-то необъяснимое. Мелкий ублюдок наклоняется, пытаясь впитаться совсем не братским поцелуем в губы моей девочки. Моей! Это действие мгновенно заставляет меня рассвирепеть. Пальцы сами сжимаются в кулаки.

Ангелина отворачивается в последнее мгновение, и губы мелкого засранца проходятся по ее щеке. Я почти слышу звук удара кулака о позвоночник этого молокососа.

Бешенство разливается по венам со скоростью звука. Перед глазами появляется кроваво-красное зарево. Но, когда я оказываюсь рядом с парочкой, Ангелина поворачивается ко мне и одними губами шепчет отчетливое «пожалуйста», глядя на меня затравленными взглядом огромных карих глаз. Стискиваю зубы так, что, кажется, в крошку их сотру. (промо на книгу «чужая невеста. Подари мне ночь» ЮувР4d_)

У меня лишь одно желание: раздавить мелкого клопа, посмевшего встать на моем пути. Тяжело дышу, пока парень ошарашенно смотрит на меня, моргая своими карими лупёшками.

Да он от моего плевка упадёт замертво! Взгляд падает на тонкий, словно у цыплёнка бицепс. Как-то стрёмно махать с таким ничтожеством. На смену ярости приходит недоумение.

И что она только нашла в этом...?! Что в нем такого? Мышцы расслабляются. На смену негодованию и злости приходит четкое понимание того, что он мне не конкурент. Скоро она сама поймёт, что это чучело ни что иное,

как глупое детское увлечение. А если учесть еще то, как она реагирует на мои вполне невинные ласки, молокосос и в постели полный ноль.

Ангелина облегчено вздыхает, когда видит, что я не спешу убивать пацана.

Бросаю на неё насмешливый взгляд и красноречиво приподнимаю бровь. Весь мой вид говорит лишь одно: серьезно? Это твой парень?

Ангелина выглядит напуганным загнанным в угол зверьком.

«А как ты думала, милая? Вести двойные игры...»

— Дима, это Максим... Мансурович, — произносит девушка, запнувшись на отчестве.

Нежные щелчки девушки покрываются неровным румянцем.

О, как! Максим Мансурович, значит.

Что-то внутри начинает закручиваться в огромную спираль. Не привык я сдерживаться, не мое это. Поджимаю губы, играя желваками.

— Эм... Дмитрий — парень Ангелинки, — светлые брови щегла сходятся на переносице. — А вы... — он потягивает руку.

Я игнорирую этот жест, пряча свои в карманы джинс.

— Это владелец земли, на которой построили нашу академию, — говорит Ангелина уже более уверенным тоном, давая понять, что уже в курсе всех дел.

Не вижу проблемы. Да, владелец. И что? Но, похоже, у Ангелины на это другие взгляды. Ничего, переживет, свыкнется с моими миллионами, ещё тратить понравится.

От припаркованной машины раздается сигнал. Вероятно, я забыл захлопнуть дверь. Достая брелок, замечая заинтересованный взгляд мелкого засранца.

Что, нравится? Тебе не светит!

— Ого, это что, «Порше»? — парень открывает рот и недоверчиво пучит глаза, разглядывая тачку своей мечты.

— Дим, пойдём, — малышка судорожно дергает за руку полностью потерявшего к ней всяческий интерес ухажера.

Мне хочется отодрать насильно эти хрупкие милые пальчики от этого сопляка, но я с

завидным спокойствием, словно между прочим, спрашиваю:

— Хочешь посмотреть ближе? — интересуюсь у мелкого недоноска, но понимаю, что переоценил свои силы.

Голос звучит так, будто я интересуюсь, каким именно способом он предпочитает умереть.

Пацан полностью очарован спорткаром. Он совершенно не замечает ничего необычного в моем тоне.

— Серьезно?! Офигеть!

— Да, я вас подкину. Куда там вам надо?

Личико Ангелины вытягивается. Надо же, как боится! Эта мысль вызывает во мне злость. Пока парень идет к машине, смотрю ему в спину полным ревности тяжелым взглядом.

— Максим Мансурович? — едко спрашиваю Ангелину.

Она идет рядом с таким видом, словно путь лежит на эшафот.

— Максим, — тушуетя малышка, — я все объясню, только, умоляю, ничего не говори Диме. Не сейчас...

Цинично усмехаюсь в ответ, останавливаясь возле тачки. Я, наверняка, съехавший с катушек псих, но меня буквально раздирает больное желание узнать ВСЕ.

Как эти двое общаются?

Что их связывает? Абсолютно все! Чтобы воспользоваться информацией в своих целях и безжалостно разрушить эту связь, не оставив кирпичика на кирпичике.

— Ну, и как долго вы встречаетесь? — спрашиваю позднее, после того, как мы все в салоне авто.

В зеркале дальнего виденья ловлю подавленный взгляд девушки, но упрямо повторяю вопрос, адресовывая его Дмитрию:

— Как познакомились?

— Да мы с детства вместе, — охотно делится парень, разглядывая светящуюся панель. — Офигеть! Пацанам расскажу — не поверят.

— Так, значит, у вас... любовь? — усмехаюсь саркастически, поворачивая руль направо.

— Здесь остановите, пожалуйста, — просит Ангелина, встречаясь со мной взглядом в отражении зеркала.

Опять на «ВЫ»!

— Как скажешь, — кривлю губы, останавливаясь возле знакомого дома напротив «Пятерочки».

— Спасибо, — еле шепчет девушка, открывая дверь машины.

Ее женишок даже не думает помочь. Болван! Все даже намного проще, чем я предполагал. Рядом со мной она быстро забудет потраченное на этого сопляка время.

Глава 18

Ангелина

Доча! Тут тебе какую-то посылку принесли, — сообщает отец, стараясь перекричать через дверь шум воды в ванной комнате.

Я беспокойно приподнимаюсь в полной пены ванне, нечаянно проливая воду на пол. Мне все еще плохо после всего произошедшего.

Клянусь, Богом, думала, что Максим убьет Диму. Стоило вспомнить, руки вновь затряслись от пережитого унижения и страха. Как же мерзко на душе! Должно быть, Максим

думает, что я — последняя дрянь.

С мыслями об этом, со стоном закрываю ладонями лицо. Как же плохо... Как выбраться из этой западни?

Единственное, что я твердо решила — это то, что больше не хочу быть с Димой. Все, что у меня есть к нему — это что-то похожее на сестринские или дружеские чувства, не более. Стоило подумать о предстоящем разговоре, меня начинало мутить.

— Ангелок? Что с посылкой-то? Можно открыть? — настойчиво напоминает о своем присутствии отец. В голосе родителя слышится ничем не прикрытый интерес.

— Пап, я сейчас выйду, — кричу через деревянную дверь ванной комнаты и на всякий случай добавляю. — Я сама открою, — после чего выключаю воду.

Бог его знает, что там — в этой коробке. Может быть, Наташка бандероль прислала? Она сейчас отдыхает у родственников в Пятигорске. Хотя, вряд ли... Шаткое такое предположение, если быть честной с собой. Через пару дней подруга уже будет в Анапе. Она бы лично...

— Ах, черт! — ругаюсь, роняя тяжелый деревянный гребень на ногу.

Быстро вытеревшись, надеваю пижамные штаны и футболку с изображением любимого героя из мультика «Микки Маус». Пара отлаженных движений и вот — на голове красуется тяжелый тюрбан из махрового розового полотенца. Прошлепав босыми ногами по полу в зал, вижу отца.

Он сидит на кресле с видом преданного хаски, держа в руках злополучную коробку, из-за которой мне пришлось покинуть свое убежище. Ведь именно в ванной я зализывала свои душевные раны последние полчаса.

Невольно замираю, когда вижу, что именно в руках отца. Это совсем не бандероль и, тем более, не посылка. Шикарная бархатная коробочка, перевязанная атласной лентой. Все в нежно-лиловых тонах и подобрано с таким безупречным вкусом, что у меня не остается никаких сомнений — это дело рук Максима.

— Может, там конфеты? — с какой-то надеждой спрашивает отец, пытливый взглядом сканируя необычную упаковку из дорогого бутика.

В отличие от него, я понимаю, что там нечто особенное.

— Извини, пап, я думаю, что ты ошибаешься.

Я беру из рук отца бархатное великолепие и осторожно ставлю на небольшой стеклянный столик, который папа урвал по мизерной цене на одной из барахолок.

Когда я развязываю изысканно собранный бант, меж пальцев скользит широкая шелковая лента. Затаив дыхание, поднимаю верхний отсек коробочки и тут же громко вскрикиваю, не в силах сдержать обрушившийся шквал эмоций.

Отец смотрит на меня, округлив глаза.

Я же, роняя слезы, благоговейно вынимаю пуанты нежно-кремового цвета.

Не в силах справиться с собой, крепко прижимаю их груди и оседаю на ковер. Соленые слезы пощипывают нежную кожу щек. Я просто не могу поверить глазам, трепетно трогая атласное великолепие.

— Конфеты! — радостно сообщает сладкожежка, а затем добавляет: — О, здесь чей-то номер телефона, — отец громко шуршит крапсовой бумагой. Он явно совершенно не знает о таком понятии, как личные границы.

Я поднимаюсь на ноги, все еще прижимая к груди обновку так, как будто боюсь, что это иллюзия, которая может испариться в любой момент. После всего, что произошло, он

подарил мне пуанты! Не зная, как теперь с этим жить, беспомощно шмыгаю носом. Белый квадратик с номером телефона Максима переключался в мои руки. Зажав его в дрожащих пальцах, поднимаю заплаканные глаза на отца.

— Пап, главная роль моя.

Отец издает крик, похожий на боевой клич индейского воина, в победном жесте вскидывая кулак.

— Я даже не сомневался, Ангелок! Надо матери сказать, — хватаясь за кнопочный телефон, родитель воодушевленно принялся набирать номер темными от машинного масла пальцами. Казалось, оно въелось в кожу навсегда...

— Па, — желая предостеречь отца, делаю шаг вперед. — Врач сказал, ей нельзя волноваться.

— Глупости! — машет рукой отец. — Когда это вредили хорошие новости?

— Не знаю... — переполненная противоречивыми чувствами, робко пожимаю плечами. — Я так переживаю за нее. Давай, хотя бы утром?

Взглянув на меня, отец задумчиво потирает синеватый от щетины подбородок, явно задумываясь над просьбой не беспокоить маму.

— Ладно, завтра скажем. Ты бы отдохнула, дочь, — качает головой, поясняя: — Вон какие тени под глазами...

— Пап, тени — это макияж на веках, а под глазами — круги, — нежно улыбаюсь в ответ. — Я сегодня лягу пораньше. Сил нет. Илюха Верхотуров вернулся, — предупреждаю отца, все еще не отнимая от груди своего сокровища в роскошной коробке.

Отец понимающе кивает

Он в курсе требовательности моего партнера.

— Да, поспи, сил наберись, тем более, завтра выходной. Хоть на улицу выйди, свежим воздухом подыши.

На пороге спальни поворачиваюсь на оклик отца.

— А Максима-то своего... поклонника, — заминается папа, прежде чем продолжить: — когда в гости позовешь?

Значит, увидел все-таки имя в записке.

— Позову, — уклончиво отвечаю, переступая порог своей комнаты.

Я ставлю подарок Грома на прикроватную тумбу, рядом с маминой фотографией в белой простенькой рамочке из «Икеа».

— Мамочка, что мне делать? — шепчу, проводя пальцем по фото. — Как мне хочется поделиться с тобой всем-всем, что происходит.

Я понимаю, что не имею права на столь эгоистичный поступок. Расскажу обо всем — растревожу маму еще больше, что накануне операции совсем не нужно.

Дата назначена ровно после моего выступления, через месяц. А чувства к Максиму... Именно сейчас я просто не могу позволить их себе. Зато папа, похоже, понимает, что с Димой все обречено на грустный финал.

Только вот он не подозревает о том, что помимо разницы в восемь лет между мной и моим «поклонником» еще и несколько миллиардов на его счету. Тот ров, который я не представляла, как перешагнуть, в одночасье превратился в огромную пропасть.

Взгляд упал на записку с номером телефона Максима, которую папа нашел на дне коробки.

С другой стороны написано все тем же размашистым почерком: «Мой скромный

вклад в твоё хорошее настроение. Макс».

Я не могу проигнорировать его широкий жест, просто не имею права. И я хочу... хочу услышать его голос.

Устроившись на краю кровати, опускаю ноги и скрещиваю их в привычном положении. Сопя от усердия, набираю номер телефона с повторяющимися цифрами, благодаря чему его легко запомнить наизусть.

Шумно выдохнув, пытаюсь унять бешеное сердцебиение и прижимаю телефон к уху. В какое-то мгновение мне кажется, что я слышу вовсе не длинные протяжные гудки, а в динамике смартфона бьется мое собственное сердце.

Неужели не ответит?

Глава 19

Макс

— Выясни все «от» и «до». Хочу знать, чем занимается, чем дышит, где учится. Крайний срок — к сегодняшнему вечеру.

Санек чешет рыжую шевелюру, а затем принимается тереть высокий лоб.

— На фига тебе сдался этот... — запинаясь, читает на клочке бумаги фамилию и имя заинтересовавшего меня объекта. — Дмитрий Соколов?

— Надо так. Хочу убрать с дороги, но так, чтобы перед Ангелиной не стрёмно было, — усмехаюсь, зажимая деревянную зубочистку между зубами. — Доходяга должен свалить сам, без какого-либо насилия.

Я убежден, что Ангелина не простит мне рукоприкладства. Это мне совсем не нужно. У меня другая цель.

— Про телок тоже узнавать? — Санек не понимает моей чрезмерной осторожности. Он знает, что обычно я предпочитаю другие методы решения проблем.

— Про них — в первую очередь, — шурюсь от солнечных лучей, которые бьют через лобовое стекло прямо в глаза. Одним движением опускаю козырек. — Особенно то, что было за последний год.

Санек ухмыляется.

Грубое обветренное лицо «морячка» принимает ехидное выражение. Как представитель морской пехоты, где Санек оттарабанил, как говорится, от звонка до звонка, парень довольно жесткий в суждениях и выражениях.

— Че, захомутала блондиночка?

Морщусь, но не нахожу слов для ответа. Так и есть — встрял, тупо встрял по самые...

— Найди инфу, — повторяю то ли просьбу, то ли приказ.

— Слушай, брат, — серьезно начинает Волков. — Ты знаешь, я больше по ту сторону ни ногой и тебе не советую, — он пожимает плечами, мелкие морщинки под глазами становятся глубже.

У Санька своя история. Обжегся так, что до сих пор раны лечит, на воду дует. Гулящая жена — это еще то испытание для нормального мужика. Никогда не забуду, в каком состоянии нашел друга после того, как Санек вернулся из полугодичного рейса и застал свою зазнобу на супружеском ложе резвящуюся с соседом.

Тогда на него смотреть было больно. Пока он Клаву Кулакову гонял, его женушка меняла мужиков, как перчатки, не забывая шастать по кабакам, тратя налево и направо заработанные честным трудом деньги Волкова.

— Не гребь всех под одну гребенку, — поворачиваю ключ в замке зажигания. — Не

подведи. У меня на вечер планы.

Уже через пару часов на моем столе лежало полное досье на Дмитрия Соколова. Волков постарался от души, даже рост и вес указал. Учится в институте менеджмента. Причем, надо заметить, очень средне. Никаких перспектив, серьезных проступков, типа приводов и прочего не нашлось. К моей досаде, баб тоже не обозначилось. Хотя, это как раз не удивительно: чтобы изменять Ангелине, надо быть полным кретином.

Зря я об этом подумал. Кулаки судорожно сжимаются, и я с ненавистью обрушиваю один из них на стол. Сама мысль, что этот сосунок лишил мою Ангелину девственности, выворачивает наизнанку, плавит кости, словно в адском котле.

Дверь приоткрывается, и я вижу испуганное лицо своего секретаря.

— Что?! — рычу, выливая долго копившуюся злость на ни в чем не повинную девушку.

Она бледнеет и неразборчиво шевелит губами.

— Еще раз, — остываю, уже сожалея о своем срыве.

— Максут Мансурович, к вам Мансур Исаевич.

Русоволосая девушка с невзрачными серыми глазами ждет моего ответа, крепко сжимая в пальцах увесистую папку. Выдыхаю, прикрывая на миг глаза.

— Пусть войдет.

Секретарь испаряется, бесшумно закрывая за собой дверь.

Сколько эта девчонка уже работает у меня? Кажется, год. Продержалась дольше всех. Усмехаюсь, надо выписать ей премию. Черт, и как только она меня терпит?

Через минуту порог моего кабинета переступает отец. Встаю с кожаного кресла и пожимаю руку родителю.

— Поблизости был, — оправдывает свой визит отец, — решил заскочить.

Мы оба знаем, что он лукавит.

Он видит мое скептическое выражение лица и тут же берет быка за рога.

— Как движутся дела с академией?

Кривлю уголок рта. Отец, как всегда, в своем репертуаре.

— Нормально, — получает в ответ сухую констатацию факта.

— Татьяна подпишет бумаги?

Складываю руки на груди, слегка наклоняя голову набок, пытаюсь прочесть по его лицу профессионально спрятанные эмоции.

— Зачем тебе это, отец? Какая кошка пробежала между вами?

— Это земля Садулаевых, — упрямо гнет свою линию. — Давно пара было снести это здание. Оно не несет никакой прибыли.

— Во-первых, — качаю головой, не соглашаясь с доводами родителя, — ее документы чисты. Во-вторых, это не просто здание. Ты же прекрасно это понимаешь. Лучшая балетная академия города. Говори, как есть: это что-то личное.

Отец громко хмыкает и точь-в-точь отзеркаливает мою позу.

— С каких пор тебя стал волновать балет? — задает он справедливый вопрос, уводя тему в сторону. — Я для чего послал тебя к Жаровой?

Сжимаю челюсти, играя желваками, и упрямо молчу.

— Если ты не помнишь, — отец сверкает черными глазами прежде, чем продолжить, — я напомню. Ты должен создать невыносимые условия для учащихся. Мне нужна эта земля, Максут! План для постройки уже утвержден городской администрацией.

Бросаю на отца безразличный взгляд и иду к панорамному окну. В отражении вижу, что

отец буквально пылает от негодования, поэтому решаю добить его всего лишь одной фразой:

— Найди себе для этих целей другую землю.

— Мы теряем огромные деньги!

— Чего ты хочешь от меня? Чтобы я вышвырнул оттуда Татьяну силой? — начиная злиться, запускаю пальцы в волосы.

В глазах отца проскальзывает что-то похожее на скрытое смущение. Хотя, возможно, просто так падает свет от люстры, создавая причудливые тени на лице отца.

— Так вот! Я не такой подонок, как ты считаешь. Максимум, на что я согласен, предложить ей отступные.

Душу заполняет так похожее на разочарование чувство, за которым следует небольшая вспышка раздражения. Для чего дал номер, если не берет трубку?!

Телефон вибрирует и на экране появляется небольшой конвертик. SMS. Прикусив губу, разворачиваю сообщение, подсвеченное голубым светом.

«Занят. Завтра поговорим».

С минут смотрю на эти сухие слова, которые совсем не вяжутся с тем, что написано на обратной стороне небольшой записки.

Словно прочитав мои мысли,

Максим присылает еще одно сообщение: **«Спокойной ночи, детка»**. Я выключаю свет и ложусь в постель. Еще полчаса смотрю на дисплей, перечитывая смс Максима.

Как только экран гаснет, я вновь нажимаю на сенсорные кнопки, и так — пока глаза не закрываются. Трубка выскальзывает из ослабших пальцев, падая на мягкое, словно воздушное облачко, одеяло...

Морщусь, понимая, что Татьяна не согласится. Академия — это ее детище.

— Придумай что-нибудь, сынок. Я в тебя верю, — прежде, чем уйти, отец со сталью в голосе добавляет на прощание. — Не хотелось бы вводить дополнительные меры по проверкам фур, но иногда мне это кажется необходимым.

Так и хочется сказать, что мне его вера на фиг не сдалась, как и то, что плевать я хотел на угрозы в сторону моего бизнеса. Как только он уходит, я срываю с себя футболку и захожу в соседнее помещение. Всю злость я вымещаю на боксерской груше.

Если он будет останавливать каждую фуру с досмотром, у меня начнутся проблемы, поскольку товар будет поступать позже оговоренного срока. Следующие часы я полностью погружен в работу.

Сводки, накладные...

Однако, мысли относительно ситуации с академией периодически просачиваются в рабочий процесс. Перед глазами появляется образ грациозно танцующей на пуантах Ангелины.

Это все равно, что вонзить в спину нож. Устало проводя рукой по лицу, откидываюсь на спинку кресла.

В голове звучит только одно слово — проклятье.

Глава 20

Макс

Все идёт по плану. Соколову доставили флаер в один из самых элитных клубов Анапы, что находится возле самого побережья. Сопляк клюнул на мой крючок. Он искренне верит, что выиграл его с помощью репоста в одной из соцсетей.

Лох! Теперь мне осталось лишь дожидаться его прихода.

Клуб «Моби» буквально создан для фанатов роскоши и ценителей комфортного и богатого отдыха. Здесь отдыхает только определённая целевая аудитория — успешные и обеспеченные люди, «золотая молодёжь». Словом, те, кто может позволить себе выложить сотню-другую «зеленых» за обычный коктейль.

Внутри преобладают четкие геометрические линии, дорогая высококачественная отделка с позолотой и драпировками, лепнина на потолке, витражные конструкции и сложные фигуры из осветительных приборов.

В «Моби» играет живая музыка и работают исключительно профессиональные ди-джеи.

Мне повезло! Делаю глоток апельсинового сока и обвожу ленивым взглядом статусный дизайн ночного клуба. Андрей Колесников — владелец клуба, мой знакомый, сын друга моего отца. Рассматриваю пресыщенным взглядом стайку полуголых девиц. Брюнетки, блондинки, рыжие, высокие и нет — на любой вкус.

НО меня волнует только лишь одна девушка. Обладательница длинных стройных ног, шелковистых белокурых волос, чей взгляд буквально ставит на колени.

А все дело в ее бархатных, словно у оленёнка Бемби, глазах...

Телефон вибрирует, и я пробегаюсь взглядом по смс.

Отлично!

Он здесь. Проходит меньше пяти минут, как я вижу Соколова.

Парень, открыв рот, смотрит по сторонам, должно быть, не веря в свою удачу.

Усмехаюсь, делая глоток из прозрачного стакана. Удача, как же... Поднимаюсь со своего места, одергивая темно-коричневый пиджак в стиле кэжуал и направляюсь напрямиком к ошалевшему парню.

Тот никак не может отоварить взгляд от пятой точки какой-то рыжей девки с внушительными формами, крутящейся вокруг шеста.

— Димон! Не ожидал тебя здесь увидеть, — специально делаю максимально развязный тон.

Парень оглядывается. Его взгляд проясняется и мне даже кажется, что Дима искренне радуется нашей «случайной» встрече. Ни дать, ни взять старые знакомые.

— О, Макс, здорово! — щегол протягивает руку, явно стараясь выглядеть более взросло и значимо в моих глазах.

На этот разжимаю протянутую ладонь, но так, что Соколов морщится, отнимая ее, а затем и вовсе потрясывает кистью. Пацан с радостью откликается на приглашение пройти в сторону VIP зоны, а дальше все идет по накатанной. Пара стаканов с оранжево-янтарным напитком и — парень уже лыка не вяжет. Дохлый совсем оказался.

Знал бы, не позволил бы так усердствовать с элитными напитками. Откидываюсь на спинку бархатного синего диванчика с кучей подушек, разложенных по периметру.

— А где Ангелина? — спрашиваю словно между прочим, выдыхая в потолок ароматную струйку дыма.

Я знаю, что малышка уже давно спит, но мне интересно, что ответит ее «парень».

Соколов лыбится, делая очередной глоток. Наверняка, чувствует себя своим среди мажоров и бизнесменов.

— А кто ходит со своим самоваром по клубам?

Приподнимаю бровь и салютую ему бокалом. Да, ты молоток! Сам, без моей помощи, себя закапываешь.

— Говоришь, давно с Ангелиной вместе?

— Ага, сколько себя помню, — кивает Соколов. — Наши матери хорошо общаются. Точнее, общались, пока Ангелинкина мать не заболела.

Задумчиво провожу ладонью по подбородку. А вот это упущение с моей стороны — не пробить такую важную информацию.

— Что с ней?

Соколов, неохотно отрывает взгляд от танцпола.

— С кем?

Похоже сопляку совсем не интересна тема разговора. Его больше волнует разнообразие и количество горячих цыпочек на квадратный метр клуба.

— С матерью Ангелины.

— А...Ну, так сердце у нее. На операцию надо бабла, а его нет. Вот Ангелинка в последнее время шипит на меня, как разъярённая кошка. А че я? Где я ей достану столько кэша? — в голосе парня сквозит безразличие, можно сказать, даже раздражение.

Проанализировав полученную информацию, понимаю многое из того, что раньше казалось странным. Все встает на свои места.

— Ясно.

Дмитрий с плохо скрываемой завистью смотрит на мой смартфон, логотипом которого является надкусанное яблоко.

— Макс, а ты как поднял бабло?

Бросаю взгляд на наручные часы. Я узнал все, что хотел. Пора закругляться.

— Грузоперевозки.

— А для меня ничего не найдется?

Игнорирую вопрос.

Парень отводит глаза, понимая, что ему нечего ловить. Соколов, будто дорвавшийся до малины медведь, не пропускает взглядом ни одну короткую юбку.

Усмехаюсь. Щенок-то голодный!

Он продолжает раздевать взглядом все ту же рыжую бестию.

— Нравится? — киваю на понравившуюся бабенку сопляку.

— Ага, — кивает Соколов, почти давясь слюной.

Задумчиво делаю глоток, разглядывая поверх стакана девицу.

Высокая, объемная, с крупными, подкрашенными ярко-алой помадой губами — полная противоположность хрупкой нежной Ангелине. Эта, на шесте — обычная дешёвка, каких здесь пруд пруди.

Делаю резкий жест рукой, чтобы она подошла. Подведённые чёрным карандашом глаза женщины загораются предвкушением. Почти вижу, как в ее бездонных зрачках загорается неоновый свет, в котором отражаются зеленые долларовые купюры. Раскачивая бёдрами, норовит устроить свою «пятую точку» возле меня.

Киваю головой в сторону Соколова.

В глазах девицы появляется заметное разочарование, но, тем не менее, она послушно направляется к дивану, где вальяжно развалился блондин.

Щегол находит в себе силы приподняться и сфокусировать взгляд на желанном объекте. Танцовщица не теряет, удобно устраиваясь у него на коленях, и призывно улыгнувшись, запускает пальцы в светлые пряди парнишки.

Покидаю сладкую парочку «Твикс», с чистой совестью оставляя их наедине.

Это выбор Соколова, ему за него и отвечать.

Мой путь лежит к кабинету Андрея, куда и заваливаюсь без стука.

С колен Колесникова подрывается одетая лишь в тонкое черное боди и сапоги выше колен блондинка. Владелец клуба громко чертыхается, запуская трясущуюся пятерню во всклокоченную шевелюру.

— Макс, ну, ты хоть бы постучался! Сердце в пятки ушло, — уже более спокойно произносит Андрей. — Думал, жена пришла.

Девчонка, словно послушная кукла, ждет распоряжения, хлопая густыми накладными ресницами.

— Иди, Дашенька, — бубнит Андрей, отправляя свою очередную игрушку.

Он шлепает блондинку пониже спины и поднимается с кресла, резким движением застегивая ширинку на широких брюках. Колесников расплывается в улыбке. Его круглое потное лицо лоснится, словно намазанный маслом блин. Небольшие темные глаза горят, как угли.

— Какими судьбами? Сто лет не видел тебя, Макс.

— Я пришел по делу, — усмехаюсь, пряча руки в карманы джинс.

Черные глаза Колесникова загораются интересом.

— Мне нужны снимки с камеры, дальняя VIP зона интересует. Можешь организовать?

Глава 21

Ангелина

— Как? Опять?! Мы же в том месяце откладывали!

— Ангелина, поймите, пока анализы не буду в норме, я не имею права проводить операцию, — главврач смотрит на меня через толстые оптические стекла очков.

— Не понимаю. Вы же сами говорите, что все серьезно и медлить нельзя, — глаза начинает щипать от слез, и я морщу нос, чтобы не разреветься прямо в коридоре больницы.

— Прогресс на лицо. Многие показатели почти пришли в норму. Количество тех же самых лейкоцитов уменьшилось в разы, ЭХО-кардиограмма уже не так страшна, анализ почек удовлетворительный.

— Значит, маме лучше? — уточняю, прислушиваясь к словам доктора, а не к разливающейся по венам панике.

Мужчина согласно кивает, поправляя воротничок белого халата.

— Динамика явно идет на улучшение. Так что, операция не за горами, — врач делает пометку в журнале обхода и добавляет чуть мягче: — Я бы настоятельно рекомендовал со всей серьезностью отнестись к эмоциональному фону вашей мамы, — он тяжело вздыхает.

Серые глаза мужчины выглядят уставшими, а покрасневшие склеры выдают недосып.

— Она у вас меланхолик. А таких пациентов сложнее всего лечить. Особенно, когда дело касается такого органа, как сердце. Что-то на ваш взгляд незначительное может произвести эффект разорвавшейся бомбы.

— Я понимаю, — глухо откликаюсь, нервно заламывая пальцы.

Так хочется быть полезной хоть в чем-то. К тому же, скоро зарплата. В этом месяце вышло не так много, как хотелось бы. Слишком мало выступлений, но богаты тем, что есть.

— Может, что-то купить надо? Лекарства? — облизываю пересохшие от волнения губы. — Микстуры? Или...

— Забыл сообщить вам отличную новость, — врач останавливает жестом мою сбивчивую речь. — В больницу поступил новый препарат. Очень хорошее лекарство, аналогов ему нет на сегодняшний день, — гордо добавляет Сергей Анатольевич, словно это

его личное достижение.

Это лучшая новость, какую я услышала за последнее время! Мне хочется кинуться доктору на шею, но, понимая всю неуместность этого поступка, сдерживаю свой порыв.

— Спасибо, Сергей Анатольевич! — моих губ касается счастливая улыбка. Я все еще до конца не верила в такую удачу.

— Ах, да, — лечащий врач запинаясь, прежде чем продолжить. — У нас освободилось место. Мы посоветовались и решили перевести Евангелину Игоревну в палату высокого комфорта, — врач нервно отвел глаза и суетливо добавил. — Извините, мне надо на обход.

Я осталась стоять с приоткрытым от удивления ртом, растерянно глядя вслед Сергею Анатольевичу. В груди зашевелилось какое-то странное, похожее на недоверие чувство. Разве так бывает? Удача за удачей... Я тут же отбрасываю ненужные мысли в сторону. Надо радоваться, а я вместо этого, как всегда, ищу подвох.

Палата разительно отличалась от обычной. Удобная кровать, большая плазма на стене, собственный холодильник. Обалдеть! Удивленно таращу глаза на всю эту роскошь.

— Ой, доченька! — восклицает мама, приподнимаясь на локтях, когда видит, кто именно зашел в ее покои.

Спешу с улыбкой к любимой мамочке. Как же я соскучилась, родная моя! Наклоняюсь и меня обнимают самые теплые, самые уютные руки в мире!

— Да ты здесь прямо как королева, — поддразниваю маму, у которой даже, кажется, улучшился цвет лица.

На светлой коже розовеет нежно коралловый румянец. Как же важна для человека обстановка!

— К хорошему быстро привыкаешь, — откликается мама, кивая в сторону прикроватной тумбочки, где лежит пульт. — Я теперь могу смотреть кулинарные программы. Скучать некогда, — и с лукавой угрозой добавляет: — Так и домой не захочу.

Я обиженно надуваю губы.

— Ну, что ты такое говоришь? Как же мы без тебя? Папа себе места не находит.

На этих словах мамина улыбка гаснет и на гладком лбу появляется продольная морщинка. Я тут же ругаю себя, проклиная за длинный язык.

— Доченька, ты за ним проследи. Ты же знаешь, папка наш... ну, совсем простой. Как бы чего не натворил, — мама машинально прикладывает ладонь туда, где находится сердце.

У меня по спине бегут мурашки. Я пугаюсь так, что начинаю безудержно болтать обо всем, желая отвлечь маму от ненужных мыслей. Рассказываю про главную роль, про свои успехи, про Верхотурова, который вернулся после вынужденного простоя.

Мама внимательно слушает и кивает. На тонкой коже под глазами виднеются небольшие «гусиные лапки». Она тянется вперед и прикасается к моим распущенным волосам.

— Какая же ты красивая у меня, Ангелиночка, — мама неожиданно хмурит лоб и добавляет: — Так боюсь за тебя. В этом мире столько зла и зависти, а ты у меня такая наивная добрая девочка, — и сокрушенно вздыхает, вглядываясь в мои глаза. — Вернуть бы время назад. По-другому бы воспитала тебя.

— Ну, ма-ам, — тяну со вздохом и беру ее за руку, как будто хочу согреть прохладную ладонь в своих.

— Пообещай, дочка, что не будешь удобной. Действуй по велению сердца, прислушивайся к нему, — мама с силой стискивает мои пальцы в руках. — Никогда не

позволяй вытирать о себя ноги, Ангелина, даже если это будет любовь всей твоей жизни.

Мне не нравится, как все это звучит, будто...

— Вот когда последний раз ты гуляла? — прерывает мама мои мысли. — В кино ходила, в кафе?

Просто молчу, потому что даже вспомнить не могу ничего, кроме того позорного похода на «Веном» с Димкой.

— Так и знала, — мягко журит мама. — Так нельзя, дочка. Нельзя растрачивать себя без остатка на работу... на мой недуг.

Вскидываю глаза. Мне не верится, что она могла произнести такое вслух.

— Но, мам...

— Обещай, что сегодня же сходишь в кино.

Я тяжело вздыхаю. Легко сказать «обещай». А с кем? Наташка далеко.

С Димой? Упаси Бог! Да у меня даже знакомых нормальных нет. Вот что значит — посвятить свою жизнь балету. Хоть Катюку Наумову зови. Мысленно усмехаюсь, поражаясь абсурдности последнего варианта.

Слышится не громкий стук в дверь, после чего створка приоткрывается и входит медсестра. Она толкает перед собой столик на колесах.

— Евангилина Игоревна, ваш обед.

От глубокой тарелки идет ароматный пар. Помимо супа с красной рыбой, на столике тарелка с фруктами, стакан воды и апельсиновый сок.

Медсестра мягко улыбается, вынимая из кармашка форменного халата небольшую голубую таблетницу.

— После обеда примите таблетки.

— Спасибо, — не привыкшая к такому сервису мама отчаянно краснеет, а я провожаю девушку растерянным взглядом.

Как только за ней закрывается дверь, мы переглядываемся.

— И правда королева, — неожиданно смеется мама, садясь в постели. Ее глаза впервые за долгое время светятся спокойствием, а я... я просто счастлива видеть ее эмоции.

Глава 22

Ангелина

Путь от больницы до дома не долгий. Иногда даже радуюсь тому, что живу в таком небольшом городке. Все под рукой — все удобно, но, все же, мысли о чем-то «большем» порой закрадываются в мою голову. С каждым пройденным этапом мои амбиции растут. Шагая вдоль улицы, я думаю о том, как не сгореть на костре собственных желаний.

Ни одна уважающая себя балерина не отказалась бы от работы в Московском театре. Другой уровень, другая зарплата, море возможностей.

Столица России. Именно там можно развивать свой талант, ведь мастер-классов под руководством самых именитых прим не счесть.

— Красавица, подвезти?

Я так увлеклась мыслями, что даже не заметила, как за мной едет черный спортивный автомобиль. Останавливаюсь. Максим Садулаев.

— Запрыгивай, детка. Подвезу.

— Привет, — лепечу, послушно проскальзывая в салон через открытую дверь.

На мне все те же потертые джинсы и белая майка. Волосы убраны в небрежный низкий хвост, затянутый резинкой-браслетом (да, я пала жертвой тренда), на лице ни грамма

косметики. Сразу же краснею, когда Максим обращается ко мне с обаятельной улыбкой:

— Откуда топаешь?

Он поворачивает руль и медленно трогается вперед по ровной недавно отремонтированной дороге. Запах свежего гудрона перебивает так полюбившийся мне травяной аромат. Глубоко вдыхаю и он, словно дразня, проходит через рецепторы.

— Да, к маме ходила, — скромно складываю руки на коленях, все еще ощущая себя неловко после нашей последней встречи.

Встречаюсь с синими глазами и краснею до мочек ушей, в которых сверкают небольшие серьги-гвоздики с белыми фианитами — подарок папы на совершеннолетие.

— Максим, спасибо за пуанты, я... — у меня перехватывает дыхание, голос срывается от волнения, — я... Это то, о чем я даже мечтать не могла.

Он усмехается, легким движением пальцев смахивая с моей щеки выбившуюся из хвоста прядь белокурых волос. Его глаза перебегают с моих глаз на губы и обратно, и меня буквально подбрасывает вверх на эмоциональных качелях.

Сдерживающую платину срывает, будто по щелчку и я, захлёбываясь восторгом, делюсь ощущениями от подарка. Твердые на вид губы Максима смягчает улыбка. Ему, похоже, по душе моя реакция на презент.

— Они о-очень крутые, — продолжаю без остановки щебетать, непроизвольно наблюдая за тем, как мастерски Максим ведет машину.

В этом есть что-то завораживающее — когда мужчина раскрытой ладонью прокручивает руль.

— Не понимаю, как ты так точно подобрал. Пуанты не так легко выбрать, — удивляюсь тому, как точно подобрана обувь.

Макс приподнимает бровь, но слушает молча.

— Очень много нюансов: полнота, подъём, жесткость...

— Считай, мне повезло, — хрипло откликается Макс.

— У них даже есть вкладыш в комплекте, — пишу, уже не стесняясь показывать восторг. — Я в них буду выступать в городском театре!

Я боюсь хоть как-либо упоминать цену пуант. Мне очень неловко поднимать эту тему. Любопытство подстегнуло меня на следующее утро погуглить фирму. Сказать, что я была в шоке — не то слово.

— Вы что, с мамой не вместе живете? — нарушает тишину Максим. — Ты к ней в гости ходила?

— Она в больнице, — поворачиваюсь к нему. Мой ответ почти лишен эмоций. — Уже несколько недель с папой сами справляемся.

Я вижу, как Макс смотрит на меня через зеркало дальнего виденья, поэтому решаюсь продолжить.

— У нее с сердцем проблемы, после перенесённого вируса. Врач говорит, это осложнение, — затем, оживляюсь и добавляю: — Представляешь, так повезло! Маму перевели в другую палату, а там условия в несколько раз лучше.

Следующие пару минут делюсь с молодым человеком своими переживаниями. Заканчиваю новостями о том, что в больницу привезли новое лекарство, на которое у нас большая надежда — тоже неслыханное везение.

— И правда повезло, — говорит Максим.

Я тушуюсь, когда ловлю на своем лице его внимательный взгляд.

— Тебе, наверное, не интересно, а я...

— Ангелина, мне интересно все, что связано с тобой, — перебивает Садулаев, припарковываясь возле Наташкиного подъезда. Максим разворачивается ко мне всем корпусом. — Чем сегодня занимаешься?

Вроде бы простой вопрос, но у меня мгновенно потеют ладошки. Неужели хочет куда-то пригласить?

— Да так... — пожимаю плечами. — Выходной.

Максим улыбается, показывая ямочку на щеке, заставляя мои губы дрогнуть и подарить ответную несмелую улыбку.

— Давай, сходим куда-нибудь?

Я уже готова была сказать «нет», как в ушах почти наяву прозвучали мамины слова: обещай, что сегодня же сходишь в кино. Вовремя прикусив язык, несмело спрашиваю:

— В кино?

— Можно и в кино, — усмехается Макс. — Сто лет там не был. На что хочешь?

Улыбаюсь так, что щеки болят.

— Давай, на «Веном»? — выдвигаю свое предложение.

— Серьезно? Марвел? — преувеличенно выдыхает он. — Ничего не говори, детка. Просто выходи за меня.

Смеюсь, открывая дверь. Понимаю, что это безобидная шутка, но на мгновение сердце делает резкий скачок. Видя, что молодой человек тоже выходит, решаю уточнить.

— А во сколько?

— Давай, прямо сейчас.

На какое-то время я задумываюсь, но тут же соглашаюсь. Все равно делать нечего. Отдохнуть дома не умею. Слоняюсь от скуки из угла в угол. Не привыкла бездельничать.

— Давай. Только мне надо переодеться, — предупреждаю на всякий случай. — Подождешь?

Максим расплывается в обаятельной улыбке.

— Что, даже не пригласишь в гости? — играет ключами, перебирая их пальцами.

Надо же, так нагло напрашивается!

Растерянно молчу первые пару секунд, а потом решаю предупредить.

— Папа дома, выходной же.

— Отлично, — слышу в ответ. — Как раз познакомишь.

Максим одним нажатием на брелок запирает машину.

Я решаюсь сделать признание.

— Максим?

— М? — откликается Садулаев, подходя ко мне вплотную. — Что такое, детка?

— Я тебя обманула, — мне приходится запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо.

Челюсть мужчины напрягается, скулы становятся более выраженными.

— В чем именно?

— Я живу в доме напротив, — говорю так, будто призналась, что утопила котенка в речке. — А это дом моей подруги.

— Глупышка, — снисходительно усмехается он в ответ.

Глава 23

Макс

Вижу, как малышке не комфортно. Она смущается, переживает за бедную обстановку в

квартире. Не большая двушка с совковым* ремонтом. Невзрачная потерянная мебель, на полу лежит выцветший от времени линолеум.

Взглянуть особо не на что. Впрочем, мне оно и не надо. Все мое внимание сосредоточено лишь на ладной белокурой красавице, из-за которой я окончательно потерял покой. Ей здесь не место. Она должна жить в достойных условиях.

Ангелина ловко скидывает кеды и проходит вперёд, заглядывая в гостиную.

— Пап? Ты где?

Неспешно разуваюсь, аккуратно ставя кроссовки возле кед хозяйки квартиры. Они такие маленькие по сравнению с моим сорок пятым.

Из гостиной выходит невысокий мужчина. Он сонно щурит глаза. Кожа на щеке примята из-за неудобного положения во сне. Образ завершают выдавшие виды штаны с вытянутыми коленками.

— Пап, — щебечет моя малышка, — я с Максимом. Пойду, переоденусь. Мы в кино.

Делаю шаг вперед и протягиваю руку растерявшемуся мужчине. Должно быть, он не ожидал гостей в воскресенье.

— Максим, — крепко жму руку отцу Ангелины.

— Алексей.

Пожатие отца Ангелины крепкое. Настоящие руки работяги. По тому, как именно лёг загар, понятно, что он очень много времени проводит за рулём. Только у водил кожа выше локтей намного светлее, чем сами кисти рук.

Ангелина пританцовывает на пятках.

Я слегка усмехаюсь. Не может устоять на месте моя девочка.

— Иди-иди, — подгоняет ее отец в сторону комнаты, в которой стоит кровать с розовым покрывалом. — Что ты там хотела? Переодеться? Чаем напою гостя, — сообщает свои планы Алексей.

Когда за Ангелиной закрывается дверь, я следую за хозяином дома в махонькую кухню. В ней помимо газовой плиты, уместились кухонный стол и пара стульев.

— Садись. Тебе зелёный или чёрный?

— Без разницы.

Мне нравится отец Ангелины. Простой работяга, без предрассудков.

Электрический чайник вскипает буквально за минуту. С благодарным кивком принимаю чашку с пакетированным чаем.

И тут, садясь напротив меня, Алексей неожиданно выбивает меня из колеи одной фразой.

— Комплексуешь?

Я чуть не поперхнулся горячим напитком. Негатив разливается по венам со скоростью звука. Непроизвольно крепко сжимаю челюсти, выдвигая вперед подбородок. Дьявол!

— Че ты несёшь? — цежу, переходя на «ты», а затем бросаю косой взгляд в коридор.

К своему облечению, не замечаю там Ангелины. Должно быть, еще занята выбором наряда для похода в кино.

— Что вижу, то и говорю, — спокойно отвечает отец моей девчонки, не отводя карих глаз.

Крепкий орешек!

Не каждый способен выдержать мой полный острый осколок льда взгляд.

— У всех нас есть свои недостатки, — философски, с завидным спокойствием

добавляет Макаров.

Если бы не Ангелина, Макаров уже валялся бы на полу, полируя щекой мои ботинки. Эта тема табу даже для отца Ангелины. Одно напоминание о прошлом спускает всех моих бесов с цепи.

— Если скажешь... — угрожаю хозяину хаты, не договаривая фразу до конца.

В конце концов, это отец Ангелины. Но сейчас мне почти плевать.

— Не скажу, — перебивает отец Лины. — Сами разбирайтесь, не мое дело, — делает глоток чая вприкуску с печеньем. — Но знать она должна.

Глядя поверх чашки на Алексея, какое-то время ещё сверлю взглядом родителя Ангелины. Червь любопытства шевелится, извивается, заставляя поморщиться и спросить:

— Как понял? — мне необходимо знать, чтобы впредь не совершать ошибок.

— Друг у меня был с такой же проблемой, — отвечает мужчина, намазывая дешевое печенье не менее дешевым маслом. — По походке твоей, по выправке... Приходилось наблюдать подобное поведение, потому сразу понял, кто ты есть.

Провожу пальцами по шее, глядя из-под бровей.

— И кто?

— Контрактник бывший. Зуб даю!

Принимаю из рук Алексея протянутую мне пачку печенья. Нельзя обижать хозяина дома, когда он выказывает гостеприимство — так меря воспитали.

— Какой имеешь интерес к моей дочке? — интересуется отец Ангелины.

Мне нравится, как он ловко поменял тему. Сейчас я вновь вижу перед собой отца моей девочки, а не раздражающий объект.

— Самый серьёзный, — отвечаю прямо, не пряча взгляда. Не в моем стиле ходить вокруг да около. — Будь по-другому, ноги бы моей здесь не было, — добавляю грубовато, что расставить приоритеты.

— У неё есть парень, в курсе? — смотрит со светящимся любопытством в добрых карих глазах.

— Считай, что уже нет, — усмехаюсь в ответ, доедая кусочек печенья.

Через каких-то полчаса из дальней комнаты выпорхнула Ангелина в коротком бежевом платье. На милое личико нанесен неяркий макияж — тушь и какой-то светлый блеск, который ей ни к чему, все равно он продержится максимум до первого поцелуя. От этих мыслей мое настроение резко идет в гору. Поднимаюсь из-за стола, благодарю отца Лины за нехитрое угощение.

— Ладно, идите. Я рано сегодня лягу. Ключи под ковриком. Оттянитесь по полной, — выдаёт Алексей, переходя на молодёжный сленг.

Прощаясь с ним крепким рукопожатием и, мягко подталкивая Ангелину в поясницу ладонью, вывожу девушку в подъезд. Она такая красивая, что я с трудом сдерживаю руки. Так и хочется прикоснуться, погладить, сжать... Платье, туфли на среднем каблуке, распущенные волосы... Весь образ в целом у моей детки — бомба!

Спускаясь по лестнице, Ангелина задает вполне рациональный вопрос:

— А вдруг билетов не будет?

— Я уже купил, — успокаиваю малышку. Она удивленно хлопает длинными черными ресницами, что вынуждает меня пояснить: — Онлайн.

Балдею, когда вижу, как Ангелина радуется таким простым естественным вещам. Ее красивые карие глазищи широко распахнулись, стоило войти в VIP-комнату. Прежде, чем

сесть на большой уютный красный диван, девушка провела ладонью по бархатной обивке.

— А сколько человек будет с нами сидеть? — наивно спрашивает «конфетка», устраивая милую попку на краю дивана.

Я плюхаюсь рядом и одним движением руки притягиваю стройняшку ближе к себе, почти впечатывая в свое тело.

Ангелина несмело поднимает глаза и кладет хрупкие пальчики мне на грудь.

— Только ты и я, — усмехаюсь, не сводя глаз с пухлых сочных губ.

Уже представляю, с какой жадностью буду брать эту неприступную крепость. Как мягкие, упругие, словно спелые вишенки, губки малышки будут покорно приоткрываться навстречу моим. Целовать Ангелину — одно удовольствие! Раньше никогда не понимал в чем соль этого обмена слюной, поэтому резко пресекал все попытки со стороны случайных подруг.

А тут сам, словно зеленый сопливый мальчишка, готов наслаждаться сладостью поцелуя с соблазнительной во всех отношениях блондиночкой.

— Как — одни? — удивляется Лина, вглядываясь в мои глаза.

— Не понял. А кто тебе еще нужен? — напрягаю мышцы, но тут же расслаблюсь, когда Ангелина кладет белокурую голову мне на плечо, почти повторяя сказанные мною ранее слова:

— Никто. Только ты и я.

***Совковый ремонт — народное название старого ремонта, который соответствовал стандартам СССР**

Глава 24

Ангелина

Делаю последний глоток из высокого фужера. Во рту взрывается миллиард пузырьков. Хихикаю, обводя взглядом заставленный блюдами столик. Мне так хорошо!

Чувствую себя сытой кошкой, наевшейся сметаны. Суши, салаты, шоколадный десерт, пустая бутылка из-под какого-то розового напитка, которую, между прочим, я приговорила в одно лицо.

Вкусненький...

Максим отказался, оправдавшись, что за рулем. Расслабленно прикрываю глаза, но тут же испуганно вскрикиваю, когда Максим берет меня за ноги и ложит их на свои колени. Неловко поджимаю пальцы, обмотанные лейкопластырем. Их вид — еще то испытание.

Такова участь артистки балета...

— Не надо, — шепчу, пытаюсь вернуть ноги в исходное положение, забыв даже о том, что на мне короткое платье.

— Надо, — как всегда, непреклонно, возражает Макс, принимаясь ласково массировать мою ступню.

— Максим, — обращаюсь к мужчине, легонько толкая его ногой, а потом лениво наблюдаю, как его пальцы скользят по гладкой коже. — Это ведь ты... ты договорился на счёт мамы?

Он морщится, но кивает.

— Почему сразу не сказал?

— Не хотел, чтобы ты чувствовала себя обязанной, — просто отвечает он, отворачиваясь к экрану.

Фильм, как я и думала, оказался крутым. Только вот я потеряла нить сюжета, когда

широкие ладони Садулаева незаметно пробрались под подол платья. Резкий рывок и вот — я уже сижу у него на коленях, обхватив ногами мускулистые бедра мужчины. Губы Макса обрушиваются на мои.

Терзают, ласкают, доводят до полного исступления... Кажется, два последних бокала были лишними. Как еще объяснить, что я с таким восторгом реагирую на его осторожные, словно у сапера, прикосновения к резинке моего белья? Прерываю поцелуй и прикусываю губу, но, все же, полный наслаждения стон успевает вырваться из груди.

Шаловливые пальцы прикасаются к нежной коже почти везде.

— Пойдем отсюда? — шепчет жарко Максим, пощипывая кожу шеи губами. Язык касается мочки, и я крепче сжимаю пальцами широкие плечи.

— Да-а...

Неохотно слезаю с Максима. Гром осторожно возвращает мое задравшееся платье на место. Меня ведет в сторону и он, обхватив меня за талию, не дает покачнуться.

— Пойдем-ка, милая.

Всю дорогу я самым бессовестным образом флиртую с Маскимом. Одна рука мужчины покоится на руле автомобиля, а другая властно ласкает мое колено, периодически продвигаясь выше, задирая коротенькое бежевое платье.

— Красивый, сильный, нежный... — бью себя по лбу и поворачиваюсь к Садулаеву. — Я что, сказала это вслух?

Первый раз слышу, как Максим смеется.

У него такой принятый смех с хрипотцой, что я невольно всматриваюсь в лицо молодому человеку. Любуюсь красивыми чертами, в которых угадывается что-то восточное, не смотря на сапфировые глаза. Я даже не обращаю внимания, куда мы мчимся по вечернему городу. Мне никогда не было так весело. То и дело пробивает на смех... Во всем теле такая легкость!

Максим тормозит и неохотно убирает руку с моего колена.

Когда Садулаев открывает дверь со своей стороны, я тяну руки к брюнету.

— Ты куда? Давай, еще покатаемся?

Максим улыбается, вынимая из бардачка бумажник.

— Сейчас, в аптеку заскочу.

— Зачем? — свожу брови на переносице, а затем

икаю и тут же запоздало прикрываю рот ладонью, щурясь от смеха.

Максим подмигивает:

— За шоколадкой.

Растерянно смотрю, как мужчина спешит в сторону аптеки.

Кто же покупает шоколад в аптеке?

Гематоген, что ли? После всех вкусняшек в кино удивляюсь странному выбору Грома. Спустя пару минут, вижу появившегося в дверях аптеки Максима. Усевшись на свое место, он поворачивает ключ зажигания.

— Соскучилась? — хрипло спрашивает, возвращая ладонь на мое колено.

— Даааа, — нажимаю на кнопку магнитолы и салон заполняет вибрирующая музыка. — А где шоколадка? — меня удивляет, что Максим вернулся с пустыми руками.

Макс молчит, и я легонько бью его по плечу.

— А? — улыбается в ответ. — Задумался.

— Шоколадка где? — спрашиваю, чувствуя, что очень хочется съесть кусочек. Боже,

завтра придется отпахать в норматив, чтобы сжечь дополнительные калории.

— Какая? — удивляется он.

— Ну, та, за которой ты ходил в аптеку.

— Забыл, — хмыкает он в ответ.

Я поднимаю руки за голову, видя в отражении зеркала, как Макс судорожно сглатывает, бросая взгляд на аккуратные полушария груди, обтянутые тонким материалом платья.

— Не хочу домо-ой, — эти слова я почти пою.

— Заедем ко мне. Надо кое-какие документы забрать, — не спрашивает, а ставит перед фактом Максим.

Скинув туфли с ног, подтягиваю ноги к подбородку, обхватывая колени ладонями.

— Ага.

Страстно целуя меня, Макс, ни на секунду не отрываясь, умудрился вынуть из заднего кармана джинс ключ-карту.

Мы уже внутри... Дикие поцелуи, большие похожие на покусывания, приводят в такой восторг, что я безропотно позволяю наглым рукам спустить ляпочки платья, а затем резко отправить его в короткое путешествие до талии. Щелчок — и лифчик летит куда-то в сторону.

Горячие руки тут же принимаются властно сминать и гладить тёплую плоть. Сладкие стоны срываются с губ. Голова кружится и мне кажется, что я парю. Определенно, последние бокалы были лишние. Хихикнув, запускаю пальцы в прохладный шелк чёрных волос.

Я даже не поняла, как оказалась на кровати.

Макс быстрым движением снимает через голову футболку и бросает ее на пол. Несколько минут он целует меня, буквально вводя в транс. Мне кажется, что его руки повсюду. Кожа буквально пылает под сильными шершавыми ладонями.

Твердые губы касаются моей шеи. Потом они сползают ниже — к груди, а затем плавно переходят к плоскому животу. Будто сквозь слой ваты слышу, как Максим шепчет, что я вкусная конфетка. Последний предмет гардероба летит куда-то в сторону...

Слишком хорошо, чтобы смущаться. Неожиданно ощущаю горячее дыхание прямо там, где даже сама боялась раньше дотрагиваться. Наглые ласки Маска как будто спустили с цепей мои внутренние зажимы. Я настойчиво тяну пальцами за тёмные волосы, направляя его вниз.

— Ещё! — бессовестно шепчу, выгибаясь навстречу порочным мужским губам.

Контрасту темных волос Максима и моей белоснежной кожи бёдер прекрасен и удивляет. Жаркий смешок опалает, а сильные пальцы стискивают нежную кожу чуть ошутимее, фиксируя. Теперь даже если передумаю, уже не смогу сдвинуться с места.

Мне кажется, что я лечу, горю, тону... И все это сразу! В хорошем смысле этих слов. Слишком хорошо. Слишком... Не сдержавшись, стону вслух, прикусывая припухлую после бурных ласк нижнюю губу. В голове лишь одна мысль — пусть только не останавливается! Сквозь туман слышу бряканье пряжки и шорох джинс. От его ласк почти возношусь куда-то в рай.

Сильное тренированное годами тело опускается сверху, придавливая своей тяжестью так, что между нами не остаётся ни единого просвета. Испуганно напрягаюсь, упираюсь ладонями в широкие мускулистые плечи.

— Что ты...

Проведя ладонью по своим губам, Макс молниеносно обхватывает мои запястья одной рукой, прижимаясь их к шёлковой белой наволочке подушки. Он кривит в легкой издёвке уголок губ, обнажая белоснежные зубы.

— Поиграли и хватит.

Синие, словно штормовое море, глаза полыхают, заставляя словно загипнотизированная смотреть в красивое волевое лицо, ещё не зная, что ждёт впереди. Резкая, словно удар под дых, боль выводит из состояния неги, срывая с губ шокированный возглас. Наши стоны сливаются воедино. Его полный наслаждения и мой — пропитанный испугом и болью.

— Больно! — стону вырываясь из плена чувственных губ, после чего пытаюсь выбраться из-под Максима.

Это лишь добавляет новую порцию острой мучительной агонии. Кажется, низ живота и бедра горят в огне. Еле сдерживая рыдания, отворачиваю голову в сторону. Никто и никогда не увидит, как плачет Ангелина Макарова.

— Тише, маленькая. Тшш... — большой палец Макса скользит по моему горлу, лаская покрытую холодной испариной кожу. — Почему не сказала, что ещё девочка?

Глаза Макса горят восторгом, от чего мне становится ещё горше. Не для этого всего я себя берегла. Не для того, чтобы все получилось вот так! Даже не сказать, что изнасилование... Ведь я сама, по доброй воле.

Ой, дура! Слезы новым потом струятся по щекам, заставляя обиженно и горько всхлипывать.

Продолжая шептать нежности на ухо, опалая горячим дыханием шею, изверг мучает меня, словно не понимая, какую боль причиняет своей «любовью».

Но, должно быть, мои рыдания все же возымели силу.

Максим, спустя пару минут, хрипло просипев что-то сквозь зубы, смял мои губы в последнем страстном поцелуе и завалился на бок.

— Никогда с девственницей не был, — говорит он как будто сам себе через пару минут, после того, как отдышался под мои стенания и всхлипы. — Лин, ну, не плачь, а? Малыш, ты бы сказала, я бы заранее подсуетился.

Искренность в голосе Макса заставляет отвлечься от самобичевания и посмотреть непонимающим взглядом в синие глаза.

— Цветы, ресторан... Че вы там ещё девчонки любите?

Он протягивает руку, цепко беря меня за подбородок, и заглядывает в заплаканные глаза. Не выдержав пристального взгляда, краснею и отворачиваюсь.

— Что, так больно? — словно удивляясь, спрашивает Макс, проводя кончиками пальцев по трепещущей коже живота.

Киваю, ощущая, как где-то глубоко внутри вновь зарождаются истеричные рыдания.

— Прости, детка. Я заглажу свою вину, — обещает Макс, сверкая глазами, в отражении которых я вижу что-то близкое к обожанию.

Шершавая ладонь, что привыкла тягать неподъёмные для обычного человека штанги, проходится по моим волосам нежно и аккуратно, словно я — хрупкая фарфоровая статуэтка. Потрясение и напиток с миллиардами пузырьков делают свое дело — глаза начинают слипаться.

Под мерные поглаживания по волосам я уплываю туда, где нет проблем. Объятия Морфея такие крепкие и тёплые...

Глава 25

Ангелина

...что-то тяжёлое давит на грудь, стесняя дыхание. Лишь когда открываю глаза, понимаю, из-за чего именно проснулась. Через меня перекинута мужская рука, что тяжелой гирей буквально вдавила в постель. Осторожно выбираюсь из объятий, но как только принимаю вертикальное положение, едва сдерживаю болезненный стон.

Низ живота саднит.

Тупая боль отдает в бедра. Прикусив губу, наклоняюсь и тянусь к платью, что лежит на полу бесформенной шелковой лужицей. Надев его через голову, встаю на дрожащие ноги и только тогда осмеливаюсь обернуться, чтобы посмотреть на спящего Максима.

Он лежит на спине посреди огромной двуспальной кровати. Мужчина прикрывает одной рукой лицо так, что не видно глаз. В кулаке другой руки он крепко сжимает что-то небесно-голубого цвета. Вспыхиваю, когда понимаю, что это за предмет — это мое нижнее белье.

Малиновая краска опускается еще ниже — на шею, когда в сознание врывается воспоминание о том, как он заботливо обтирал мои бедра влажным полотенцем. Максим вновь поворачивается во сне, и покрывало открывает вид на белоснежную простынь. Возле того места, где спала я, расплылось огромное кровавое пятно...

Громко шмыгаю носом, чувствую себя обманутой и несправедливо обиженной. Казалось, обещали угостить сладким медом, а на деле — безжалостно покусал рой диких пчел. Смахнув ладонью слезы, присмотревшись, замечаю на тумбочке красного дерева ключ-карту.

Даже не рассмотрев интерьер номера, спешу к входной двери. Я не готова сейчас ко всякого рода разговорам, поэтому хочу покинуть помещение раньше, чем Максим проснется.

Мне так плохо физически и душевно, что просто выть хочется. Но прежде, чем я понимаю, как открыть дверь, мою талию неожиданно обхватывают крепкие руки. Спины касается горячая после сна кожа.

На секунду поражаюсь тому, как Максим может бесшумно передвигаться.

Садулаев разворачивает меня к себе лицом. Обеспокоенный взгляд синих глаз останавливается на моих — покрасневших и зарёванных.

— Ты зачем поднялась в такую рань? — спрашивает, обхватывая пальцами мой подбородок так, чтобы я не могла отвести взгляд. В его голосе слышится беспокойство.

— Мне надо на работу, а то опоздаю, — шмыгаю носом, пряча глаза за пушистыми ресницами. Я боюсь показать тот калейдоскоп чувств, что вызван его близостью.

Максим без лишних слов наклоняется и поднимает меня на руки. В ответ машинально обнимаю его за шею, пряча заплаканное лицо на обнажённой мускулистой груди. Пару шагов и он усаживается на кровать, продолжая держать меня на руках. Я слышу, как громко бьется сердце Садулаева. Кажется, оно вот-вот сорвется с «рельс».

— Моя девочка любимая сбежать хотела? — укоряет меня, а затем серьезно добавляет: — Лин, больше так больно не будет, — широкая ладонь проходит вдоль моей спины до самых ягодиц. — Обещаю, маленькая, — словно считывая мои переживания, добавляет Макс.

Он сдержанно целует меня в лоб, и я мгновенно заливаюсь краской. Мне неловко говорить с ним на эту тему.

— А теперь, будь хорошей девочкой, и поцелуй меня, — просит Максим, наклоняясь ко мне еще ближе.

Прикрываю глаза ресницами и послушно тянусь к его губам. Поцелуй такой нежный, почти невесомый...

Он прогоняет все страхи прочь, пока я не слышу, как учащается дыхание мужчины. Для меня это опасный звоночек, но как только я упираюсь кулачками в его грудь, Максим нехотя подчиняется. Облизывает нижнюю губу, прежде чем произнести:

— Позвоню Татьяне и скажу, что у тебя сегодня выходной.

— Нет! Мне надо на работу, — подрываюсь с его колен и отрицательно качаю головой. — Я не могу подводить коллектив.

— Хорошо, — сдается Гром, проводя пальцами по всклочоченным после сна волосам.

Он сейчас выглядит таким милым и заспанным, что я уже почти простила его за ночные «пытки».

— Тогда дай мне пару минут на душ. Я тебя отвезу.

У дверей Максим останавливается и поворачивается ко мне. Мужчина совершенно не стесняется своей наготы. Хотя с чего ему чувствовать неловкость? Он идеален. Несмотря ни на что, я восхищена разворотом его широких смуглых плеч, перекатывающихся мышц и прессом без единого намека на жир. Идеальный представитель мужественности. Вижу знакомую улыбку, от которой мое сердце всегда пускается вскачь.

— Как на счет того, чтобы вместе принять душ?

Я пишу что-то нечленораздельное, а Максим, посмеиваясь, скрывается за дверью ванной комнаты.

Спустя каких-то полчаса, мы спускаемся вниз на лифте. Все это время я смотрю в зеркальные двери помещения на свое отражение. Уголки губ опущены, на шее наливаются темным цветом засос... Охаю, прикрывая его дрожащей ладонью. Замечаю, как ещё пара таких же «украшает» ключицы и спускается ниже, к декольте.

— Черт! — ругается Максим, проследив за моим взглядом. От него тоже не ускользают следы вчерашней ночи. — У тебя такая нежная кожа.

Палец осторожно исследует повреждения, словно желая стереть красно-синие пятна. На скулах мужчины начинают играть желваки. Переживает за свои грубоватые ласки... До моего дома мы добираемся без приключений.

— Я с тобой, — ставит Максим перед фактом, после чего тянется к ключам, намереваясь заглушить мотор.

— Не надо, Максим. Езжай, — останавливаю его, опуская ладонь поверх руки мужчины.

Он упрямо поджимает губы.

— Я тебя отвезу в академию.

Но тут будто сама Судьба вмешивается в наш разговор. WhatsApp Максима буквально сходит с ума. По изменившемуся лицу мужчины понимаю: что-то произошло. Широкие брови сходятся на переносице. Прочитав сообщение, он несколько раз ударяет ладонью по рулю.

— Что такое? — испуганно прикасаюсь к его плечу.

Гром не реагирует. Просто смотрит перед собой, все сильнее сжимая сотовый. Смартфон буквально трещит.

— Поедешь в академию на такси, — разрывает тишину салона его голос. — Мне надо решить кое-какие рабочие моменты.

Глава 26

Ангелина

Я одна дома. Отец, как всегда, ушёл еще рано утром на работу. Должно быть, он подумал, что я встала еще раньше него. Дальше я делаю то, что не могу позволить себе при свидетелях — рыдаю всласть, жалея себя. Горячий душ слегка уменьшает боль внизу живота и пояснице и я, прислонившись спиной к холодному кафелю, прикрываю глаза.

Все было хорошо, до ТОГО самого момента. Мне так нравились его поцелуи и прикосновения, но то, что произошло потом... было ужасно. Поднимаю голову, подставляя нежную кожу лица под упругие горячие струи воды.

Полчаса уходит на то, чтобы прийти в себя. Закидываюсь обезболивающими таблетками и спешу в свою комнату, на ходу складывая в рюкзак все необходимые для работы вещи. Натягиваю на джинсы и простую светло-серую футболку. В коридоре собираю блестящие светлые пряди в высокий хвост и уже когда собираюсь выходить, вспоминаю про засосы. Судорожно ищу в косметичке тональный крем.

На мою удачу, у меня его много — целый тюбик. Быстро справившись с последствиями бурной ночи, бросаю, на всякий случай, тональник в рюкзак. Следом летит расческа.

Сейчас, когда я успокоилась и готова рационально оценить ситуацию, прихожу к выводу что больше не злюсь на Максима. Прикусываю губу, думая о том, а было бы так больно, если бы он знал, что я невинна? Теперь я этого никогда не узнаю.

Но одна лишь мысль о том, чтобы повторить этот опыт, вызвала у меня страх и панику. Игнорируя слова Максима про такси, быстрым шагом добираюсь до работы буквально за десять минут.

С территории академии стремительно отъезжает большой черный внедорожник с тонированными стеклами. Чтобы меня не зацепил лихой водитель, поспешно отступаю в сторону тротуара и удивленно таращусь на машину.

Такие авто в нашем городе можно увидеть не каждый день. Проезжая мимо меня, хозяин «Джипа» сигналиит.

«Какой придурок!» — мелькает мысль, когда я пытаюсь откашляться от густого сизого дыма, проникшего в легкие.

Меня подгоняет вперед какое-то шестое чувство. Когда я переступаю порог зала, замираю на месте, как вкопанная.

Все зеркальные поверхности уничтожены! Гора осколков разных размеров, переливаясь, сверкает от солнечных лучей. Маты, на которых проходили утренние занятия по растяжке, распороты варварским способом чем-то острым. Среди всего этого хаоса замечаю беззащитно сжавшуюся в углу фигурку хрупкой блондинки.

Татьяна!

Бросаю рюкзак, и бегу к тренеру, беря ее за плечи трясущимися пальцами.

Женщина поднимает голову, и я буквально тону в боли, которая отражается в выразительных васильковых глазах.

— Теть Тань, что случилось? — мой голос дрожит и срывается. — Кто?! Кто это все сделал?!

В горле разрастается огромный ком, из-за которого я даже не могу сглотнуть слюну.

Я прекрасно знаю, что значит для Жаровой академия — это ее жизнь, ее детище! Я поворачиваю голову в сторону двери гримерки. Она еле держится на петлях, опасно накренившись набок. В памяти всплывают воспоминания о том, как я перешагиваю порог светлого просторного зала четырнадцать лет назад лет. Тогда мне едва исполнилось четыре года.

Каким он мне казался большим и великолепным! Мягкие движения рук Татьяны, добрые наставления, когда тренер помогала делать первые шаги на пуантах... А сейчас? Все это превратилось в сотни осколков, щепок и пыль.

Остались лишь воспоминания.

Сама того не осознавая, беззвучно плачу. Мне больно, невыносимо больно за моего тренера. Татьяна мне, как вторая мама!

— Лина, — нарушает тишину тренер, обращаясь ко мне каким-то глухим «мертвым» голосом. — Я всех отпустила, и ты иди, девочка, домой.

Я отрицательно качаю головой, еще крепче обнимая за дрожащие плечи. Оставить ее здесь?! Одну? Никогда!

Татьяна, не обращая внимания на мое возражение, поднимает дрожащую ладонь ко лбу. Я отклоняюсь в сторону, смахивая со щек слезы. Подушечки пальцев женщины в засохших пятнах алой крови. Должно быть, она пыталась собрать осколки стекла. В подтверждение моих мыслей, вижу возле нее небольшую кучку фрагментов разбитого зеркала.

Понимаю, что женщина делала это, не отдавая отчет своим действиям.

— Занимайся дома, не менее двух часов, — продолжает наставлять тренер, будто находясь в трансе. По потухшему взгляду блондинки понимаю, что она в шоковом состоянии. — Занятия в зале возобновятся через пару дней.

Когда Татьяна заводит светлую прядь за ухо, громко охаю. На нежной коже лица отпечаток чьих-то пальцев.

— Надо вызвать полицию! — бросаюсь к своему рюкзаку. Как всегда, когда нервничаю, все валиться из рук. Я не нахожу ничего лучше, как просто вытряхнуть все содержимое на пол.

— Нет, — разносится эхом по разрушенному залу неожиданно твердый голос Татьяны Жаровой.

Удивленно оборачиваюсь.

Татьяна, словно птица феникс, медленно и величественно поднимается на ноги, будто королева. Раздается громкий хруст... Кажется, что это звучат не осколки стекла, а ее разбитой вдребезги души. Подбородок женщины поднимается в гордом жесте, хрупкие пальцы сжимаются в кулаки.

Во мне поднимается волна уважения, заставляя трепетать каждую клеточку тела. Перехватывает дыхание. Сейчас я вижу то, к чему стремлюсь — внутренняя сила, стержень. Человека с такой силой духа ничто не сломит. К такому не приходят по щелчку пальца — это опыт, труд, закалка. Сейчас я понимаю: чтобы вот так встать, надо перед этим упасть тысячу раз на колени. На ум приходят слова Татьяны, которые она мне говорила после очередных срывов и истерик, когда я чувствовала себя никчемной и бездарной.

«Пока ты не сдаешься — ты непобедим!»

Словно очнувшись от глубокого сна, разлепляю пересохшие губы.

— Тот, кто это сделал, должен понести наказание.

Уголок рта Татьяны дергается — такой до боли знакомый жест. Но сейчас я не могу сосредоточиться. У меня все так болит, будто меня избили, не оставив на теле ни одного живого места. Даже никогда не задумывалась о том, что душевная боль может принимать физическую форму.

- Полиция не поможет, — грубовато отрезает Татьяна. — Забудь. Я все восстановлю. Я смогу, — добавляет так тихо, что я еле различаю слова.

— Это были бандиты? — догадываюсь, растерянно глядя вслед Татьяне.

Она, отряхнув с кремового трико пыль, идет в подсобку, где хранится инвентарь. Когда тренер возвращается с метлой, ее светлые волосы наспех заплетены во французскую косу.

— Теть Тань...

Она поднимает на меня уставший взгляд лихорадочно блестящих синих глаз. Уставшая, осунувшаяся, смертельно бледная...

— Хуже. Люди Садулаева.

Глава 27

Ангелина

Не понимая сон или правда услышанное, достаточно ощутимо щипаю себя за руку. Все конечности немеют, не позволяя двинуться с места, чтобы убежать прочь, зажав уши. Я не хочу слышать слова неприглядной реальности, срывающиеся с покусанных в кровь губ Татьяны.

Садулаев — хозяин земли, на которой построена академия. Он не просто хочет получать прибыль, но намерен снести школу.

— ...пятизвездочный отель, — полный ненависти голос Татьяны проникает в мое сознание. — Уничтожить культурный центр, ради... — она устало машет рукой, принимаясь усердно сгребать осколки в кучу.

В зал спешно входит мужчина в белой рубашке и серых брюках. Шатен с посеребрёнными прядями в волосах и приятными ореховыми глазами кажется мне отдаленно знакомым. Стоит чуть напрячь память и понимаю, откуда его знаю — это отец Катьки Наумовой.

— Миш... — роняет Татьяна метлу, которая с глухим звуком падает на пол.

Из глаз женщины тут же хлынули слезы. Только рядом со своим мужчиной она дает слабину. Имеет право. Светлая голова без сил опускается на крепкое обтянутое светлой рубашкой плечо шатена.

— Он никогда не оставит меня в покое, Миш. Никогда, — шепчет Жарова, сжимая руками торс мужчины.

— Будет, милая, будет... — упокоевает Наумов, перебирая пальцами белокурые пряди волос Татьяны. — Сейчас я вызову клининг, вставим окна. Все будет, как новое.

Не могу на это смотреть!

Безумно жаль эту сильную женщину. Под предлогом, что надо принести мешки для мусора, ухожу в примерку. Правда раскаленным железом жжет сердце: Максим совсем не тот, за кого я его принимала. После этого приходит осознание, я здесь лишняя. Осторожно покидаю зал, чтобы не потревожить застывшую в объятиях друг друга пару.

Пока иду вдоль дороги, ощущаю, что к каждой ноге словно привязан тяжелый груз.

Мне кажется, что я тону в зыбучих песках лжи и обмана, а заманил меня в эти топи Максим Садулав. Заставил поверить, что я ему дорога, влюбиться в фальшивую улыбку, за которой прячет каменное сердце, не знающее, что такое любовь и сострадание. Заставил... а потом безжалостно вонзил нож в спину.

Ведь он знал, как много для меня значит балет, академия... Татьяна. Как он посмел?! Смахиваю пряди волос, что бросает мне в лицо настойчивый прохладный ветерок.

А я? Тоже хороша! Повелась, как дурочка, на ухаживания этого лицемера. Но все же, прежде, чем я вынесу окончательный приговор, хочу услышать хоть какое-то оправдание от этой сволочи. Пусть скажет глядя мне в лицо, что это все его рук дело.

Выщарапаю глаза!

Те самые, которые еще вчера приводили меня в восторг. Он получил от меня, что хотел. Вот теперь мне больно за себя... Не за работу всей моей жизни, не за Татьяну, а за ту наивную девочку внутри себя, которая получила смертельное ранение. Девочку, которая незаметно для себя отдала сердце беспринципной сволочи.

Первая любовь, первые поцелуи, первая близость — все оказалось фальшью.

Руку холодит пластмассовый корпус телефона. Громкие гудки остаются без ответа. Я даже не удивлена.

Трус! Не берет трубку.

Вдруг отчетливо понимаю, что он ведь ни разу за все время не ответил ни на один мой звонок. А зачем? Много чести для такой, как я. Громкий звук мотора заставляет оглянуться. Димка.

Парень останавливается возле меня, широко расставив ноги по бокам старенького «Байка». Он снимает оранжевый шлем, привычным жестом откидывая светлую челку на бок.

— Ангелин, — шурится блондин, удивлённо пялясь на мое заплаканное лицо. — Ты че?! Что случилось? Ты почему не на занятиях?

Всхлипываю, утирая нос совсем не так, как подобает леди.

— Академию разнесли, — голос срывается. Я еле нахожу в себе силы продолжить. — Зеркала, маты, двери — все испортили.

— Да ну?! — карие глаза парня становятся размером с блюдце. — Бомжи залезли, что ли? — делает предположение блондин.

Слезы испаряются. Им на смену приходит злость.

— Какие бомжи, Дима? — срываюсь на парне. — Это Садулаев! Он хочет снести академию и построить какое-то коммерческое здание.

Димка чешет в затылке, ероша все еще примятые от шлема волосы.

— Офигеть! — губы Димки с издёвкой кривятся. — Ну, я так и думал, что он заносчивый урод. Попросил помочь с работой, а он посмотрел на меня, как на кусок дерьма.

Последние слова привлекают мое внимание.

— Когда ты его видел?

Димка словно пугается моего, казалось бы, обычного вопроса. Карие глаза начинают бегать по сторонам, лишь бы не встретиться с моими.

— Бли-н, Лин, только не злись. Ок? — тянет он. — Я с ним в клубе встретился.

— В клубе? — удивляюсь, ожидая продолжения. — Не знала, что ты по клубам ходишь.

Кажется, я много не знаю о своем «женихе». Тут же одергиваю себя. Да, многого не знаю, как и он обо мне.

— Да, честное слово, первый раз зашел. Захотелось глянуть, че его так все хвалят. Я же думал тебя пригласить. Ну, знаешь, вместе время провести, а то ссоримся, как кошка с собакой последнее время.

Сердце замирает. Я понимаю, что дальше ничего хорошего не услышу.

— А там Садулаев. Ну, я и решил счастья попытать. Я же думал, что он нормальный мужик.

Молчу, все мое существо обернулось сплошным ожиданием.

— Побрил меня, короче, — Димкины глаза горят обидой. Подумав, парень ядовито добавляет. — Занят был слишком для такого простого пацана, как я. Рыжую курицу какую-то зажимал на диване.

Я недоверчиво смотрю на Диму.

— Ага, — продолжает он, замечая мой взгляд. — Думал, прямо там ее разложит. Короче, Ангелин, не стоит нам ходить в такие притоны. Я посидел там какое-то время и понял — не мое все это. Давай, лучше по набережной погуляем?

Я слышу пронзительный крик в своих ушах.

Что это?! Растерянно оглядываюсь по сторонам. Ладонь непроизвольно прикасается к тому месту, где рваными толчками бьется сердце. Мой крик боли звенит в ушах, не находя выхода.

— Дим, отвези меня домой, — потеряно прошу парня, который тут же протягивает мне шлем.

Пока мы мчимся по не очень ровной дороге, немного прихожу в себя. Я не позволю разрушить свою жизнь из-за одной лишь ошибки. Я буду сильной.

Судьба, словно проверяя меня на прочность, подбрасывает очередное испытание в виде припаркованного у моего дома черного спортивного автомобиля. Прежде, чем я успеваю слезть с мотоцикла, из машины появляется Максим.

Димка, заметив Садулаева, смывается со скоростью звука. Мне плевать!

Когда Максим понимает, кто именно довез меня до дома, мужественная челюсть упрямо выдвигается вперед. Должно быть, он считает меня своей собственностью. По-другому его поведения я просто не могу объяснить.

Его лицо удивленно вытягивается, когда мужчина видит, что я прохожу мимо него, окатив перед этим презрительным взглядом.

— Ангелина?

Игнорирую стальной голос Максима за спиной. Делаю вид, что он — пустое место.

— Что за... — сильные пальцы сжимают мою руку чуть повыше локтя.

Поворачиваюсь, шипя дикой разъярённой кошкой:

— Не трогай меня!

Он смотрит на меня, явно начиная заводиться. Вижу это по тому, как каменеет линия его челюсти.

— Что за детские выходки? — взрывается Максим, показывая огненный темперамент. — Какого рожна этот чудик опять возле тебя?

— Ответь мне только на один вопрос, — сверкаю глазами, тыча в широкую грудь пальцем. — Как можно быть такой сволочью?

Садулаев злится и хмуро смотрит из-под бровей.

— Это правда, что на месте академии планируется коммерческое здание? — глаза наполняются слезами и последнее слово я произношу полупшепотом. Мне страшно, очень страшно позорно разрыдаться перед НИМ.

Максим на глазах бледнеет. Смуглая кожа приобретает цвет пергамента. Кажется, я все же смогла выбить его из колен.

— Послушай, я все объясню. Все не так просто.

— Это правда? — давлю настойчиво, не отводя взгляда.

— Да, — хрипло отвечает Макс. Губы мужчины сжимаются в одну сплошную неподатливую линию.

— Нам не о чем с тобой говорить.

Я отворачиваюсь и иду в сторону подъезда. Слава Богу, лавочка пустует. Сегодня нет вездесущих бабулек-сплетниц. Хотя бы моя гордость не пострадала прилюдно.

Садулаев вновь останавливает меня, разворачивая к себе лицом.

— Подожди, Ангелина.

— Твои люди разгромили академию. Татьяна... — сбрасываю его руку. — У нее на лице остался след от удара, — делаю глубокий вдох и уже почти кричу, впадая в истерику. — Ты предал меня! Ты знал, как мне дорог балет!

— Клянусь, — цедит Максим, — я тут не при чем.

— Тогда кто?! — кричу так, что закладывает уши. — Кто при чем? Кто все это устроил?

— Мой отец.

Я горько усмехаюсь. Нет, Максим Садулаев, я не такая дурочка, как ты думаешь.

— Я тебе не верю!

После моих слов желваки на скулах Максима становятся отчетливее.

— Скажи мне, для чего ты пришел в наш зал? Какие цели ты преследовал?

Максим молчит, а затем отводит глаза в сторону.

Словно мазохистка, задаю контрольный вопрос:

— Скажи, ты был в клубе с Димой?

Будто размышляя, что ответить, он кривит губы.

— Допустим...

Качаю головой, окатывая его новой дозой презрения. Пока я не спала ночами, предаваясь мечтам, он зажимал всяких «простигосподи» по клубам.

— Забудьте меня, Максим Мансурович.

Глава 28

Ангелина

Месяц спустя

— Ангелина Макарова, на обмерку.

Неохотно плетусь к Надежде — швее большого театра. В желудке сосет, даже голова кружится — сказываешься строгая безуглеводная диета. Поднимаю руки вверх, почти не обращая внимания на манипуляции женщины.

В руках швеи быстро мелькает длинная измерительная лента, когда женщина привычными движениями делает замеры для пошива концертного купальника. Все данные швея заносит в небольшой блокнот с пометками.

В животе бурчит и я, прижав к нему ладонь, морщусь. Я почти уверена, что если не съем хотя бы дольку яблока, потеряю сознание.

— Что же ты, Макарова? — неодобрительно качает головой женщина, складывая ленту в рулон. — Перед самым выступлением поправиться решила? — синеватые тонкие губы швеи недовольно поджимаются. — Плюс три сантиметра в талии и два в груди, — итог который буквально сбивает с пуант.

Мои глаза от шока становятся размером почти с блюдца. Пересохшие губы дрожат.

— Да быть такого не может! Какие три сантиметра?! — вырывается из глубины души с искренним возмущением.

— Кушать надо меньше, — поднимая глаза от блокнота, бурчит дородная швея, а у меня ощущение, что бьет наотмашь. — Мне теперь перешивать придется.

Три... Три сантиметра! Это не один и даже не два. Находясь в полном шоке, иду в примерку. Слышу, как Татьяна раздаёт указания. Голос тренера звенит от волнения.

Как теперь посмотрю ей в глаза?! От волнения мутит так, что на лбу появляется испарина.

Жарова замечает мое присутствие, кивает и не громко спрашивает:

— Сделали замеры?

Потерянно киваю. Никогда раньше не попадала в такую ситуацию. Да, сколько раз я позволяла себе лишнего? Все излишки килокалорий к вечеру сжигала за станком.

А тут... Я испуганно поднесла руку ко лбу. А вдруг я убила себе обменку? Я видела, что делают гормоны с теми нечастными, которым не повезло. Даже с самыми стройными... Это очень страшно!

— Девочки, работаем в прежнем ритме. Придерживаемся диеты, — последние слова Татьяны, кажется, обращены именно ко мне.

Конечно же, это не так. Она смотрит не на меня, а на Катьку Наумову. Просто чувствую себя виноватой, поэтому принимаю на свой счет. Девочки смеются. Их глаза горят, они обсуждают предстоящее выступление. Мне же просто дурно. Одеваю голубое платье с легкой юбкой из органзы, на ноги белые кеды... Пока я вожусь, как копуша, гримёрка пустеет и я остаюсь совершенно одна.

Выключаю за собой свет. Настроение на нуле.

Спускаясь по лестнице, вспоминаю последнюю встречу с Максимом Садулаевым, с момента которой прошло больше недели. Он до сих пор не оставлял попыток помириться. Такой же настойчивый, как и раньше.

...он перехватил меня прямо на входе в академию. Выражение лица у него более, чем серьезное, но когда увидел, как я закатываю глаза, начал обаятельно улыбаться. Издевается, что ли?! Но глупое сердечко уже не унять...

— Максим... — начинаю недовольным голосом, когда мужчина приближается.

— О, уже не Максим Мансурович? — перебивает Макс, разглядывая мое осунувшееся лицо. — Опять не завтракала?

— А это уже не твоя проблема, — я стараюсь обойти брюнета, но он следует за мной попятам.

— А, может, я жениться хочу, — кривит Макс уголок губ.

Синие глаза скользят жадным взглядом вдоль кромки небольшого выреза платья, где виднеется небольшая ложбинка на груди. — А это значит, что твое здоровье — очень даже мое дело.

— Замечательно. Только вот загвоздка — мне плевать на твои желания! — грублю в ответ.

— Ладно, подожду.

— Что? — вскидываю глаза на мужчину

— Ты такая наивная, — хриплый голос проникает под кожу, заставляя быстрее бежать кровь по венам. — Мы же не предохранялись...

Тогда я впервые задумалась о таком исходе нашей единственной ночи.

— Нет, — испуганно шепчу себе под нос, а ноги упрямо несут меня в сторону аптеки. — Не может быть.

На мое счастье аптека полупустая. У дальнего стеллажа с «Гематогеном» какая-то сухонькая старушка перебирала узловатыми пальцами мелочь в кошельке из потертого дермантина. Застываю у витрины с кучей всевозможных экспресс-тестов. Рядом, словно специально нервируя, находится стеллаж с сосками. Ничего не понимаю в тестах, поэтому растерянно поворачиваюсь к аптекарше.

— Здравствуйте, чем-нибудь помочь? — спрашивает доброжелательно девушка в белом

халате.

Вероятно, она заметила мое замешательство.

— Можно мне, — запинаясь и облизываю пересохшие губы, прежде чем продолжить, — тест на беременность? И, пожалуйста, самый точный и быстрый.

Отдаю какие-то, по моему мнению, дикие деньги за небольшую коробочку с пластмассовой шпучкой, но успокаиваю себя тем, что душевное спокойствие стоит дороже.

Дома меня встречает сонный отец. В последнее время он молчаливый, сам на себя не похож. Должно быть, сильно переживает из-за предстоящей маминой операции. Расспросив, как прошел день и устало потерев глаза, он направляется к своему креслу напротив телевизора.

Первое время отец еще пытался вытащить из меня хоть какую-то информацию про отношения с Максимом, но когда я в очередной раз при нем выкинула шикарный будет роз в мусоропровод, неодобрительно покачав головой, больше не заикался о Садулаеве.

— Папуль, ты ужинал? — спрашиваю ради «галочки», пробегая мимо зала. Я спешу в ванную комнату.

— Да что-то аппетита нет, доча, — стараюсь перекричать шум телевизора, откликается отец. — А ты поешь. Круги под глазами... Скоро твоя замазка не справится, — говорит он, имея в виду тональный крем.

Запираюсь на железную задвижку и прижимаю ладони к пылающим от волнения щекам. Глаза лихорадочно горят. Пальцы тянутся к небольшому кармашку платья.

Несколько минут уходит на то, чтобы изучить нехитрую инструкцию. Засаекаю время, по истечении которого должен появиться результат.

Это самые долгие в моей жизни три минуты, которые длятся почти как час!

В окошечке теста появляется толстый красный плюс или, точнее, — жирный крест на моей карьере, мечтах — на ВСЕМ!

Зажимаю рот ладонью, оседая на пол. Рыдания срываются с искусанных до крови губ.

Как?! Боже, ка-ак?!

Всего одна ночь...

В отчаянии кусаю костяшки пальцев, чтобы не закричать. В голове бьет набатом лишь одно слово: БЕРЕМЕННА.

Беременна от Садулаева Максима Мансуровича.

Больше книг на сайте - Knigoed.net